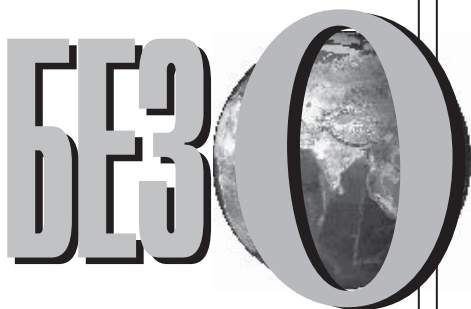

Научно-практический
журнал ПИР-Центра

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2 (109), Том 20
Лето 2014

Редакционная коллегия

Владимир Андреевич Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Сергей А. Рябков
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г. 16+. Для детей старше 16 лет.

Учредитель

Автономная некоммерческая организация
«ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Андрей А. Баклицкий, директор информационных проектов, координатор программы «Россия и ядерное нераспространение»

Евгений П. Бужинский, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, председатель Совета

Олег В. Демидов, директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом»

Дмитрий Г. Евстафьев, к.п.н., член Совета

Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер

Альберт Ф. Зульхарнеев, исполнительный директор

Галия Р. Ибрагимова, консультант

Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета

Дмитрий А. Ковчегин, консультант

Вадим Б. Козюлин, к.п.н., старший научный сотрудник

Кристина О. Кучеева, стажер

Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант

Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета

Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета

Евгения А. Павлова, помощник президента

Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель международного клуба *Триалог*

Евгений А. Попов, к.т.н., специалист по информационным системам

Галина Д. Рассказова, бухгалтер

Екатерина С. Сизикова, координатор проектов

Максим В. Старчак, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*

Екатерина А. Степанова, д.п.н., член Совета

Вячеслав И. Трубников, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета

Юлия В. Фетисова, к. филос.н., редактор бюллетеня *Russia Confidential*

Александра В. Чепелева, координатор базы данных

№ 2 (109), Том 20 Лето 2014

Дата выхода выпуска: 11 июля 2014 г.

Редакция

Орлов В.А., главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Старчак М.В., помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Жданова Т.В., референт главного редактора [zhdanova@pircenter.org]
Труханова Е.А., технический редактор
Макеева Е.И., корректор
Рассказова Г.Д., бухгалтерия

Адрес редакции и издателя

119049, г. Москва, 4-й Добрынинский
переулок, д. 8, офис 120
Телефон: +7 (495) 987-1915
Факс: +7 (495) 987-1914

Адрес для писем:

119109, Москва, а/я 147

Интернет-представительство:

<http://si.pircenter.org>

Подписка:

- По России и СНГ: Роспечать, индекс 80666 (см. с. 34)
- По России и СНГ: Пресса России, 10337, <http://www.pressa-rf.ru/cat>
- По всему миру: ООО *Триалог*, Тел.: +7 (985) 764-98-96
- По всему миру: *East View Informational Services*, <http://eastview.com>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов

Тираж (российское и глобальное издания) 2000 экз.

Свободная цена

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 115280, Москва, ул. Автозаводская, д. 25

© ПИР-Центр, 2014

О Т Р Е Д А К Т О Р А7 **(Не) судьба** — Владимир Орлов

Развернувшийся с начала 2014 г. кризис на Украине повлек серьезные последствия не только для самой страны, где он перерос в жестокую гражданскую войну, но и для всей Европы в широком смысле этого понятия — протянувшись далеко за европейские границы и повлияв на всю международную ситуацию. Воссоединение Крыма с Россией положило конец статус-кво, сложившемуся в Европе после окончания холодной войны. Твердая позиция президента Путина по защите жизненно важных интересов России и позиция Запада столкнулись лоб в лоб. Значит ли это, что Европа находится на грани возобновления холодной войны — или, возможно, новая холодная война уже началась? Главный редактор *Индекса Безопасности* предвидит начало новой эры — *мультистейкхолдерной* холодной войны, хотя и причудливой в своем роде, но от того не менее опасной, чем холодная война XX века.

Ключевые слова: региональные конфликты, ОДКБ, НАТО, беспилотники, кибероружие.

В Д Е С Я Т К У10 **Да здравствует Отечество!**П И С Ь М А Р Е Д А К Т О Р У11 **ПИР-Центру — 20 лет** — Сергей Иванов, Сергей Шойгу, Сергей Лавров, Александр Синайский, Анатолий Торкунов, Андрей Колесников, Ирина Новикова, Михаил Ульянов, Владимир Воронков, Виктор Сумский, Андрей ЯрныхИ Н Т Е Р В Ь Ю23 **Необходимо избежать ситуации, когда боевики и террористы извне имеют социальную базу внутри государств ОДКБ** — Николай Бордюжа

На решение каких задач направлена сегодня деятельность Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в деле поддержания безопасности своих участников? Какие направления развития Организации являются сегодня приоритетными? Что изменилось в структуре управления Организации за последнее время? На эти и другие вопросы отвечает генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа.

Ключевые слова: ОДКБ, Афганистан, терроризм, наркотрафик, безопасность Центральной Азии.

27 **Стратегическое сдерживание — важнейший элемент национальной безопасности России** — Сергей Рябков

В обозримом будущем ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения ядерных вооруженных конфликтов и конфликтов с использованием обычных вооруженных, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в ядерные.

Ключевые слова: ДНЯО, ПРО, Сирия, Иран, ядерное сдерживание.

35 **Внешняя политика на службе модернизации России** — Дмитрий Поликанов

Россия предпочтет путь ограниченной модернизации, подчиненной, прежде всего, задачам развития Дальнего Востока, повышения экономического роста и производительности труда. Причем все это в масштабах, необходимых для поддержания растущего социального бремени, но без перехода к реальным глубоким реформам в экономической, социальной и, тем более, политической сфере.

Ключевые слова: внешняя политика России, модернизация, экономическое развитие.

47 **Мьянмания и уроки для России** — Ольга Скороходова

В течение последних лет Мьянма прошла через серьезные политические и экономические перемены. Ее правительством было принято решение от *открытия* экономики с целью привлечения иностранных инвесторов, обернувшееся настоящим инвестиционным бумом. Автор анализирует первый опыт функционирования открытой экономики Мьянмы, изучает прошлое торгово-экономических отношений между Москвой и Нейпидо, отмечает перспективные направления для активизации российско-мьянманского экономического сотрудничества, дает оценку рискам, с которыми российский бизнес может столкнуться в этой стране.

Ключевые слова: Мьянма, АСЕАН, ВТС, торгово-экономическое сотрудничество.

63 **Нестратегическое ядерное оружие: игра за статус или за безопасность** — Александр Колбин

Вот уже два десятилетия проблема НСЯО активно обсуждается на экспертном уровне. И все чаще объективная неготовность России к сокращению своего арсенала нестратегического ядерного оружия преподносится Западом как ее нежелание способствовать укреплению атмосферы доверия в евроатлантическом регионе, где «значительные арсеналы» НСЯО России изображаются рядом западных экспертов в качестве одного из дестабилизирующих факторов.

Ключевые слова: НСЯО, ядерное разоружение, отношения Россия-НАТО.

Д О С Ь Е

81 **Идеи по всеобъемлющему урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы**

Российско-американская рабочая группа высокого уровня по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы ПИР-Центра и Центра стратегических исследований Южной Азии и Ближнего Востока продолжают выдвигать предложения по поддержанию позитивной динамики переговорного процесса между Ираном и *шестеркой* международных посредников и вклад в заключение всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе.

Ключевые слова: ядерная программа Ирана, санкции, отношения между Ираном и международным сообществом, всеобъемлющее соглашение.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

87 **Афганистан в 2014 г. и после: уравнение с пятью неизвестными** — Кирилл Барский, Евгений Бужинский, Виктор Васильев, Дмитрий Запорожец, Хекмат Карзай, Вадим Козюлин, Владимир Орлов, Татьяна Пархалина, Роберт Пшель, Елена Супонина, Николас Уильямс, Вигаудас Ушацкас, Альберт Хорев

Фактор 2014 года в Афганистане представляет собой *уравнение с пятью неизвестными*, среди которых первое — это боеспособность афганских сил безопасности, второе — фактор талибов, третье — фактор самого Хамида Карзая, четвертое — ответная реакция на это американцев и западников, и пятое — возможные внутренние этнополитические противостояния. Как будет развиваться безопасность в Афганистане в 2014 г. и после... какова роль внешних игроков в афганском урегулировании и развитии страны... способно ли афганское общество к самостоятельному управлению страной. На эти и другие вопросы отвечают российские и зарубежные эксперты за круглым столом в ПИР-Центре.

Ключевые слова: Афганистан, терроризм, наркотрафик, афганские силы безопасности, миссия «Решительная поддержка», экономическое развитие.

105 **Кто сказал, что НАТО уходит из Афганистана?** — **Виктор Коргун**

Продолжая утверждать о неизменной заинтересованности России в победе войск альянса над террористами, Москва поставила НАТО перед дилеммой: если Запад считает свою задачу в Афганистане выполненной, то он должен отчитаться об этом перед СБ ООН, от которого он получил мандат на действия в Афганистане. Если задача не выполнена, то уход войск альянса следует считать преждевременным, и НАТО должна остаться в стране, чтобы довести дело до конца.

Ключевые слова: отношения Россия-НАТО, Афганистан, транзит, наркотрафик, терроризм, экономическая помощь.

109 **Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике** — **Евгений Бужинский**

В современных условиях комплексы с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) признаются одним из важнейших средств повышения боевых возможностей соединений, частей и подразделений различных видов и родов вооруженных сил. В будущих войнах и военных конфликтах XXI в. все значимые в военном отношении страны мира будут делать ставку на применение сравнительно дешевых БПЛА.

Ключевые слова: БПЛА, беспилотная авиация, быстрый глобальный удар, аппараты-истребители, летающие роботы, беспилотный вертолет.

119 **Сдадут ли США ключи от интернета?** — **Олег Демидов**

Выработка глобальных политик в сфере управления интернетом и их согласование целесообразно фокусировать на более широких социально-экономических и иных аспектах, на вопросах безопасности в Сети, не увязывая их исключительно с вопросами обеспечения работы критической инфраструктуры DNS.

Ключевые слова: Корпорация интернета, управление интернетом, стейкхолдеры, политика США.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

123 **Индекс iSi за январь-май 2014 г. Холодная реальность 2.0.** — **Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Галия Ибрагимова, Халил Каравели, Андрей Кортунув, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури, Константин фон Эггерт**

2014 г. начался с разнонаправленных тенденций. Так, зимой 2014 г. показатель Индекса iSi рос, что было связано с продолжившимися успешными переговорами шестерки международных посредников с Ираном, операцией ОЗХО по уничтожению химического оружия в Сирии и начавшими мирными переговорами между сторонами конфликта и международными посредниками по урегулированию ситуации в стране. В конце зимы и весной 2014 г. резко обострилась ситуация в юго-восточных регионах Украины, последовали санкции США и ЕС в отношении ряда российских чиновников и компаний из-за принятия Крыма и Севастополя в состав России, продолжилась нестабильность на Ближнем Востоке, Корейском полуострове, и в государствах Латинской Америки. Эти события и тенденции привели к снижению показателей iSi.

133 **Глазами либерала: Закон Мерфи в мировой политике** — **Юрий Федоров**

Главная озабоченность западных элит связана не столько с украинским кризисом, сколько с опасениями того, что, во-первых, политика Москвы на мировой арене приобретает иррациональный и непредсказуемый характер, а, во-вторых, эпицентр нарастающего противостояния, которое может приобрести силовой характер, находится в Европе.

Ключевые слова: новая система международных отношений, украинский кризис, отношения Россия-Запад.

146 **Глазами консерватора: Новый мир: место и время рождения неизвестно. Еще неизвестно** — **Дмитрий Евстафьев**

Политическая взаимозависимость практически исчезла, где-то уступив место полной политической деструкции, а где-то выродившись в отношении метрополия-полупериферия. Ровно в то же самое время, как экономическая взаимозависимость достигла апогея, практически полностью

исключив возможность проведения полностью суверенной внешнеэкономической линии, политическая взаимозависимость и ее институты форсированным темпом деградировали, превращаясь в даже не традицию, а некий ритуал.

Ключевые слова: постмодернизм, мировая политика, Дальний Восток, евро-атлантическая безопасность, Евразийский экономический союз.

К Н И Ж Н Ы Е   Н О В И Н К И

161 *Любовь Загорулько, Ирина Малюченко, Юлия Сеславинская, Ольга Скороходова – стажеры и выпускники образовательных программ ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.*

167 SUMMARY

171 О Б А В Т О Р А Х

177 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

И РАБОЧИЕ ГРУППЫ ПРИ НЕМ

182 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

183 ГОЛОВЛОМКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Ответы на крестословицу, опубликованную в № 1, 2014

185 К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы .

О силе и слабости

(НЕ) СУДЬБА

*NATO left Afghanistan.
Putin took nash Cream.
Cristina Kirschner took the Union Jack
(not yet)
Final Cut UPD¹*

О
Т
Р
Е
Д
А
К
Т
О
Р
А

*В холода, в холода... Солнце на лето. Международные отношения — на мороз. Что это — заморозки на почве? Кратковременное похолодание? Или **новый ледниковый?***

Век спустя после начала Первой мировой войны, Европа (в широком смысле евроатлантического пространства от Ванкувера до Владивостока) и ее безопасность поеживаются от холода. Если это и холодная война, то безусловно **нового типа**: биполярный миропорядок — тот тип миропорядка, что был привычным в условиях холодной войны *классической*, исчез четверть века. Похоже, что наступает новая эпоха, эпоха *мультистейкхолдерной* — многосторонней — холодной войны. И где-то в утробе — новый мир, отнюдь не дивный (о *предчувствии* которого пишет в своем эссе Дмитрий **Евстафьев**).

Тот факт, что это — странная война, не делает ее менее опасной, чем *классическая* холодная война сороковых — восьмидесятых прошлого века. Да, те же самые игроки, что и четверть века назад, по-прежнему обладают ядерным оружием. Однако, в отличие от прежних лет, сейчас они также располагают самыми современными видами летальных и нелетальных вооружений.

Эта холодная война — не просто неприятное послевкусие украинского кризиса. Нам следует быть готовыми к долгому периоду политической нестабильности и конфликтов.

Одна из ее характеристик: хаос, паника и гонка вооружений в киберпространстве. Интернет по-прежнему остается квази-свободным, но де-факто контролируется своими изначальными разработчиками — Соединенными Штатами, и ключи от интернета они сдавать отнюдь не спешат (об этом — в комментарии Олега **Демидова**). Перспективы построения новой глобальной системы управления интернетом невелики. Разоблачения Эдварда Сноудена — это лишь вершина айсберга. Свыше 120 стран занимаются разработкой кибероружия или имеют действующие наступательные/оборонительные киберпрограммы.

Другая характеристика: развитие современных видов обычных вооружений, таких как *беспилотники* (об этом пишет Евгений **Бужинский**), боевое применение которых никак и ничем не сдерживается.

Наконец, все *дозрело* для начала гонки вооружений в космосе. Международное, главным образом российско-американское, космическое сотрудничество, которое продолжалось 20 с лишним лет, лопнуло. США, Китай, Россия, Индия и, возможно, другие заметные игроки готовы выйти в космическое пространство с

амбициозными планами, которые — даже если и не будут откровенно военными — отразятся на глобальной безопасности, добавив нестабильности и уязвимости не только для тех, кто не увлекается играми в *звездные войны* и другими космическими забавами, но и для всех остальных.

Как эти глобальные изменения повлияли или повлияют на ситуацию в отдельных регионах? И как меняется мировая геополитическая ситуация?

США не справились с ответственной ролью единственной сверхдержавы. Имперский характер Соединенных Штатов просто невозможно подчинить международному контролю. Вмешательство в дела других государств — основа того, как США видят свою роль в мире. Это вмешательство может носить различный характер, но не следует обманываться заявлениями о *выводе* войск из той или иной страны — хотя бы из того же Афганистана (об этом в статье Виктора **Коргуна**).

Соединенным Штатам удастся сохранить контроль над двумя ключевыми для них регионами — Азиатско-Тихоокеанским и Ближневосточным — что крайне непросто, — при этом отдав региональные конфликты вокруг России на *аутсорсинг* Европе, да и то не полностью, ибо и там Соединенные Штаты сохраняют свое прямое присутствие. Представляется, что сейчас уже не имеет значения, какая администрация придет к власти следующей: демократическая или республиканская. Эта тенденция едина для обеих партий. Те в американском правительстве, кто поддерживал идею более многостороннего — или менее однополярного — мира, оказались сегодня маргинализированы.

Украина стала не главной причиной, а лишь *последней каплей* в обледенении российско-американских отношений. Но она оказалась важной *каплей*, слишком болезненной для **России**, слишком ядовитой. (Не за тем отдавали Ходорковского, чтобы Обама взял Киев. Тем более сделал это в тот момент, когда руки были связаны Сочинской Олимпиадой; именно выбор момента — это было совсем подло, *не по-пацански*). Государственный переворот в Киеве, ниточки от которого ведут в Вашингтон, был проведен по классической схеме, уже не раз апробированной в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Но никогда еще подобного рода операции не проводились так близко к границам России и не затрагивали российские интересы столь глубоко. Действия Москвы по Крыму были стремительны и профессиональны. Теперь же на Украине идет гражданская война, рискующая превратиться в затяжной конфликт низкой интенсивности.

Помимо всего прочего, украинский кризис оказал существенное воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в России, предоставив уникальный шанс тем, кто всегда был на обочине процесса принятия решений в Кремле — ультраконсерваторам-фундаменталистам, идеология которых была и останется антизападной вне зависимости от того, что произойдет дальше на Украине и вокруг нее. Долгосрочный курс президента Путина, направленный на то, чтобы не тратить собственную энергию и энергию страны на бесполезные споры, а вместо этого вкладываться в развитие, сейчас оказался сорванным или, как минимум, значительно пострадал. В этом смысле, администрация Обамы достигла своей крайне недалёковидной, но ясной и знакомой цели: США вновь ослабили Россию, вынудив ее продемонстрировать свою мощь, когда Россия вообще-то была настроена на то, чтобы *сосредоточиваться*, но не *разбрасываться*.

С другой стороны, именно эта жесткая, грубая сила России — и, безусловно, сила самого президента Путина — сегодня привлекает к России влиятельных игроков из Ближнего Востока, Восточной Азии и других регионов, как никогда ранее заинтересованных в развитии деловых и стратегических отношений с Москвой.

В своей недавней речи на встрече с российскими послами президент Путин сознательно выбрал примирительный, умеренный тон. Не делая никаких уступок в вопросах Украины и Запада, что в целом верно, Путин предпочел сконцентрироваться на построении новой европейской архитектуры безопасности в будущем году — году 40-летия Хельсинкского заключительного акта, а также на идее Евразийского союза как общего экономического (а, возможно, в будущем и геополитического) пространства. Этот стратегический проект заметно пострадал от укра-

инского кризиса, но остается жизнеспособным и имеющим потенциал. Конечно, в нынешних условиях для движения в сторону Евразийского союза не менее важно *инвестировать* в систему коллективной безопасности — ОДКБ, о чем говорит на наших страницах Николай **Бордюжа**. Однако здесь пока прорывов не заметно.

Не улучшив своих стратегических связей с Америкой, **Европа** близоруко испортила их с Россией. В момент кризиса, когда руководство Евросоюза могло сыграть решающую роль в выправлении ситуации, Брюссель проявил себя из рук вон плохо. Иного, однако, и не следовало ожидать. На последних европейских парламентских выборах победу одержали ультраконсерваторы. НАТО же, казалось, только обрадовалось появлению еще одного врага, что совпало по времени с выводом его войск из Афганистана, не справившихся ни с уничтожением противника, ни с восстановлением страны. Украинский кризис оказался просто подарком для НАТО — который НАТО частично само и сотворило. Неожиданно и ко всеобщему удивлению, единственной уравнивающей силой в Европе оказалась подзабытая ОБСЕ, во многом благодаря умному и грамотному председательству в ней Швейцарии.

Китай, очевидно, является единственной страной, оказавшейся в выигрышном положении в связи с этим *обледенением*. Тесные связи между Россией и Китаем являются не тактическими, а стратегическими в своей основе. Однако они будут подвергнуты испытанию, когда Китай решит провернуть нечистые дела в регионе, который в данный момент представляет для него наибольший интерес, а именно, в Юго-Восточной Азии и прилегающих морях, в частности Южно-Китайском море. Со своей стороны, Россия, скорее всего, поведет себя так же, как и Китай в ситуации с Украиной: молча воздерживаясь — и однозначно не пытаясь чему-либо помешать.

Чего ждать от глобальных процессов, примеряясь к *холодной реальности 2.0*. (как, оценивая последние месяцы, ее назвала в своем обзоре Галия **Ибрагимова**)?

Во-первых, существующие международные договоры и соглашения в сфере безопасности будут подвергнуты суровому испытанию на прочность. Некоторые из них уже вскоре завершат свой век, другие еще поборются, а какие-то, из наиболее существенных — как, например, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), — вероятно, даже выживут, но без шанса на дальнейшее укрепление.

Во-вторых, вероятность заключения новых многосторонних договоров, призванных обуздать новые глобальные угрозы и вызовы, такие как гонка кибер- или космических вооружений, мала.

В-третьих, формализованные международные организации (прежде всего, ООН и ее институты), равно как и неформальные коалиции и клубы стран — *семерки* ли, *бриксы* ли — вряд ли будут в состоянии справиться с новой повесткой дня в области глобальной безопасности.

Таким образом, впечатление последних двух десятилетий, что жесткая сила постепенно уступает место силе мягкой, оказалось не только попыткой выдать желаемое за действительное, не только неправдой, но и опасной иллюзией.

Глобальные процессы *пошли вразнос*. Мы обречены на нарастающую глобальную нестабильность. И вряд ли здесь есть чудодейственные средства, способные предотвратить нарастание этой нестабильности. Фатум нон пенис, в руки не возьмешь, любил говорить Бродский.

Несудьбоносные по отдельности, события последних лет сплелись-таки в клубок. Вот такая, как бы выразился *Ленинград*... *судьба*².

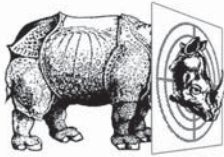
Владимир Орлов

Примечания

¹ Спасибо *Pink Floyd*.

² Как уже убедился читатель — и может убедиться на всем протяжении этого номера — редакция scrupulously соблюдает законодательство Российской Федерации.

В ДЕСЯТКУ: ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОТЕЧЕСТВО!

И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж,
подрывную активность, бродяжничество, менаж-
а-трау, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала,
тыча в меня натруженными указательными: «Не наш!»

я бы втайне был счастлив, шепча про себя «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи;
запомниай же подробности, восклицая «Vive la Patrie!»

Иосиф Бродский

Джеффо Лов, иллюстрация к Мифу о Сизифе Альбера Камю

ПИР-ЦЕНТРУ — 20 ЛЕТ

**АДМИНИСТРАЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Москва

« 29 » апреля 201 4 г.

№ А4-7514П

Г-ну В.А. Орлову,
президенту ПИР-Центра

Москва 119049,
4-й Добрынинский пер. 8, офис 103

Уважаемый Владимир Андреевич,

Примите искренние поздравления по случаю двадцатилетия возглавляемого Вами ПИР-Центра политических исследований.

За годы своего существования ПИР-Центр прочно утвердился в ряду ведущих российских неправительственных структур, специализирующихся на проблематике международной безопасности, нераспространения ядерного оружия и контроля над вооружениями. Высокий профессионализм сотрудников, эффективная организация их работы снискали Центру высокий авторитет в политических, научных и общественных кругах как в России, так и за рубежом.

Ваши исследования служат большим подспорьем в работе Администрации Президента, многих министерств и ведомств Российской Федерации. Активная аналитическая и издательская деятельность Центра представляет собой хороший пример конструктивного сотрудничества между экспертным сообществом и государством. Уверен, что такое взаимодействие будет и далее успешно развиваться.

Желаю Вам и всему коллективу ПИР-Центра новых успехов в работе и всего самого доброго.

С уважением,

Руководитель Администрации

С. Иванов

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА 274/105 121 2/6 2030=

ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ Г. МОСКВА Ч9 ЧЕТВЕРТЫЙ ДОБРЫНИНСКИЙ
ПЕРЕУЛОК Д.8 ОФ. 103 ПРЕЗИДЕНТУ ПИР-ЦЕНТРА В. А. ОРЛОВУ=

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ВСКЛ

РАД ВОЗМОЖНОСТИ ПОЗДРАВИТЬ ПИР-ЦЕНТР С ЮБИЛЕЕМ.
НА ПРОТЯЖЕНИИ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ВАША ОРГАНИЗАЦИЯ ИГРАЛА ВАЖНУЮ
РОЛЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ, СТИМУЛИРОВАЛА
ДИСКУССИИ ПО НАИБОЛЕЕ ОСТРЫМ ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И СТРЕМИЛАСЬ ОБЕСПЕЧИТЬ АНАЛИТИЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ НЕВОЗМОЖНО БЕЗ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОДХОДА. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, ПОСТОЯННО ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ТРЕБУЕТ БЫСТРОЙ И ТОЧНОЙ РЕАКЦИИ.
ПИР-ЦЕНТРУ ВО МНОГОМ УДАВАЛОСЬ НАХОДИТЬ ТУ ЗОЛОТУЮ СЕРЕДИНУ
МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ, ИЗ КОТОРОЙ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ПОЛУЧАЕТСЯ
ДОБРОТНАЯ АНАЛИТИКА.

ВЫСОКО ЦЕНЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИР-ЦЕНТРА И ЖЕЛАЮ ВАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
УСПЕХОВ. = ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ-РУКОВОДИТЕЛЬ АППАРАТА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ С. ПРИХОДЬКО-

ННН Время-08:07 Дата-03.06.2014 Вх.номер-0002

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

МИНИСТР ОБОРОНЫ

г. Москва, 119160

30 апреля 2014 г. № 242/316

На № _____

Президенту Центра
политических исследований России
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич!

Поздравляю Вас и сотрудников Центра политических исследований России с юбилеем. На протяжении двадцати лет Министерство обороны Российской Федерации имеет в Вашем лице надежную аналитическую поддержку по вопросам ядерного нераспространения и контроля над вооружениями.

В современном мире военный потенциал страны измеряется не только количеством танков и самолетов, но и ее интеллектуальными ресурсами. Рад отметить, что российские исследовательские институты, такие как Ваш Центр, помогают нам сохранять и наращивать возможности в данной сфере.

Создание в соответствии с решением Совета министров обороны государств-участников СНГ тренингового центра по международной безопасности является ярким примером участия Центра политических исследований России в укреплении международного военного сотрудничества.

Желаю Вам дальнейших успехов в работе.

С. Шойгу

П
И
С
Ь
М
А
Р
Е
Д
А
К
Т
О
Р
У

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ПРЕЗИДЕНТУ
АНО «ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич,

От имени Министерства иностранных дел и от себя лично сердечно поздравляю Вас и Ваших сотрудников с 20-летием со дня основания Центра политических исследований России.

За прошедшие годы ПИР-Центр утвердился в качестве авторитетной неправительственной организации, ведущей системную работу по широкому спектру проблем международной безопасности. Осуществляемые вами исследования в различных сферах, включая проблемы нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями, востребованы в экспертном сообществе, а журнал «Индекс Безопасности» хорошо известен в нашей стране и за ее пределами. Весомый вклад вносит ПИР-Центр, в том числе в партнерстве с МГИМО, в подготовку молодых специалистов-международников.

В Министерстве иностранных дел приветствуют активное участие отечественного НПО-сообщества в реализации задач, стоящих перед страной на внешнеполитическом направлении. Ценим конструктивное сотрудничество с возглавляемым Вами Центром, готовы к его продолжению в интересах эффективного продвижения интересов России на международной арене, укрепления ее авторитета и влияния в мировых делах.

Желаю Вам и всему коллективу ПИР-Центра новых творческих успехов и всего самого доброго.

« 30 » апреля 2014 года

С. ЛАВРОВ

СЕКРЕТАРИАТ СОВЕТА МИНИСТРОВ ОБОРОНЫ
ГОСУДАРСТВ - УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

«30» апреля 2014 г.
№ 201/229

119160, г. Москва, Ленинградский пр., д.41
Тел: (499)157-82-53
Факс:(499)157-80-26

Президенту Центра
политических исследований России
В.А. Орлову

Уважаемый Владимир Андреевич!

От имени Секретариата Совета министров обороны — участников Содружества Независимых Государств сердечно поздравляю Вас и всех сотрудников с 20-летием образования Центра политических исследований России!

За прошедшие годы ПИР-Центр стал одной из ведущих российских организаций, осуществляющих многогранную деятельность в области международной безопасности.

Благодаря Вашим усилиям создана и успешно развивается уникальная научно-образовательная площадка, где расширяют профессиональный кругозор и повышают квалификацию молодые специалисты, работающие в сфере обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Научно-образовательную деятельность ПИР-Центра отличает многообразие рассматриваемых проблем, креативный подход к их изучению, применение новейших технологий в изложении материала, широкое использование дискуссий и диалога в обсуждении наиболее актуальных вопросов современности. Многолетние тесные контакты ПИР-Центра с ведущими российскими и зарубежными специалистами позволили сформировать высокопрофессиональную команду лекторов, обладающих глубокими знаниями и опытом решения проблем национальной и региональной безопасности.

Ваши усилия, направленные на реализацию образовательных программ среди молодых политиков. Дипломатов, военных, журналистов, находят широкую заинтересованность в государствах — участниках СНГ.

Надеюсь, что взаимовыгодное сотрудничество Центра политических исследований России с министерствами обороны государств — участников СНГ будет способствовать сохранению общих ценностных ориентиров в обеспечении региональной безопасности, развитию добрососедских отношений и взаимопонимания в формате Содружества.

Желаю всему коллективу ПИР-Центра благополучия и дальнейших успехов в деятельности на благо Российской Федерации, Содружества Независимых Государств и всего мирового сообщества.

С глубоким уважением,

Секретарь Совета министров обороны государств — участников
Содружества Независимых Государств

А. Синайский

У
О
Т
К
А
Д
Р
Е
М
А
С
Ь
П
И

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Проспект Вернадского, дом 76, г. Москва, 119454
Тел.: (495) 434-00-89 Факс: (495) 434-90-61

25.04.14г. № 970/01
на № _____ от _____

ПРЕЗИДЕНТУ
ЦЕНТРА ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич!

От имени МИМО-Университета сердечно поздравляю Вас и весь коллектив ПИР-Центра с 20-летним юбилеем!

ПИР-Центр сумел стать ведущей экспертно-аналитической организацией в России по проблематике международной безопасности и нераспространения ядерного оружия. Высокопрофессиональная работа аналитиков центра вносит весомый вклад в развитие прикладных научных исследований по стратегически важной международной проблематике.

Отдельно хотелось бы выразить крайнюю признательность за Ваши усилия по интеграции ведущихся в ПИР-Центре исследований в образовательный процесс МГИМО. Организованный в 2013 г. совместный модуль по ядерному нераспространению вызвал живые, заинтересованные отклики студентов и продемонстрировал большие возможности для дальнейшего сотрудничества. Рассчитываем, что созданная нами площадка послужит основой для открытия полноценных образовательных программ.

Желаю Вам и всему коллективу Центра благополучия, дальнейших творческих и научных успехов, плодотворной работы.

РЕКТОР

А. В. ТОРКУНОВ

Президенту ПИР-Центра
В.А. Орлову

Уважаемый Владимир Андреевич!

Я рад возможности поздравить коллектив ПИР-Центра с эпохальным событием — двадцатилетним юбилеем.

Не многим российским неправительственным центрам удалось пройти через непростые времена смены эпох и дискурсов российской общественной мысли и остаться ключевыми участниками широкой международной дискуссии по проблемам безопасности. В этом смысле девиз ПИР-Центра «Non Multa, Sed Multum» сегодня обрел особое значение и подчеркивает высокую миссию, которую успешно реализует практически в режиме 24/7 небольшая, но фанатически преданная делу, сплоченная команда.

Для нас как для представителей интернет-отрасли сотрудничество с коллегами из ПИР-Центра открыло новые возможности для развития дискуссии по всему спектру вопросов в области управления интернетом и кибербезопасности. Мы очень благодарны Вашим коллегам за возможность участия в открытой дискуссии с представителями других стейкхолдеров Ваших научных сред и надеемся на продолжение этой замечательной традиции.

Для Вас, как и для Рунета, 20 лет это не время подведения итогов, а период разработки «планов грамодья», и мы желаем ПИР-Центру оставаться в *центре* событий и продолжения *пира* духа по всем направлениям исследований и на всех континентах, где трудится его многоликое, разноязыкое и полное научного энтузиазма международное экспертное сообщество.

С уважением,

Директор

А. В. Колесников

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034

тел./факс 328-97-88

http://www.spbu.ru

ОКПО 02068516 ОГРН 1037800006089

ИНН/КПП 7801002274/780101001

16.05.2014 № 82-14-236

на № _____ от _____

Президенту ПИР-Центра
В.А.Орлову

Глубокоуважаемый Владимир Андреевич!

Факультет международных отношений СПбГУ искренне поздравляет Вас и Центр политических исследований России с двадцатилетним юбилеем! ПИР-Центр является одной из лучших неправительственных экспертно-аналитических организаций не только в России, но и за рубежом. Многие из наших выпускников проходили Летние и Зимние школы, а также стажировки в ПИР-Центре и неизменно подчеркивали высокий профессиональный уровень специалистов вашей организации и их эффективную деятельность при подготовке новых кадров, специализирующихся на проблематике международной безопасности и ядерного нераспространения.

Желаем Вам и всем сотрудникам ПИР-Центра дальнейших успехов в столь важной и нужной работе и надеемся, что сотрудничество между нашими организациями будет развиваться и дальше!

Декан факультета
международных отношений

И. Н. Новикова

**МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ДЕПАРТАМЕНТ ПО ВОПРОСАМ
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ И КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ**

119200 г. Москва
Смоленская-Сенная пл., 32/34

Тел.: (499) 244 2230
Факс: (499) 795 1483

ПРЕЗИДЕНТУ
ЦЕНТРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич,

Поздравляем Вас и сотрудников Вашего Центра с 20-летним юбилеем!

На протяжении всего этого времени ПИР-Центр не раз доказывал, что по праву считается одной из наиболее авторитетных НПО России, обладающих большим политическим потенциалом и солидной экспертизой.

Ценим тесное и продуктивное сотрудничество Вашей организации с ДНКВ МИД России по вопросам контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения и готовы к дальнейшему развитию нашего взаимодействия.

Желаем Вам и Вашему коллективу творческих успехов и неугасаемых сил для отстаивания приоритетов Российской Федерации на международной арене!

ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА

М. УЛЬЯНОВ

«30» апреля 2014 г.

У
Р
О
Т
К
А
Д
Е
Р
А
М
С
Ь
П
И

В.А. Орлову

Вена, «24» апреля 2014 года

Президенту Центра политических исследований России,
главному редактору журнала «Индекс Безопасности»

Дорогой Володя!

Хотел бы от всей души поздравить тебя и весь коллектив ПИР-Центра с юбилеем.

20 лет — это не просто «круглая дата» и хороший повод оглянуться назад, оценить пройденный путь. Это прежде всего, солидная веха, наглядное свидетельство зрелости, состоятельности и востребованности. Одновременно это и возможность заглянуть в будущее, наметить новые горизонты, поставить амбициозные цели, сформулировать долгосрочные задачи.

Я мог бы многое сказать о том, что сегодня ПИР-Центр это не просто мощная аналитическая площадка, но и российский «бренд», по сути, узнаваемый во всем мире знак качества в области исследований вопросов ядерного нераспространения, разоружения и международной безопасности. Однако то, что всегда составляло важную отличительную особенность ПИР-Центра и что мы особо ценим — это готовность к взаимодействию с российскими государственными структурами, в частности, с МИД России. Разумеется, наши взгляды и подходы к решению тех или иных проблем не всегда совпадают. Однако мнение ПИР-Центра всегда востребовано. За 20 лет ПИР-Центру удалось сформировать уникальный коллектив, свой взгляд на самые сложные и чувствительные вопросы так называемой жесткой силы, который позволяет со знанием дела подходить к выработке рецептов преодоления современных международных вызовов. Именно в этом и состоит залог нашего продуктивного сотрудничества.

Важное значение имеют образовательные проекты ПИР-Центра, в частности, практика ежегодного проведения Международной Летней Школы. Это не только формирование нового поколения специалистов в области международной безопасности, которые после «обкатки» в стенах ПИР-Центра могут профессионально разбираться в таких сложных материях как ядерное нераспространение и разоружение. Главное же, на мой взгляд, это то, что подобные проекты самым прямым образом способствует объединению экспертов со всех стран СНГ и Восточной Европы, а также продвижению и закреплению русского языка на этом пространстве. Это наша общая задача.

Международные отношения не обещают нам легких времен. Сегодня мы становимся свидетелями попыток расшатать признанные устои межгосударственного взаимодействия и навязать эгоистическую трактовку норм международного права в попытках вернуть мир к однополярности. Подобная политика ведет к хаосу. Поэтому совместно нам предстоит решать непростые задачи по сохранению устойчивости и стабильности международных отношений, закреплению всеобщего понимания того, что международно-правовой инструментарий является единственным механизмом решения современных проблем. Рассчитываем, что и впредь можно будет положиться на профессиональную поддержку со стороны ПИР-Центра.

*с уважением,
Владимир*

Владимир Воронков
Постоянный представитель

MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF RUSSIA

MOSCOW STATE INSTITUTE
OF INTERNATIONAL RELATIONS
(UNIVERSITY)

MGIMO
UNIVERSITY

76, Vernadsky Prospect, Moscow, 119454, Russia
Tel. (7-495) 434 0089, Fax: (7-495) 433 9066

В.А. ОРЛОВУ,
Президенту ПИР-Центра
4-й Добрынинский пер., д. 8, оф. 103,
Москва, 119049

30 апреля 2014 года

Уважаемый Владимир Андреевич!

Рад поздравить с юбилеем ПИР-Центр и Вас как руководителя этой авторитетной неправительственной структуры, вносящей заметный вклад в российские и международные дискуссии по вопросам контроля над вооружениями, нераспространения ОМУ, развития атомной энергетики и международной информационной безопасности.

По мере того, как спектр исследований ПИР-Центра ширится — в том числе за счет вопросов региональной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Азии, — множатся и предпосылки его взаимодействия с другими экспертными группами. Центр АСЕАН дорожит возможностью работы с таким партнером, как ПИР-Центр, и готов к реализации новых совместных проектов.

Желаем Вам и ПИР-Центру новых успехов и продуктивной, творческой деятельности на годы вперед.

С уважением,

В. В. Сумский,
директор
Центра АСЕАН
при МГИМО (У)
МИД России

Уважаемый Владимир Андреевич,

Поздравляем ПИР-Центр с двадцатилетием со дня основания.

За последние двадцать лет ландшафт международной безопасности коренным образом изменился, не в последнюю очередь из-за бурного развития цифровых технологий и связанного с ним роста угроз и вызовов в киберпространстве.

Считаем, что сегодня эти вопросы приобретают значимость, сопоставимую с ролью ядерного нераспространения и контроля над оружием массового уничтожения для глобальной безопасности.

Тем более важен и востребован тот вклад, который ПИР-Центр сегодня вносит в развитие международного диалога, научную и образовательную деятельность в сфере информационной безопасности и управления интернетом.

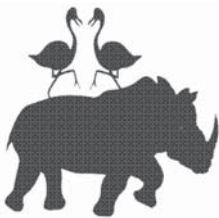
Охват новых граней международной проблематики и глубокая проработка вопросов глобальной безопасности в цифровую эпоху свидетельствует о наличии у ПИР-Центра неиссякающей динамики развития, сохраняющейся гибкости и открытости научной мысли.

Благодарим Вас за многолетнее сотрудничество и желаем Вам и возглавляемой Вами организации дальнейших успехов.

Руководитель стратегических проектов

А. Ю. Ярных

Николай Бордюжа:

«НЕОБХОДИМО ИЗБЕЖАТЬ СИТУАЦИИ, КОГДА БОЕВИКИ И ТЕРРОРИСТЫ ИЗВНЕ ИМЕЮТ СОЦИАЛЬНУЮ БАЗУ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВ ОДКБ»

Проблемы безопасности на южных границах постсоветского пространства не только сохраняют свою актуальность, но и рискуют обостриться в свете вывода военного контингента стран НАТО из Афганистана в 2014 г. Вместе с тем, на эти проблемы оказывает влияние и общий контекст международной безопасности. На решение каких задач направлена сегодня деятельность Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в деле поддержания безопасности своих участников? Какие направления развития Организации являются сегодня приоритетными? Что изменилось в структуре управления Организации за последнее время?

На эти и другие вопросы в интервью журналу Индекс Безопасности ответил Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сегодня значительное внимание международного сообщества уделяется ситуации в Сирии. Насколько вероятно повторение сирийского сценария в странах — участницах ОДКБ?

БОРДЮЖА: Я расцениваю события, которые происходят в Сирии, как технологию смены режимов, жесткий вариант *цветных революций*. Проводится пропагандистская работа с молодежью, создаются соответствующие опорные пункты, ячейки и т. д., потом *террористический интернационал* приступает к активным действиям. Со всего мира в эту страну съезжаются желающие воевать люди с определенными политическими убеждениями, получают оружие, из них формируются отряды или организации, и начинается война с законно избранной властью.

В государствах — членах ОДКБ активно действуют ячейки организации *Хизб Ут-Тахрир аль-Ислами* и других радикальных религиозных структур, которые создают там социальную базу, чтобы затем использовать ее для достижения своих политических целей. Плюс к этому есть информация об интенсивной подготовке граждан государств ОДКБ в лагерях на территории Афганистана и Пакистана. Если все это суммировать, то через какое-то время подготовленные боевики могут быть направлены в наши страны и использоваться для борьбы с существующей властью.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие участники ОДКБ оказываются наиболее уязвимы в этом случае?

БОРДЮЖА: Вы знаете, все участники ОДКБ, за исключением, пожалуй, Белоруссии и Армении, могут пострадать от этого. Более того, несколько месяцев назад под Москвой была выявлена террористическая ячейка, участники которой прошли через афганские лагеря. Я думаю, что это первые свидетельства переброски сюда подготовленных людей для дестабилизации обстановки, и я не исключаю, что этих свидетельств будет все больше. Мы это учитываем, когда говорим об актуальных

угрозах, в том числе о возможности прорыва через таджикско-афганскую границу вооруженных групп, имеющих политические цели. К тому же в событиях на юге Киргизии в 2010 г. уже принимали участие международные террористические организации, направляли туда своих эмиссаров.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько элиты государств-членов ОДКБ, помимо России, разделяют цели, задачи и даже ценности организации? Не является ли членство в ОДКБ способом получения, в первую очередь, от России какие-то преференции, нежели способом решения совместных стратегических задач?

БОРДЮЖА: Я категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Организация — дело добровольное, и все государства стали ее участниками абсолютно осознанно. Конечно, Россия — главный донор в рамках ОДКБ, но донор не единственный. Россия по своей мощи, по своему потенциалу просто значительно больше других государств и имеет больше возможностей, в том числе и в области обеспечения безопасности, и оказывает содействие своим партнерам.

При этом главный принцип ОДКБ — принцип консенсуса. У нас нет ни одного проекта, против которого было бы хоть одно государство из рациональных или ценностных побуждений. Я могу привести примеры: Казахстан закупает все вооружения, спецтехнику, экипировку на свои деньги, Армения, получая от нас помощь, значительную часть вооружений закупает за свой счет, Белоруссия значительную часть вооружений производит сама или закупает на свои средства. Здесь нет российского донорства.

Да, Таджикистан или Киргизия оружия не производят и с учетом их экономической ситуации просят помощи, но иначе они просто не могут решать наши общие задачи. Мы создавали ОДКБ, чтобы, в том числе, в ее рамках существовали именно льготные режимы закупок, что закреплено подписанными соглашениями. Но, подчеркну, никто не рассматривает Россию в рамках ОДКБ как некую *дойную корову*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую ситуацию на южных границах СНГ создает вывод американских войск из Афганистана? Не придется ли России взять на себя роль такого сдерживающего фактора?

БОРДЮЖА: *Во-первых*, Соединенные Штаты со своими союзниками в НАТО трансформируют свое присутствие в Афганистане, а не уходят оттуда полностью.

Во-вторых, мы очень серьезно занимаемся так называемой *проблемой-2014*, хотя знаем, что там останутся американские базы, останутся достаточно многочисленными силы. В целом, мы считаем, что ситуация будет меняться в худшую сторону, уровень нестабильности повысится. Те факторы, которые сегодня представляют для нас определенную опасность: наличие лагерей подготовки боевиков, террористических организаций, боевых отрядов, лабораторий по производству огромных объемов наркотиков, — останутся и после вывода основных сил НАТО. Поэтому нам надо усилиться.

И хотя мы не ожидаем крупномасштабных вторжений, России вместе с союзниками по ОДКБ придется принимать дополнительные меры по обеспечению стабильности в своих странах. Так, осенью 2013 г. в Сочи на заседании Совета коллективной безопасности главы государств-членов ОДКБ договорились об оказании Таджикистану экстренной военно-технической помощи для усиления охраны границы с Афганистаном. Это решение сегодня реализуется наряду с комплексом превентивных мер.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Упомянутые меры носят больше политический характер или к военным операциям тоже идет подготовка? Создается впечатление, что ОДКБ только лишь постоянно готовится, учитывая ее невмешательство в Киргизии в 2010 г. и в Таджикистане в 2012 г.

БОРДЮЖА: ОДКБ не вмешивается во внутривнутриполитические конфликты по типу киргизских событий 2010 г. или таджикских событий летом 2012 г., поскольку она создана для противодействия именно внешним угрозам.

Однако у ОДКБ есть опыт применения войск. Если вспомнить 1990-е гг., то в разрешении гражданского конфликта в Таджикистане участвовали российские войсковые формирования, миротворческие силы, пограничники, войсковые формирования Казахстана и Киргизии, которые обеспечивали безопасность таджикских границ и фактически сыграли ключевую роль в обеспечении стабильности.

Мы также ежегодно проводим войсковые учения, и в 2013 г. провели шесть крупномасштабных учений с различными категориями подразделений, начиная со спецподразделений и кончая войсковыми формированиями. На этих учениях происходила совместная отработка учебно-боевых задач. Конечно, мы не применяли войска в реальных боевых ситуациях, но это и хорошо, что пока нам не доводилось этого делать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: ОДКБ не занимается внутренними политическими ситуациями в государствах ОДКБ, но в то же время, возвращаясь к смене режимов, экстремистская социальная база для такой смены формируется именно внутри страны. То есть получается, что ОДКБ будет блокировать только приходящих извне боевиков, а внутреннюю обстановку будет регулировать национальное правительство?

БОРДЮЖА: Не совсем так. Приверженцами радикальных религиозных организаций, проповедующих экстремизм в политике, должны заниматься сами государства, а не ОДКБ. В этой ситуации ОДКБ должна не допустить дестабилизации обстановки с опорой на эту часть населения и ее использования в развале страны, в смене законно избранного режима, эти люди не должны стать опорой боевиков, стремящихся проникнуть из-за рубежа, как это происходит в Сирии, и как это было у нас в Чечне. Боевики не могут приехать в стабильную страну, где нет необходимой социальной базы, поскольку просто не смогут выполнять там свои задачи. Им нужно на кого-то опираться. Мы должны избежать ситуации, при которой пришедшие извне боевики, террористы и экстремисты имеют социальную базу внутри государств ОДКБ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существуют ли планы расширения ОДКБ?

БОРДЮЖА: Сейчас у нас нет заявок на вступление в ОДКБ. К тому же для такого вступления государство должно быть готово к реальному сотрудничеству в очень чувствительной сфере безопасности. У нас был печальный опыт, когда Узбекистан вошел в Организацию, но оказался не готов к коллективной деятельности, не готов совместно действовать по ряду направлений обеспечения безопасности, и потому Ташкент поставил вопрос о приостановке своего членства в ОДКБ. Дело в том, что позиция Узбекистана основана, прежде всего, на двусторонних контактах и действиях в двустороннем, а не в коллективном режиме.

В то же время мы стремимся совершенствовать деятельность ОДКБ за счет партнеров. Сегодня, например, мы плотно работаем с Шанхайской Организацией Сотрудничества и, в частности, с Китаем по ряду проблем безопасности, интенсивно взаимодействуем с представителями Ирана, есть контакты с Украиной по некоторым проблемам, например, в области информационной безопасности и т. д.

Таким образом, мы расширяем свою степень влияния, но только в интересах обеспечения безопасности наших государств, что является нашей главной задачей. При этом ОДКБ не претендует на глобальную роль.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В Афганистане порядка 8–10% населения составляют узбеки. Как с ними взаимодействовать в свете неудачного опыта членства Узбекистана в ОДКБ?

БОРДЮЖА: Позиция Узбекистана применительно к данной ситуации — никаких коллективных усилий по оказанию содействия урегулированию конфликта в Афганистане. Ташкент делает ставку только на двусторонние отношения. Он был

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

категорически против того, чтобы мы коллективно оказывали содействие афганскому руководству в обеспечении стабильности, готовили кадры для силовиков, совместно боролись с производством и трафиком наркотиков. Любые усилия — только на двусторонней основе.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В конце 2012 г. ОДКБ стояла на пороге серьезных организационных реформ. Все ли из задуманного удалось? Какие еще новации ожидаются в ближайшем будущем?

БОРДЮЖА: В декабре 2012 г. главы государств ОДКБ действительно приняли решение о создании дополнительных коллективных сил, включая авиационные силы, силы специальных операций и системы управления такими силами. Все эти решения были ориентированы на упорядочение военного сотрудничества, повышения его эффективности и главное — формирование силового потенциала, который нам понадобится для нейтрализации тех или иных угроз, с которыми мы сталкиваемся. Сегодня также мы занимаемся формированием системы коллективного реагирования в чрезвычайных ситуациях. Это целый комплекс задач, который позволит нам сформировать потенциал по ликвидации крупных природных и техногенных катастроф.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Это не приведет к дублированию функций МЧС?

БОРДЮЖА: Нет, мы здесь ставим целью сформировать такую систему, при которой государства ОДКБ могли бы быстро и эффективно оказывать помощь своим партнерам. Для этого нужны системы мониторинга, прогнозирования и обмена информацией, необходимо обеспечение спасательными средствами и совместная подготовка. Здесь много направлений сотрудничества.

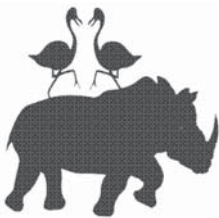
Сейчас мы формируем нормативную базу по соответствующим направлениям и через год или полтора такую систему создадим. Сегодня, например, у нас уже есть единая информационно-программная система — центр управления кризисными ситуациями. Члены ОДКБ взаимодействуют между собой в постоянном режиме и при необходимости начинают вырабатывать какие-то совместные предложения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Оказывает ли проблема незаконной миграции влияние на сотрудничество стран — участниц ОДКБ?

БОРДЮЖА: Безусловно, такое влияние есть. У нас есть комиссионный совет руководителей миграционных служб государств ОДКБ. В рамках этого совета мы отработываем совместные шаги, которые призваны минимизировать эти угрозы и регулировать незаконную миграцию. Основное внимание мы концентрируем на противодействии деятельности преступных группировок, которые специализируются на переправке мигрантов, торговле людьми.

Однако если говорить о последствиях того, какое влияние оказывает известная политизация этой проблемы внутри России, то, конечно, это негативно воспринимается со стороны наших партнеров. Здесь нужно быть предельно корректным, ведь речь идет о наших ближайших партнерах, наши союзниках, людях, которые помогают обеспечивать нашу безопасность и которые в крайних ситуациях будут вместе с нами воевать.

Именно поэтому в рамках ОДКБ мы разработали основы скоординированной информационной политики. Речь идет о том, чтобы государства взяли на себя обязательства по развитию дружеских связей, исключению оскорбительных, уничижительных оценок в публикациях по отношению к своим партнерам. Мы не говорим о том, чтобы замалчивать объективные проблемы, но мы говорим о том, что эти проблемы нужно обсуждать корректно. К тому же у нас есть Таможенный союз — это означает свободное передвижение товаров, капиталов и людей. Процессы интеграции на постсоветском пространстве продолжаются. Нам надо в этом плане немножко успокоиться, и посмотреть на своих партнеров по ОДКБ и СНГ в целом и понять, что это суверенные государства и суверенные нации, которые нужно уважать, так же как мы уважаем американцев и европейцев. И тогда все будет нормально.

Сергей Рябков:

«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ — ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ»

Как сказывается продолжение конфликта в Сирии на региональной безопасности? Смогут ли успехи переговоров по иранской ядерной программе в Женеве стать фактором, способствующим созданию зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), на Ближнем Востоке? Остается ли сдерживание ключевым механизмом национальной безопасности России? Как сказываются планы США по созданию европейского сегмента глобальной ПРО на дальнейший российско-американский диалог по стратегической стабильности?

На вопросы главного редактора журнала Индекс Безопасности Владимира Орлова отвечает заместитель министра иностранных дел России, Чрезвычайный и Полномочный Посол Сергей Рябков¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В Сирии продолжается гражданская война. Попытки урегулировать ситуацию между сторонами конфликта длятся уже более трех лет. В стране продолжают столкновения между официальным Дамаском и оппозицией. Как скажется продолжение военного конфликта в Сирии на региональной безопасности?

РЯБКОВ: Продолжение военного конфликта в Сирии может спровоцировать распад страны и превратить ее территорию в источник экстремизма, терроризма и региональной нестабильности.

Мы глубоко убеждены, что навязывание решений путем иностранного вмешательства, ультиматумов и давления может привести к нестабильности, беспорядку и анархии. Чтобы добиться позитивных и стабильных результатов, необходимо учитывать интересы всех религиозных и этнических групп страны. Этого можно достичь только путем диалога между правительством и оппозицией.

Сирийское правительство понимает, что нет никаких гарантий неизменности ситуации в плане того, кто будет находиться у власти в Дамаске. Однако оно не готово задекларировать в самом начале процесса, что он должен привести к отстранению от власти президента Башара Асада. Конечно, существует проблема обеспечения необходимого уровня безопасности в Сирии. Масштабы этой задачи намного шире, чем моя, относительно узкая перспектива, которая сводится к вопросу химического разоружения Сирии. Но будем надеяться, что политической воли во всех столицах, которые принимают участие в данном процессе, будет достаточно для успешного начала политического переходного процесса.

Мы серьезно обеспокоены наблюдающейся тенденцией усиления позиций исламистов в среде тех, кто воюет против сирийского правительства. Сообщается, что одних радикальных исламистов поддерживает Саудовская Аравия, дру-

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

гих — Катар, а некоторые группы, такие как *Джабхат-ан-Нусра*, тесно связаны с *Аль-Каидой*.

Мы наблюдаем и другую ситуацию: вооруженные люди объединяются на основе экстремистской идеологии, которая противоречит традиционному исламу, исповедующему толерантность к иным точкам зрения и образу жизни. Эти группы навязывают другим свои взгляды и правила. Все они, даже те, что не связаны напрямую с *Аль-Каидой*, действуют в ее интересах, поскольку хотят создать в Сирии еще одну базу экстремизма и международного терроризма. И хотя это кажется невероятным, такая деятельность щедро финансируется государствами Персидского залива, и опосредованно осуществляется под их политическим патронажем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В соответствии с резолюцией 1540 Совета Безопасности ООН, все государства обязаны воздерживаться от оказания в любой форме поддержки негосударственным субъектам, которые пытаются обладать или применять химическое оружие. Почему никто не обсуждает возможность использования химического оружия террористами или так называемой оппозицией Сирии?

РЯБКОВ: Резолюция 1540 Совбеза ООН рассматривается, по крайней мере в области практической дипломатии, в качестве инструмента усиления национальных режимов экспортного контроля. Именно на этих целях и задачах в основном сфокусирована повседневная деятельность так называемого Комитета 1540 в Нью-Йорке. Пока что нам, к огромному счастью, еще ни разу не пришлось столкнуться с актом терроризма с применением оружия массового уничтожения (ОМУ). Мы надеемся, что и в будущем ничего подобного нигде в мире не случится. Однако мы должны делать все от нас зависящее, чтобы предотвратить подобную катастрофу. В политическом отношении мы единодушны в том, что для этого нужно делать.

Одним из практических аспектов этой проблемы является вопрос, имеют ли террористы, которых все больше становится в Сирии, доступ к отравляющим веществам и возможность эти вещества применить. И здесь у нас есть убедительные доказательства того, что, по крайней мере в некоторых случаях, именно это имело место в Сирии. Мы долго спорили о трагедии, произошедшей 21 августа 2013 г. Тогда были собраны вещественные доказательства, что комбатанты применили против правительственных войск и мирного населения отравляющие вещества. Мы передали эти доказательства сотрудникам ООН, в том числе Аке Селлстрому, который возглавлял миссию по расследованию произошедшего. Кстати, он до сих пор еще не закончил работу над своим окончательным докладом о том, что именно произошло в Сирии летом 2013 г. Мы надеемся, частично это объясняется тем, что он тщательно рассматривает предоставленные доказательства, и мы ожидаем, что в окончательном докладе он их упомянет.

Я хочу сказать, что ситуация в Сирии намного сложнее, чем многие полагают, и Резолюция 1540 имеет самое прямое отношение к этой ситуации. Точно так же, как и Резолюция 2118, которая говорит об ответственности не только правительства, но и другой стороны. Мы считаем, есть реальный риск провокаций, но настанет ключевой момент, когда все запасы химического оружия будут вывозить из страны. Что может произойти, когда грузовики повезут контейнеры с химикатами в порт для дальнейшей транспортировки? Если сирийское правительство сможет обеспечить эффективный периметр безопасности вокруг этих конвоев, нам, возможно, удастся избежать дальнейших осложнений. Но неизвестно, что будет происходить на остальной территории Сирии. Ситуация очень сложная, и в этом отношении очень важны будут недели, оставшиеся до конца года, а также начало января. Мы этому вопросу уделяем по несколько часов каждый день, работая в контакте с американскими коллегами, с коллегами из ОЗХО в Гааге, с сирийцами и т. д. И мы будем продолжать эту работу.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В результате интенсивных усилий делегаций Великобритании, Германии, Китая, России, США, Франции и Ирана на переговорах в Женеве в ноябре 2013 г. был выработан рамочный документ, успешная реализация которого позволит снять ряд серьезных озабоченностей относительно характера и направленности проводимых Ираном работ в ядерной области. Как участник этих переговоров расскажите, какие самые приятные и самые неприятные сюрпризы произошли в ходе женевского переговорного процесса по Ирану? Как Вы оцениваете итоги ноябрьских переговоров в Женеве?

РЯБКОВ: Самый приятный сюрприз случился, когда и американская, и иранская делегации подтвердили, что в Вашингтоне и Тегеране одобрили проект документа. Мы не были уверены, что это одобрение будет получено с обеих сторон в столь короткое время. Мы это сочли признаком того, что высшее политическое руководство плотно вовлечено в ход переговоров и знакомо с текстами документов, поэтому не понадобилось тратить время на дополнительные брифинги и разъяснения ситуации политическому руководству. А самый неприятный сюрприз произошел не в ходе последнего раунда, а когда французская делегация внесла поправки, которые, по нашему мнению, могли похоронить все соглашения. Именно поэтому соглашение не было достигнуто 9 ноября, и процесс затянулся до 24 ноября.

Тем не менее это важное событие положило конец десятилетнему тупику, в котором находилось разрешение одного из наиболее неотложных мировых кризисов. Мы гордимся тем, что это переломное событие основано на концепции, предложенной Президентом РФ В. В. Путиным, отраженной в российской Концепции российской внешней политики. В соответствии с этим подходом, мы все соглашаемся признать право Ирана на мирное использование атомной энергии, включая, естественно, право на обогащение. При этом достигнуто понимание того, что все озабоченности мирового сообщества относительно нерешенных вопросов иранской ядерной программы будут сняты и что сама программа будет находиться под строгим и тщательным контролем МАГАТЭ.

Была достигнута договоренность о том, что первый шаг на пути к этой цели будет продолжаться шесть месяцев. На этот период Иран заморозит свою ядерную программу и не будет устанавливать новые центрифуги или предпринимать какие-то шаги в отношении строительства тяжеловодного реактора в Араке. Таким образом, вся иранская ядерная программа, которая в настоящее время находится под полным и всеобъемлющим контролем МАГАТЭ, будет оставаться в неизменном состоянии в течение шести месяцев. Ожидается, что это соглашение послужит укреплению доверия и позволит нашим партнерам в США и ЕС ослабить давление санкций, которые были введены в отношении Ирана путем принятия незаконных односторонних решений вне рамок Совета Безопасности ООН.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Тем не менее санкции США и ЕС продолжают. Как Вы оцениваете сохранение односторонних санкций США и ЕС в отношении Ирана? Какова цель таких односторонних санкций?

РЯБКОВ: Российская сторона неоднократно заявляла на разных уровнях, что политика санкций полностью себя исчерпала после принятия Советом Безопасности Резолюции 1929 в 2010 г. Мы считаем все дополнительные ограничения, принятые в одностороннем порядке США, ЕС и другими сторонами вне рамок резолюций Совета Безопасности, незаконными. Они никоим образом не могут послужить делу укрепления международных режимов нераспространения.

Все это является предметом серьезной озабоченности в России. Санкции не только подрывают эффективность и конструктивность текущих переговоров, но и наносят серьезный ущерб национальной экономике Ирана, распространяясь на многие области, не имеющие отношения к ядерной деятельности. Они затрагивают нефтедобывающий и банковский сектор, торговлю, судоходство и другие ключевые сферы экономики. У нас складывается впечатление, что вышеупомянутые односторонние меры нацелены на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации

в Иране и провоцирование массовых беспорядков с целью смены режима в Иране. Такой подход совершенно не приемлем для России. Мы не видим никаких альтернатив дипломатическому решению иранской ядерной проблемы.

В соответствии с обычным международным правом, одно государство может ввести односторонние санкции против другого государства только в качестве ответа на враждебные действия или агрессию. Мы считаем, что это совершенно не приемлемо к Ирану. И в данном контексте совершенно неправомерно и неуместно ссылаться на односторонние санкции, введенные Россией против Грузии. Это решение было принято после вооруженного нападения грузинских вооруженных сил на российских миротворцев в 2008 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Повлияют ли женевские договоренности на процесс создания ЗСЯО и ОМУ на Ближнем Востоке?

РЯБКОВ: Успех, достигнутый в Женеве, внесет вклад в процесс создания на Ближнем Востоке ЗСЯО и ОМУ, и средств их доставки. Создание такой зоны остается одним из наиболее острых и неотложных вопросов.

Мы сожалеем о том, что, несмотря на существующие дискуссии, конференция по вопросу создания такой зоны не была созвана в 2012 г. Мы убеждены, что у ко-спонсоров конференции не было полномочий откладывать ее проведение. Россия не давала согласия на перенос даты конференции. Мы также не согласны с тем, что ко-спонсорам не было принято коллективное решение по этому вопросу. Мы бы согласились с возможностью переноса конференции на более позднюю дату, но только при явном согласии на это всех государств Ближнего Востока и при условии объявления конкретной новой даты.

В настоящей ситуации мы предпринимаем активные усилия с целью созыва конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке как можно скорее. С этой целью в Глионе (Швейцария) было проведено несколько подготовительных встреч, в которых участвовали все государства Ближнего Востока. Основной целью этих встреч было согласование процедурных вопросов и повестки дня конференции. В ходе встреч нам удалось достичь определенного прогресса, но этого недостаточно. У нас до сих пор нет определенности или понимания, когда и при каких обстоятельствах может состояться данная конференция, особенно учитывая, что существует прямая связь между данным событием и будущим процесса рассмотрения ДНЯО. Мы ожидаем больших сложностей по мере приближения Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2015-м году.

Создание по всему миру ЗСЯО является важным инструментом укрепления региональной и международной безопасности, а также укрепления режима ядерного нераспространения. Географическое расширение таких зон играет важную роль в решении вопроса о предоставлении безъядерным государствам юридически обязывающих гарантий безопасности.

В 2011 г. Россия ратифицировала первый и второй протоколы к Договору о создании ЗСЯО в Африке. Мы поддерживаем Договор о ЗСЯО в Средней Азии и придали ему окончательный юридический статус вместе с нашими партнерами — *пятеркой* Совета Безопасности ООН и со странами региона — в мае 2014 г.

Россия завершила все внутренние процедуры, необходимые для присоединения к Протоколу к Договору о создании ЗСЯО в Юго-Восточной Азии. Мы считаем, что договор готов к подписанию ядерными государствами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Остается ли сдерживание основой национальной безопасности России? Что входит в современную концепцию сдерживания? Остается ли обладание ядерным оружием важным фактором предотвращения вооруженных конфликтов?

РЯБКОВ: Стратегическое сдерживание — важнейший элемент национальной безопасности России. Она включает разработку и системную реализацию комплек-

са взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и других мер в целях предотвращения или уменьшения угрозы, губительно действует на агрессора нации (коалиции государств).

Стратегическое сдерживание обеспечивается за счет использования экономического потенциала государства, включая ресурсную поддержку национальных сил безопасности и содействие воспитанию русского народа в духе уважения военных и патриотических ценностей, развитие военной инфраструктуры и управление национальными вооруженными силами. Следовательно, оно не ограничивается чисто военными, не говоря уже о ядерных, аспектами, но обеспечивается более всеобъемлющим видением путей обеспечения национальной безопасности.

Российская сторона отмечает, что государства, обладающие ядерным оружием, рассматривают ядерное сдерживание в качестве основного условия для сохранения стратегической стабильности. Это доказывается, в частности, существующими документами США по национальной безопасности, а также практическими шагами наших американских партнеров по повышению их ракетно-ядерной системы. В целях обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего международного сотрудничества Россия прилагает необходимые усилия для поддержания паритета с США в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания ими глобальной системы противоракетной обороны и реализации Концепции быстрого глобального удара с возможным использованием стратегических неядерных средств доставки.

Мы считаем, что в обозримом будущем ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения ядерных вооруженных конфликтов и конфликтов с использованием обычных вооружений, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в ядерные. Согласно текущей военной доктрине, Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение ядерного и других видов ОМУ против Российской Федерации и ее союзников, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия в ситуации, когда само существование государства находится под угрозой исчезновения. В данном случае Президент Российской Федерации принимает решение об использовании ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете выполнение Статьи VI ДНЯО? Каковы приоритеты России в области ядерного разоружения? Появится ли в ближайшем будущем достаточно эффективная замена политической роли ядерного оружия?

РЯБКОВ: Мы считаем, что важно работать над созданием условий для дальнейших шагов в области ядерного разоружения в соответствии со Статьей VI ДНЯО. При этом к данному процессу должны присоединиться все государства, обладающие ядерным оружием. Текст Статьи VI предполагает, что не только ядерные, но и все остальные государства должны присоединиться к процессу, ведущему ко всеобщему и полному разоружению. Почему-то об этом факте многие забывают, и дискуссии ведутся исключительно о ядерном разоружении. Такая интерпретация Статьи VI не отражает ее подлинный смысл.

Приоритетом России в области ядерного разоружения является полномасштабное выполнение условий Нового Договора СНВ. В общем и целом мы удовлетворены прогрессом в данной области. В то же время мы отмечаем появление некоторых вопросов, которые в определенном смысле являются вызовами для Двусторонней консультативной комиссии, работающей в рамках договора. Мы надеемся, что эти вопросы удастся решить текущей корректировкой механизмов договора. Однако нужно подчеркнуть, что, в соответствии с Федеральным законом о ратификации Нового Договора СНВ, решение о переговорах по дальнейшим ограничениям и сокращениям ядерных вооружений принимает Президент РФ, принимая во внимание прогресс, достигнутый в выполнении данного договора, его принципов и процедур, а также состояние ядерных арсеналов США и третьих стран, в ком-

плексе с другими задачами по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Мы уверены, что дальнейшие шаги в области сокращения ядерных вооружений должны рассматриваться с учетом всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность. К их числу относятся планы США по развертыванию глобальной системы противоракетной обороны и внедрению стратегии «Быстрого глобального удара», отсутствие прогресса в ратификации ДВЗЯИ Соединенными Штатами и другими государствами из так называемого списка 44 государств (которые должны ратифицировать ДВЗЯИ для его вступления в силу), опасность размещения оружия в космосе, количественный и качественный дисбаланс в обычных вооружениях и т. д.

В действующей редакции Стратегии национальной безопасности РФ указано, что военной безопасности России угрожает политика некоторых ведущих иностранных государств, целью которой является установление подавляющего военного превосходства, особенно в области стратегических ядерных сил, а также путем разработки высокоточного, информационного и других высокотехнологичных видов оружия, неядерных стратегических вооружений, одностороннего развертывания глобальной системы ПРО и нерешенностью вопроса о недопущении размещения оружия в космосе. Все эти факторы могут привести к новой гонке вооружений, а также распространению ОМУ и средств его доставки.

Не думаю, что в обозримом будущем появится достаточно эффективная замена политической роли ядерного оружия. Тем не менее я бы никоим образом не ставил под вопрос нашу приверженность всестороннему выполнению Статьи VI ДНЯО, но это должно происходить в контексте всеобщего разоружения.

С практической точки зрения более вероятно постепенное уменьшение размеров ядерных арсеналов. Уже сейчас в наших отношениях в США мы вышли на уровни арсеналов, сопоставимых с уровнем 1960-х гг. Это огромный прогресс по сравнению с теми уровнями, которые существовали на самом пике холодной войны и которыми наши страны даже гордились. Но по мере сокращения размеров арсеналов все большую роль начинают играть другие факторы, которые влияют на стратегическую стабильность и должны приниматься во внимание. Причем они должны не просто приниматься во внимание, но и практически учитываться в ходе переговоров. И в этом заключается одна из проблем: как это сделать на практике? В интересах любой страны иметь более компактные и эффективные вооруженные силы, которые не поглощали бы огромную часть национального бюджета. Так что в этом отношении все, что может быть достигнуто инструментами дипломатии, все чего можно добиться политическими усилиями в области нераспространения и разоружения, имеет прямой и положительный эффект на социальное и экономическое развитие любой страны.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: США заявляют, что отсутствие системы ПРО обеспечило безопасность и стабильность в мире. Однако они продолжают сохранять планы по развертыванию европейского сегмента глобальной ПРО. Как это сказывается на российско-американском диалоге по стратегической стабильности?

РЯБКОВ: Продолжение диалога о дальнейших сокращениях вооружений (ядерных и обычных) будет невозможно до тех пор, пока не будет урегулирован вопрос ПРО и не будут устранены риски, которые несет для России развертывание глобальной системы ПРО Соединенными Штатами. Более того, речь идет не только о европейском сегменте американской глобальной системы ПРО, но и о других ее элементах. Предоставление информации о внедрении американских планов по созданию системы ПРО не может быть альтернативой гарантий, что данная система не направлена против стратегических ядерных сил России, либо полному отказу от планов неограниченного развертывания такой системы.

Мы привлекали внимание к тому, что американская сторона планирует продолжать переговоры о сокращении ядерных вооружений в двустороннем формате,

отходя от отраженного в Новом Договоре СНВ понимания, что остальные ядерные государства должны присоединиться к усилиями России и США в данной области. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса. Мы исходим из того, что любые дальнейшие шаги в области сокращения и ограничения ядерных вооружений должны быть многосторонними. Это позволит воплотить их, чтобы укрепить международную безопасность, мир и равную и неделимую безопасность, а также обеспечить контроль и необратимость предпринимаемых мер.

Каждое обстоятельство в каждой конкретной ситуации, особенно в области национальной безопасности и международных отношений, не должно рассматриваться как фотоснимок того, что мы имеем перед собой в данный момент. Историческая перспектива является неотъемлемой частью всего, что происходит в мире. Если вспомнить ситуацию, сложившуюся в конце 1940-х — начале 1950-х гг., когда разработка ядерного оружия была на самом острие научно-технического прогресса. Без сомнения, это был самый передовой край науки и военных разработок. И тем странам, которые не считались первопроходцами в данном отношении, понадобилось несколько десятилетий, чтобы сократить отставание от лидеров и получить хотя бы начальные результаты в данной области. 🐘

Примечание

¹ Интервью подготовлено на основе выступления С. А. Рябкова в МГИМО (У) МИД РФ в рамках модуля ПИР-Центра «Нераспространение ОМУ и глобальная безопасность» для студентов международной (англоязычной) магистратуры «Управление и глобальные проблемы» 4 декабря 2013 г.

Ю
Р
В
Р
Е
Н
И

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:	

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Дмитрий Поликанов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА СЛУЖБЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Тема модернизации России, ставшая одним из лейтмотивов президентства Д. А. Медведева, сегодня почти исчезла из политического дискурса. Тем не менее наследие дискуссий 2007–2011 гг. нашло отражение во многих действующих программных документах, определяющих социально-экономическое развитие страны до 2020 г.

Эта тенденция не обошла стороной и сферу внешней политики. Так, принятая в 2013 г. Концепция внешней политики гласит, что одной из главных целей страны на мировой арене является «создание благоприятных внешних условий для устойчивого и динамичного роста экономики России, ее технологической модернизации и перевода на инновационный путь развития, повышения уровня и качества жизни населения, укрепления правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека». И с этой целью МИД, в том числе, «содействует модернизации и диверсификации российской экономики, а также повышению доли наукоемких, инновационных и других приоритетных отраслей в общеэкономической структуре за счет привлечения передовых зарубежных научно-технических знаний и технологий, методов хозяйствования и ведения деловых операций, а также иностранных инвестиций»¹. А один из ключевых *майских указов* Президента РФ, исполнение которых отслеживается правительством в очень плотном режиме, ставит перед Министерством иностранных дел задачу «содействовать созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного развития Российской Федерации, модернизации ее экономики, укреплению позиций России как равноправного партнера на мировых рынках»².

Таким образом, вопрос о векторе модернизации и применимых для этого инструментах по-прежнему актуален, хотя сам термин используется в политических заявлениях заметно меньше. В этой связи немаловажно оценить роль внешней политики как драйвера изменений и механизма привлечения внешних ресурсов (инвестиций, технологий, человеческого потенциала) для обеспечения динамичного развития страны.

МОДЕРНИЗАЦИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Само понятие «модернизации» в современном социологическом и философском понимании означает эрозию институтов традиционного общества и переход к обществу современному. Под последним понимается модель развития США и Европы, приведшая к господству рыночной экономики, открытому обществу, появлению новых информационных технологий и превращению науки в производительную силу. Подобные экономические и технологические изменения не могли бы произойти без опоры на ценности — рациональность, плюрализм, демо-

А
Н
А
Л
И
З

кратию, свободу. Таким образом, комплексная модернизация подразумевает *вестернизацию*, т. е. сближение ценностного ряда и подходов к управлению государствами периферии и полупериферии со странами Запада, стремительное распространение их общественных институтов как одного из элементов догоняющего развития. Именно они представляют ключевую *точку отсчета* и символ политической и экономической мощи мира, умело манипулируя ресурсами, расположенными как раз на периферии.

Почти по этому пути шли и многие российские опыты модернизации. Как отмечают Георгий Дерлугьян и Иммануил Валлерстайн: «...Все российские проблемы и предлагаемые решения строятся вдоль шкалы, где за верхний уровень принимаются идеологические ценности и культурные практики некоего обобщенного Запада. Эта историческая шкала обычно называется модернизацией». Они также обращают внимание на то, что «российская модернизация — будь то в Петровскую эпоху или во времена Витте — всегда должна была опираться на импорт и быструю ассимиляцию продвинутых иностранных технологий и организационных моделей»³.

Подобный миссионерский подход не учитывает культурных и исторических традиций большинства государств, что не может не вызывать идеологического напряжения, особенно в условиях стремительного возврата целых регионов к построению иной картины мира. Именно поэтому все большим распространением пользуется опыт ограниченных заимствований — экономической или технологической модернизации, положенной на почву местных представлений о путях развития.

Сторонники этого направления обычно приводят в пример успехи Южной Кореи, Чили, Китая, которые смогли, сохраняя жесткий авторитарный режим, обеспечить стабильность и рывок за счет широкого государственного участия в экономике. Опыт китайских реформ особенно привлекателен для многих российских экспертов, видящих в нем возможность плавной трансформации социалистического хозяйства без особой либерализации политической системы и таким образом, чтобы бесперебойно получать инвестиции и технологии, создав механизмы взаимозависимости с западным миром.

Очевидно, что и Россия сегодня нацелена именно на второй вариант модернизации. Она подчинена задачам повышения производительности труда и перехода на новый технологический уклад без изменения ценностного ряда или значимых политических преобразований. Такой технократический и сверхрациональный курс основан, в том числе, на укоренившемся в элите марксистском представлении о том, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист ради высокой прибыли⁴. А значит, любые заимствования являются лишь вопросом цены, определяемой исключительно финансовыми соображениями.

Более того, почти прекратились разговоры об объединяющих ценностях. Еще в 2000-х и глава государства, и высшие чиновники говорили о России как о европейском государстве, о незначительных отличиях в ценностном коде и о стремлении построить единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока⁵. Однако в последние два-три года Москва все больше склоняется к формированию альтернативной модели мирового развития. Упрочение России как одного из влиятельных полюсов глобального мира видится через опору на традиционные ценности, «духовные скрепы». Как отмечалось в ежегодном Послании Президенту РФ, «...мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация»⁶. Подобный консерватизм в противовес все более либералистскому Западу с его растущей толерантностью (эвтаназия, однополые браки и пр.)⁷ должен стать привлекательным для *невестернизированного* большинства населения планеты. Собственно такой подход определяет и возможные ограничения в выборе путей модернизации.

Дополнительным аспектом дискуссии являлся темп преобразований. Взятый курс на консерватизм подразумевает плавный ход в отличие от модернизационного рывка, требующего напряжения всех ресурсов и создающего риски для политиче-

ской системы. Ключевой акцент делается на обеспечение стабильности в условиях преобразований. Как отмечал в своем интервью тогдашний первый заместитель руководителя администрации президента В. Ю. Сурков, «из хаоса модернизация не получится»⁸. Это создает модель, импонирующую некоторым режимам на пространстве бывшего СССР. Прежде всего она привлекательна для главных партнеров России — Белоруссии и Казахстана, но близка другим странам — Узбекистану, Азербайджану, Туркмении, Таджикистану.

В таком случае, в каких сферах Россия должна преуспеть, с точки зрения модернизации? Прежде всего это инвестиции, технологии и компетенции. Последнее подразумевает не только постоянное совершенствование образовательных и научных стандартов, но и развитие человеческого капитала в целом. Это вписывается и в общий курс государства, ведь вложения в человеческий капитал сегодня становятся лейтмотивом российской экономической и социальной политики. Начиная от реализации президентских указов от 7 мая 2012 г. и заканчивая все чаще повторяющимся выводом о том, что именно человеческий капитал должен стать новой основой экономического роста в условиях рецессии и исчерпания других ресурсов. Как отмечают авторы «Стратегии XXI», «основная конкуренция в мире будущего развернется на экономико-технологическом, идейно-информационном направлениях и в борьбе за человеческий капитал, который может их обеспечивать»⁹.

О людских ресурсах необходимо помнить и в свете шаткой демографической ситуации в России. Несмотря на стабильный, хотя и небольшой прирост населения в последнее десятилетие, многие специалисты отмечают необходимость более агрессивной миграционной политики. Тем более что очередная волна беби-бумера идет на спад: в детородный возраст вступает немногочисленное поколение 1990-х гг. — эпохи крайне низкой рождаемости. Известный демограф А. Г. Вишневский пишет, что «с 1992 г. в России наблюдается естественная убыль населения, во второй половине 1990-х — первой половине 2000-х гг. она достигала 700–900 тыс. человек в год. С 2006 г. она быстро снижается, в 2011 г. составила 129 тыс. человек, и создается впечатление, что она вот-вот сойдет на нет, уступив место естественному приросту, так что численность населения может быть стабилизирована без использования миграционного ресурса. Скорее всего, это впечатление ошибочно. Сокращение естественной убыли населения после 2005 г. — прежде всего результат благоприятных изменений возрастной структуры, которые отражают сложившиеся в прошлом деформации российской половозрастной пирамиды. Но эти же деформации приведут к тому, что следующая волна структурных изменений будет неблагоприятной, приведет к снижению абсолютного числа рождений и росту числа смертей, и естественная убыль вновь будет расти. В этих условиях снова начнет повышаться ценность миграционного ресурса, необходимого как минимум для того, чтобы предотвратить дальнейшее сокращение населения»¹⁰. Привлечение высококвалифицированной рабочей силы в условиях жесткой мировой конкуренции за такие ресурсы — непростая задача, безусловно, входящая в модернизационную повестку и требующая, в том числе, новых внешнеполитических инструментов.

С небольшой корректировкой все это вписывается в заданную еще президентом Д. А. Медведевым рамку «БИ»: инвестиции, инновации, институты, инфраструктура, интеллект¹¹. Что касается отраслевых приоритетов, то они также были определены еще в 2008 г. Речь идет о пяти сферах: атомная промышленность, освоение космического пространства, биотехнологии, информационные технологии, энергоэффективность¹². Этот список был позднее расширен за счет включения нанотехнологий, медицины будущего и других элементов шестого технологического уклада. По словам В. В. Путина, мы «будем вырабатывать планы наших действий в конкретных секторах экономики, при этом уделять особое внимание био- и нанотехнологиям, современным материалам, медицине будущего, энергосбережению, информационным, космическим, ядерным технологиям, эффективным технологиям добычи и переработки углеводородов и другого сырья»¹³.

Значительная роль во всем этом отводится развитию военно-промышленного комплекса как генератора и пользователя новых технологий. По словам заместителя председателя правительства Д. О. Рогозина, «...приоритетной задачей ВПК сегодня является создание эффективной системы взаимодействия военного и гражданского секторов экономики в интересах оборонного комплекса. Понятно, что развитие ОПК только за счет бюджетных средств невозможно. Привлечь инвестиции в отрасль могут новые прорывные технологии двойного назначения, которые, надеюсь, мы увидим уже в ближайшие годы»¹⁴. При всех ограничениях, связанных с обеспечением национальной безопасности и закрытости разработок, есть понимание необходимости расширения сотрудничества, поиска адекватных механизмов международной кооперации. Не случайно в этой связи создание в РФ Фонда перспективных исследований, который призван обеспечить переток гражданских технологий в *оборонку*, и наоборот.

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИНИЦИАТИВ: ОСНОВНЫЕ ИГРОКИ И ПРОБЛЕМЫ

Как уже отмечалось выше, тема модернизации уже не столь явно присутствует в политическом дискурсе России, как это было в 2008–2011 гг. Показателен в этом смысле пример работы Комиссии при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России. Если ранее заседания Комиссии проходили в ежеквартальном режиме, то осенью 2012 г. она была упразднена и заменена на Совет при Президенте по модернизации экономики и инновационному развитию. Совет в полном составе собирался лишь единожды на установочное совещание под председательством В. В. Путина, а затем перешел на режим почти ежемесячных (с перерывом в полгода — с декабря 2012 г. по май 2013 г.) выездных заседаний президиума под руководством Д. А. Медведева. Список поручений по итогам этих совещаний также заметно скромнее.

Без излишней шумихи развивается и проект «Сколково» — потенциальный островок инноваций и плацдарм российской модернизации. После отмены указания на отчисления из инновационных бюджетов госкомпаний¹⁵ и ряда скандалов вокруг использования ресурсов, вызванных расследованием Следственного комитета РФ, финансовая подпитка «Сколково» существенно ослабла.

В итоге уход *модернизации* из мейнстрима обуславливает и снижение активности на этом направлении всех основных институтов, причем большинство из них действуют в соответствии с принятой бюрократической логикой. Инерция заставляет их выполнять данные ранее и документально зафиксированные поручения, однако без серьезных импульсов сверху большинство действий носит тактический, ситуативный характер, а не является частью общей стратегии по привлечению внешних ресурсов для ускорения внутреннего развития.

Более того, тренд на повышение самодостаточности, некоторой *патриотической автаркии*, все более выраженный в российской политике, усиливает на уровне среднего звена исполнителей пренебрежительное отношение к возможностям заимствования технологий (в том числе управленческих) или привлечения зарубежных ресурсов. Примечательны юридически возобновляющиеся разговоры о создании национальной платежной системы, национального рейтингового агентства, национального рейтинга вузов и других *национальных* операторов, чья деятельность якобы могла бы быть более *объективна* и эффективна, чем работа международных структур.

По крайней мере в рамках идущего процесса *национализации элит* и устойчивой тенденции на сохранение высокого присутствия государства в экономике любое заимствование рассматривается лишь как процесс, который должен протекать на равноправной основе. А это в российских реалиях означает сокращение уступок потенциальным инвесторам и определение достаточного жесткого свода условий

для их деятельности, включающего, в том числе, изменение установленных правил игры, причем с завидным постоянством.

В отличие от азиатских экономик, большинство из которых работает с инвесторами по принципу *открытых дверей*, российские двери часто оказываются плотно прикрыты. А иногда и замаскированными — многие иностранные компании, входящие на рынки РФ, отмечают сложности в ориентации среди многочисленных структур и лиц, принимающих решения как на федеральном, так и на региональном уровне, указывают на недостаток транспарентности. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты опроса Консультативного совета по иностранным инвестициям¹⁶.

Все это отнюдь не означает, что сотрудничество не должно быть равноправным и взаимовыгодным. Однако подобные подходы серьезно осложняют возможности для осуществления российскими властями односторонних краткосрочных уступок, которые могли бы стимулировать приток инвестиций и технологий. Психологические барьеры в виде устойчивых стереотипов — *ни пяди земли, не продавать, облегчение визового режима только на принципах взаимности* и др. — не позволяют в полной мере воспользоваться теми инструментами формирования благоприятного делового климата, которые существуют в других странах, в том числе и у ближайших соседей России в Восточной Европе и на пространстве бывшего СССР — Словении, Черногории, Болгарии, Казахстане, Молдавии и т. п.¹⁷.

В целом можно отметить, что излишняя политизация оказывается заметным тормозом на пути модернизации. Крен в пользу геополитики затрудняет взаимодействие с ключевыми потенциальными партнерами — источниками инноваций, инвестиций и компетенций, т. е. странами-лидерами (и не только западными).

Показательна в этом смысле судьба «Партнерства для модернизации» с Европейским союзом. По целому ряду направлений взаимовыгодное экономическое сотрудничество становится заложником политических обострений. Классический пример — многолетние переговоры по облегчению визового режима с ЕС, которые могли бы существенно стимулировать деловую активность и гуманитарные контакты. Это тот случай, когда РФ путем напряженных усилий сумела пройти свою часть *дорожной карты* и создать все необходимые условия для постепенного введения безвизового пространства, наподобие тех, которые существуют у Брюсселя с огромным количеством менее развитых и более проблемных с миграционной точки зрения стран. Однако именно вопрос о визах стал первой жертвой российско-европейских прений в ходе украинского кризиса — эта тема была заморожена на неопределенный срок¹⁸.

В России до сих пор вспоминают нежелание западных партнеров поделить почти устаревшими технологиями компании *Опель*, к покупке которой не были допущены российские участники. Как известно, в 2009 г. консорциум *Сбербанка России* и канадской *Магны* почти договорился о покупке 55% немецкой компании *Опель*. Россия предполагала инвестировать в производство около 500 млн евро и получить доступ к технологиям и патентам. Однако именно этот факт, судя по сообщениям *Wikileaks*, стал одной из главных причин отказа от продажи¹⁹ — ведь потенциальным бенефициаром от сделки мог оказаться холдинг *Ростехнологии*, управляющий российским автопромом. Не меньше вопросов вызывала коллизия вокруг покупки шведского *Сааба* российскими бизнесменами. И таких примеров множество.

Та же судьба постигла переговоры об упрощении торговли с Новой Зеландией, приостановленные из-за украинских событий. Определенным сдерживающим фактором для японских инвесторов является нерешенность и периодическое обострение обстановки вокруг Курильских островов²⁰.

Не менее сложно развивается модернизационный альянс с США. В рамках политики *перезагрузки* активизировалась деятельность рабочих групп по экономическому сотрудничеству. Более того, несмотря на неудачи *перезагрузки*, сторонам даже удалось договориться о создании внешнеторгового режима, аналогичного зоне свободной торговли, и о пакете соглашений о взаимной защите и поощрении

инвестиций. Принципиально этот вопрос был согласован в конце 2013 г., а полностью квазизона должна заработать после 2015 г. Создание такого экономического базиса способствовало бы повышению устойчивости российско-американских отношений, снижало бы их уязвимость от политических флуктуаций. Однако именно по этому направлению переговоры были свернуты в феврале 2014 г. в первую очередь²¹. Что уж говорить о бесконечных перипетиях вокруг безнадежно устаревшей поправки Джексона–Вэника, которая была с таким трудом отменена в США и носила исключительно символический и крайне политизированный характер! Или о блокировании американцами сделок, связанных с поставками комплектующих для суперкомпьютеров в Россию из-за якобы потенциальной угрозы для национальной безопасности США²².

Впрочем, и в России есть масса примеров, когда проекты блокируются по внеэкономическим соображениям. Одна из последних инициатив депутатов Государственной Думы — рассмотрение вопроса о введении запрета на поставку импортного оборудования для национальных систем связи²³. Похожие вопросы вызывает и инициатива по ограничению беспошлинной торговли через Интернет — получивший популярность у *среднего класса* формат вызвал асимметричный ответ госорганов. Предлагается установить порог в 150 евро в месяц для беспошлинного ввоза товаров²⁴, хотя для товаров, перемещаемых через границу традиционно, эта норма составляет 65 тыс. руб. (т. е. почти в 10 раз больше).

Помимо проблемы отсутствия сигналов к модернизации, существует объективная институциональная слабость. Для Министерства иностранных дел задачи экономической дипломатии главным образом являются формальным бумажным приоритетом. Для их решения в системе МИДа нет достаточно сильных подразделений (в том числе аналитических) и подготовленных кадров, а также набора ключевых показателей эффективности в этой сфере, невыполнение которых влекло бы для персонала дипломатии некоторые санкции со стороны центрального аппарата. Посольства в общении с бизнесом выполняют в основном представительские функции. Рутинная бюрократическая переписка с ведомством принимающей страны не соответствует бизнес-реальностям, значительно усложняет коммуникационные процедуры. Реанимированная система торгпредств, находящаяся в подчинении Министерства экономического развития, имеет менее разветвленную сеть и пока только становится на ноги, только начинает применять используемые в мире механизмы (те же бизнес-миссии, а также привлечение инвесторов на российские экономические форумы). Разумеется, много зависит от конкретных чиновников и их активности. Но и она оставляет желать лучшего.

Вот уже более десяти лет президент на регулярных встречах с представителями российского дипломатического корпуса отмечает важность экономизации внешней политики, ставит четкие задачи и журит послов за слабое внимание к этой тематике. Как отмечал В. В. Путин на совещании в МИД РФ в 2012 г., «признаем, пока мы все-таки чаще всего проигрываем многим нашим иностранным партнерам, умеющим более грамотно, более настойчиво лоббировать свои деловые интересы. О ресурсах экономической дипломатии мы говорим давно — начиная с начала 2000-х гг., на первой встрече с вами об этом говорили, но кардинальных изменений все-таки не добились. Есть, безусловно, подвижки, я их сам вижу, отмечая, но кардинальных изменений пока нет»²⁵.

Ситуация почти не меняется, демонстрируя расхождение слова и дела. Это связано, в том числе, и с отсутствием прямых и легальных материальных стимулов к продвижению интересов российского бизнеса за рубежом и привлечению инвесторов. В лучшем случае в цепочке *российский бизнес–посольство–страна пребывания* существует практика налаживания неофициальных контактов и консультационных услуг, расчеты по которым идут в виде неформальных платежей непосредственно дипломатическим работникам. В обратную же сторону цепочка *инвестор–посольство–российское ведомство, регион или бизнес* функционирует с еще большим трудом. Не в последнюю очередь в силу оторванности дипломатического ведомства от экономических процессов внутри страны, отсутствия МИДа

в числе значимых ведомств, принимающих решения в экономической сфере и имеющих плотную сетку взаимодействия с бизнес-сообществом и региональными властями. Собственно, все это результат однозначной ориентации министерства на работу вовне — этот принципиальный подход и не позволяет выполнить указания президента.

Важную роль в модернизации и привлечении технологий могло бы сыграть военно-техническое сотрудничество. Однако и оно строится в основном на экспортных моделях. Россия развивает совместные производства, вывозя технологии (например, успешный проект в области строительства ракет *Брамос* с Индией) и пытается освоить рынки третьих стран (в частности, разрабатывая учебный самолет совместно с Италией на базе Як-130)²⁶. Случаи же ввоза технологий или равноправного технологического взноса встречаются реже. Начавшаяся было практика закупок вооружений и военной техники за рубежом (авианосец *Мистраль*, итальянские бронемашины и др.), способная активизировать конкуренцию и повысить требования к качеству продукции российского ОПК, стремительно сворачивается. В качестве позитивных, как ни странно, можно привести отдельные программы научно-технической кооперации России–НАТО. Это и проект *STANDEX*, направленный на раннее выявление взрывчатых веществ, и предотвращение террористических актов, и планы по совместной утилизации списанных российских боеприпасов. Не менее важно участие России в работе европейского аэрокосмического и оборонного концерна (*EADS*), где она владеет небольшой долей (около 5%).

Российские ведомства — Министерство финансов (курирующее проект создания в Москве международного финансового центра), Министерство промышленности и торговли, Министерство образования и науки, Министерство по развитию Дальнего Востока — ведают вопросами профильного сотрудничества. Здесь следует особо отметить Минвостокразвития России, которое с 2014 г. получает новые механизмы (в том числе *зоны опережающего развития*) привлечения инвестиций в освоение Дальнего Востока, а самое главное — политическую волю на максимально активное использование этих механизмов в реализации стратегического приоритета РФ. Подвижки есть и у Министерства образования, которое стремится создать систему привлечения зарубежных профессоров в российские вузы, стимулирует вовлечение иностранных ученых в научные коллективы через систему мегагрантов, а также совместно с Агентством стратегических инициатив запускает программу «Глобальное образование». Суть последней в формировании корпуса специалистов-управленцев. Ознакомившись с лучшими практиками за рубежом за счет образовательных кредитов на льготных условиях, они возвращались бы для работы на Родине и привлекались прежде всего на государственную службу.

Похожие программы обменов находятся также в ведении Росмолодежи и Россотрудничества. Последнее, учитывая специфику задач модернизации, по идее должно было стать главным окном в мир. Именно Россотрудничество, претендующее на роль координационного центра отечественной *мягкой силы*, совместно с государственными информационными холдингами (в том числе недавно созданным взамен *РИА Новости Россией сегодня*) должно формировать привлекательный имидж России, создавать предпосылки для научного обмена и гуманитарных контактов.

Это особенно актуально в свете сворачивания в России деятельности зарубежных фондов, часть из них осуществляла образовательные программы и вынуждена была пересмотреть свою политику после ужесточения законодательства об НКО и введения статуса *иностранных агентов*. Россотрудничество могло бы заместить эту нишу и одновременно стать движущей силой для других российских ведомств. Например, активизировать работу по взаимному признанию документов в сфере науки и образования, пропаганде стипендий для иностранных студентов и грантов для зарубежных ученых, повышению информированности об инвестиционном потенциале российских регионов.

Агентство должно сыграть ключевую роль и в пересмотре миграционной политики. Пока программа переселения соотечественников за несколько лет своего

существования показала довольно скромные результаты. Есть проблемы и с трудоустройством, и с обеспечением жильем, и с волокитой вокруг получения документов, и с недостаточной информированностью русскоязычного населения о предоставляемых возможностях²⁷. При этом по факту правила иммиграции, как и во всем мире, постоянно ужесточаются. Это и сигналы на ввод визового режима со странами бывшего СССР, включая Центральную Азию, и сокращение квот на иностранную рабочую силу, и ограничение списка профессий, и введение квалификационных требований (знание русского языка, а в перспективе истории и культуры России). Задача Россотрудничества и Федеральной миграционной службы должна состоять в том, чтобы найти разумный баланс и обеспечить приток квалифицированных специалистов и компетенций. Как и в случае с МИДом, агентство должно научиться работать не только на экспорт, но и на импорт в РФ передовых технологий и носителей этих технологий.

Модернизация — одна из задач российского бизнеса. Хорошим кейсом стало сотрудничество крупных госкомпаний со своими зарубежными партнерами в рамках арктических проектов. Труднодоступные месторождения полярных широт требуют привлечения технологий, которые отсутствуют у *Газпрома* и *Роснефти*, да и не до конца апробированы канадскими, норвежскими, американскими компаниями. Поэтому после долгих сомнений и переговоров в нефтегазовые проекты Арктики (при сохранении доминирующей роли отечественных корпораций) были привлечены иностранные инвесторы, несущие не только средства, но и технологическую базу. Несмотря на то что проект освоения Штокманского месторождения заморожен из-за нецелесообразности его разработки на данном этапе, предварительная работа, проделанная в рамках концерна с *Statoil* и *Total*, создала предпосылки для последующего технического сотрудничества. Аналогично в партнерстве с *Eni*, *Exxon* и *Statoil* пытается реализовать арктические проекты *Роснефть*²⁸. Не менее успешны примеры совместных предприятий компании *Сименс* с *РЖД* и *Силовыми машинами*, обеспечивающие существенное обновление технологической базы в транспортном и энергетическом машиностроении.

Бизнес так или иначе является локомотивом изменения технических регламентов и гармонизации стандартов. Один из внешнеполитических инструментов модернизации — это развитие различных интеграционных объединений. Создание Евразийского экономического союза, например, позволит сформировать привлекательный рынок на 170 млн человек, ориентирующийся во многом на существующие европейские стандарты. Введение последних в строительстве, фармацевтике и ряде других отраслей способствует перестройке промышленности, более активному привлечению современных технологий. В то же время пока интеграционные процессы на пространстве бывшего СССР для России (в отличие от ее партнеров) носят скорее политический характер и ради долгосрочных геополитических интересов, Москва готова терпеть экономические издержки. В этой связи ряд экспертов советует не позволять интеграционным концепциям обгонять реальную жизнь и процессы модернизации в самой России²⁹. Только в этом случае можно рассчитывать на Евразийский союз как на позитивный механизм повышения российской конкурентоспособности. Общие правила, необходимость отстаивать экономические интересы и по-новому конкурировать с партнерами (Казахстаном, представляющим более удобную юрисдикцию для бизнеса, или Беларуссией, использующей весь арсенал господдержки) заставят чиновников принимать меры по улучшению делового климата, совершенствованию администрирования и поощрению технологической модернизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сформулировать несколько сценариев развития процессов модернизации и соответствующую роль внешнеполитических инструментов.

Пессимистический сценарий предполагает, что модернизационные усилия России будут сведены к еще большей периферии политического дискурса и окончательно исчезнут из списка приоритетов. Акцент будет сделан на развитие автономных отечественных технологий, на возврат (или недопущение утечки) капиталов и ограничение контактов с зарубежными странами, прежде всего с Западом (при медленном и ограниченном развороте за инвестициями и технологиями в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона). Будет взят курс на политический верх над экономикой, что лишь укрепит описанные выше негативные тенденции среди государственных институтов и усилит ограничения, связанные с политизацией. Страна будет двигаться по инерционному сценарию поддержания экономического статус-кво, что, впрочем, будет сделать сложнее при растущей социальной нагрузке и нерастущей производительности труда, тем более что возможности и ресурсы для мобилизационного сценария модернизации (в российской исторической традиции это индустриализация 1930-х гг.) уже исчерпаны. Все это в конечном итоге приведет к превращению России в заурядное государство мира, в лучшем случае в региональную державу с весьма ограниченным влиянием, подкрепленным лишь фактором военной силы и постоянно дорожающей *скупки* партнеров.

Оптимистический сценарий — это своего рода реализация мечты российских либералов о сближении России с Западом и повышении открытости страны. Он подразумевает активизацию контактов с США и Европейским союзом, ускорение процессов гармонизации стандартов, односторонние шаги по поощрению инвестиций и гуманитарных обменов, проведение реформ в сфере образования, улучшение делового климата. Ресурсы отечественных фондов национального благосостояния были бы пущены не только на осуществление инфраструктурных проектов с активным привлечением зарубежных компаний, но и на закупку нематериальных активов (например, *скупку* патентов на изобретения, как это в свое время делала Япония, и создание возможностей для организации соответствующих производств). Это путь, несущий существенные риски, связанные не только с объединением с *Европой в упадке*, но и с общей дестабилизацией и трансформацией режима в России. РФ придется добровольно принять на себя роль *младшего партнера* и уповать лишь на то, что в долгосрочной перспективе будут получены экономические преимущества от нахождения в одном клубе с ведущими экономиками мира. Причем опыт восточноевропейских государств показывает, что достижение уровня, близкого к стандартам ЕС, вполне реально в 10–15-летней перспективе при условии неуклонного следования этому курсу (даже при смене правительств).

Реальность, как всегда, лежит где-то посередине. Очевидно, что Москва предпочтет путь ограниченной модернизации, подчиненной прежде всего задачам развития Дальнего Востока, повышения экономического роста и производительности труда. Причем все это в масштабах, необходимых для поддержания растущего социального бремени, но без перехода к реальным глубоким реформам в экономической, социальной и, тем более, политической сфере. Такая избирательная и крайне технократическая модернизация не потребует мощных политических сигналов для аппарата, а контроль будет осуществляться в рамках действующей системы мониторинга исполнения *майских указов* президента страны.

Однако даже в этом случае целесообразно расширить институциональные возможности в сфере внешнеполитической поддержки модернизации. Хотя бы для того, чтобы в следующем цикле, когда после 2020 г. Россия вновь вернется к активной модернизационной повестке, она обладала работающим, прошедшим апробацию арсеналом и не отставала от других развитых государств. Кстати, в том числе и от США с их концепцией *economic statecraft* как одного из столпов внешней политики и усилиями по расширению трансатлантического и тихоокеанского партнерств.

Что рекомендуется сделать? Во-первых, РФ следует пересмотреть свое отношение к подготовке различных международных мероприятий и участию в работе международных организаций. Во многом до сих пор все это для Москвы является неким *голом престижа*. Это касается и вступления в ВТО, и курса на присоединение к ОЭСР, и активного лоббирования проведения разного рода саммитов

(*восьмерки, двадцатки*, олимпиады, Чемпионата мира по футболу, председательства в БРИКС, внедрения в форматы АТЭС и АСЕАН и др.). Каждое такое мероприятие должно иметь в повестке вполне конкретные и на 100% соответствующие российским интересам вопросы (от одного до трех), а их решение способствовало бы реализации задач модернизации. Таким образом, Россия в лице множества ведомств, вовлеченных в подготовку этих мероприятий, должна научиться прикладному использованию саммитов — не только как площадки для сверки часов по актуальным вопросам мировой политики, но и как инструмента извлечения модернизационных дивидендов.

Во-вторых, должен измениться подход РФ к интеграционным объединениям. Экономические жертвы ради крупных геополитических целей не должны становиться оправданием для серьезных уступок партнерам и отсутствия навыков отстаивания позиции на переговорах по торговым режимам. Евразийский союз может стать площадкой для модернизации России при условии более гибкого реагирования бюрократической системы на возникающие вызовы, перенимания и внедрения лучших практик Белоруссии и Казахстана (в той же сфере регулирования бизнеса) и выравнивания стандартов ЕАС с другими мировыми интеграционными союзами. Это требует, в том числе, пересмотра кадровой политики и формирования особого корпуса *бюрократов от интеграции*. Похожий процесс происходит по мере включения РФ во Всемирную торговую организацию: потребность в специалистах, юристах, экспертах по торговым режимам и т. п. приводит к появлению специализированных кафедр и научных центров, особых программ подготовки и повышения квалификации.

В-третьих, должна измениться роль МИДа и *Россотрудничества* во внешнеполитической поддержке модернизационных инициатив. Чтобы ликвидировать остаточный принцип в решении этих задач, необходимо прописать четкие показатели эффективности, провести структурные и кадровые изменения (выделив особые *экономические* подразделения) и создать понятную систему мотивации (материальной и нематериальной) для дипломатических работников при решении этих, пока нетипичных для них задач. Такое *раскрытие* МИДа (в том числе за счет привлечения специалистов с опытом работы в бизнесе) может быть болезненным для аппарата одного из самых консервативных ведомств любого государства, но необходимым для страны. И МИД, и *Россотрудничество* должны научиться работать на импорт — знаний, технологий, человеческих ресурсов и капитала.

В-четвертых, Россия должна свыкнуться с мыслью о том, что не все передовые наработки можно купить. Не все компетенции продаются за деньги, многие предоставляются лишь при наличии партнерских отношений и соответствующего имиджа. Успех модернизации зависит от правильной трансляции сигналов изнутри страны, от кропотливой разъяснительной работы с инвесторами, от формирования соответствующей репутации. А это значит, что должна быть реформирована работа не только рупора в лице *Россотрудничества*, но и усилена координация международной деятельности Торгово-промышленной палаты, бизнес-ассоциаций и союзов, институтов развития (того же *ВЭБ*) и агентств по привлечению и гарантированию инвестиций.

Это лишь некоторые шаги, которые помогут добиться главной цели — сделать внешнюю политику не просто отсветом внутренней политики, но и реальным инструментом обеспечения внутренних потребностей страны. В этом и будет заключаться вклад внешней политики в модернизацию экономического потенциала России и укрепление ее лидерских позиций в мире. 🇷🇺

Примечания

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г., п. 4, 34, <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», <http://rs.gov.ru/node/32549> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

³ Дерлугьян Георгий, Валерстайн Иммануил. История одного падения. *Эксперт*. 2012, Январь. № 1 (784), <http://expert.ru/expert/2012/01/istoriya-odnogo-padeniya/> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

⁴ «...Раз в наличии имеется достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами». Маркс Карл. «Капитал», гл. 24 в: Маркс Карл, Энгельс Фридрих. Собрание сочинений (изд. 2-е). М., 1955. Т. 23. С. 770.

⁵ Путин Владимир. Россия и Европа: от осмысления уроков кризиса — к новой повестке партнерства. *иноСМИ.ru*. 2010, 25 ноября, <http://inosmi.ru/europe/20101125/164480740.html> (последнее посещение — 12 марта 2014 г.). Лавров Сергей. В понимании ЕС и США «свободный» выбор за украинцев уже сделан. *Коммерсантъ-Украина*. 2014, 13 февраля, <http://www.kommersant.ua/doc/2406473> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 12 декабря 2012 г., <http://www.kremlin.ru/news/17118> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

⁷ Выступление министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на пленарном заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ, Киев, 5 декабря 2013 г., http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/B569FE37BAAAEV5E44257C380044A8FE (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

⁸ Сурков Владислав. Чудо возможно. *Ведомости*. 2010, 15 февраля, <http://iso-ural.ru/userFiles/file/From%20the%20first%20persons/Surkov/Interviews%20Vladislav%20Surkov,%20the%20newspaper%20Vedomosti.pdf> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

⁹ Стратегия XXI (версия для обсуждения). Совет по внешней и оборонной политике. 2014. С. 6, http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/00strategy21_intro.pdf (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

¹⁰ Вишневский Анатолий. Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-экономические последствия. *Россия в глобальной политике*. 2013, 31 мая, <http://globalaffairs.ru/number/Mifologiya-i-zhizn-16007> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

¹¹ Выступление первого заместителя председателя правительства РФ Д. А. Медведева на V Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 г., <http://www.regnum.ru/news/957732.html> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

¹² «Недавно я определил пять стратегических векторов экономической модернизации нашей страны. Во-первых, мы станем одной из лидирующих стран по эффективности производства, транспортировки и использования энергии. Разработаем и выведем на внутренние и внешние рынки новые виды топлива. Во-вторых, сохраним и поднимем на новый качественный уровень ядерные технологии. В-третьих, российские специалисты будут совершенствовать информационные технологии, добьются серьезного влияния на процессы развития глобальных общедоступных информационных сетей, используя суперкомпьютеры и другую необходимую материальную базу. В-четвертых, мы будем располагать собственной наземной и космической инфраструктурой передачи всех видов информации; наши спутники будут «видеть» весь мир, помогать нашим гражданам и людям всех стран общаться, путешествовать, заниматься научными исследованиями, сельскохозяйственным и промышленным производством. В-пятых, Россия займет передовые позиции в производстве отдельных видов медицинского оборудования, сверхсовременных средств диагностики, медикаментов для лечения вирусных, сердечно-сосудистых, онкологических и неврологических заболеваний». Медведев Дмитрий. *Россия, вперед!* 2009, 10 сентября, <http://www.kremlin.ru/news/5413> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

¹³ Выступление В. В. Путина на заседании Совета при Президенте по модернизации экономики и инновационному развитию 24 октября 2012 г., <http://state.kremlin.ru/council/30/news/16708> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

- ¹⁴ Текст выступления заместителя председателя правительства РФ Д. О. Рогозина на пресс-конференции в *Российской Газете*. *Российская Газета*, 2013, 28 июня, <http://www.rg.ru/2013/06/28/doklad.html> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ¹⁵ Товкайло Максим, Папченкова Маргарита. Путин отменил решение Медведева о финансировании «Сколтеха». *Ведомости*. 2013, 24 июня, http://www.vedomosti.ru/finance/news/13415491/skolteh_bez_sredstv (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ¹⁶ Стенограмма 26-го заседания Консультативного совета по иностранным инвестициям, [http://russiaincouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy \(1\).pdf](http://russiaincouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy%20(1).pdf). 15 ноября 2012 г. (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ¹⁷ Тофан Василий. Пять причин, почему Украина вправе завидовать Молдове. *Point.md*. 2014, 3 февраля, <http://point.md/ru/novosti/ekonomika/pyatj-prichin-pochemu-ukraina-vprave-zavidovatj-moldove> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ¹⁸ Демидова Ольга. Тимошенко: Москва проводит широкомасштабную империалистическую политику. *Deutsche Welle*. 2014, 6 марта, <http://www.dw.de/timoшенко-москва-проводит-широкомасштабную-империалистическую-политику/a-17478331> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ¹⁹ Старостина Наталья, Сергиенко Евгений. *Сбербанк* не купил *Опель*, потому что американцы не хотели делиться технологиями. *РБК daily*. 2011, 26 июля, <http://www.rbcdaily.ru/industry/562949980798903> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²⁰ Экономика: Япония против иностранных инвестиций в Курилы. 2011, 11 февраля, [http://www.v-equities.ru/новостиЭкономика NovostiEkonomika.aspx?id=545](http://www.v-equities.ru/новостиЭкономика_NovostiEkonomika.aspx?id=545) (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²¹ Бутрин Дмитрий, Шаповалов Алексей. Счета за риторику уже в пути. *Коммерсантъ*. 2014, 5 марта, <http://www.kommersant.ru/doc/2423229> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²² Запрет, установленный в марте 2013 г., был снят лишь в январе 2014 г. после апелляции компании *T-Платформа*. Фадеев Валерий. Русскому хайтеку указали на место. *Эксперт*. 2013, 29 марта, № 13 (845), <http://expert.ru/expert/2013/13/ruskomu-hajteku-ukazali-na-mesto/> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²³ Депутаты хотят запретить иностранное оборудование систем связи. *Ведомости*. 2014, 12 февраля, <http://www.vedomosti.ru/tech/news/22678971/deputaty-predlozhili-zapretit-inostrannoe-oborudovanie> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²⁴ Правительство согласовало порог беспощинного ввоза посылок в 150 евро. *РИА Новости*. 2014, 27 января, <http://ria.ru/economy/20140127/991513009.html> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²⁵ Выступление Президента РФ В. В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 г., <http://www.kremlin.ru/news/15902> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²⁶ В 2013 г. было подписано новое соглашение о сотрудничестве с итальянскими компаниями в производстве самолетов-амфибий. При этом примечательная судьба *Як-130*. Как отмечается на сайте ОКБ им. А. С. Яковлева, «в настоящее время в связи с изменением концепции ВВС России в отношении учебно-тренировочных самолетов в ОКБ и запретом применения при их разработке комплектующих изделий иностранного производства в ОКБ на базе Як/АЕМ-130 ведется разработка учебно-боевого самолета Як-130». <http://www.yak.ru/PROD/inter1.php> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.). Иными словами, самолет в буквальном смысле не пригодился там, где родился.
- ²⁷ Никольская Полина. «Мы никого не заставляем возвращаться». *Коммерсантъ-Власть*. 2014, 3 февраля. № 4, <http://www.kommersant.ru/doc/2394915> (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²⁸ Фадеев Алексей. Международное сотрудничество в освоении Арктики. Российский совет по международным делам. 2012, 30 июля, http://russiaincouncil.ru/inner/?id_4=657#top (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).
- ²⁹ Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.). Российский совет по международным делам. М., 2012. С. 12, [http://russiaincouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy \(1\).pdf](http://russiaincouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy%20(1).pdf) (последнее посещение — 12 июня 2014 г.).

Ольга Скороходова

МЬЯНМОМАНИЯ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ¹

Политический ландшафт Республики Союз Мьянма, известной прежде в России и за ее пределами как Бирма (например, справочник ЦРУ до сих пор использует старое название)², претерпел серьезные перемены в течение последних лет. За время, которое весь мир *потратил* на поиски выхода из тупика очередного экономического кризиса, Мьянма не только успела оправиться от разрушительного урагана *Наргис*, унесшего жизни более чем 138 тыс. человек, но и принять новую конституцию, основанную на принципе *дисциплинированной процветающей демократии*, и провести всеобщие парламентские выборы. В истории Мьянмы начался новый политический период.

Новый руководитель Мьянмы Тейн Сейн освободил из-под почти 20-летнего домашнего ареста наиболее известную гражданку Мьянмы, борца за демократию, лауреата Нобелевской премии мира, Аун Сан Су Чжи, дав ей легальную возможность заниматься политической деятельностью. Отмена цензуры и монополии государства на средства массовой информации повлекли за собой лавинообразное увеличение числа газет и прочих СМИ. Мировое сообщество и прежде всего страны классической либеральной демократии охватил восторг при наблюдении за страной, которую еще пару лет назад причисляли к *форпостам тирании* в мире наряду с Сомали, Белоруссией, Северной Кореей и Ираном. Патрик Кронин, эксперт из Центра новой американской безопасности, назвал эти восторги *мьянмоманией*³, которая легко рифмуется с *горбиманией* 1980-х гг.

А
Н
А
Л
И
З

АЗИАТСКИЙ КЛОНДАЙК? ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В МЬЯНМЕ

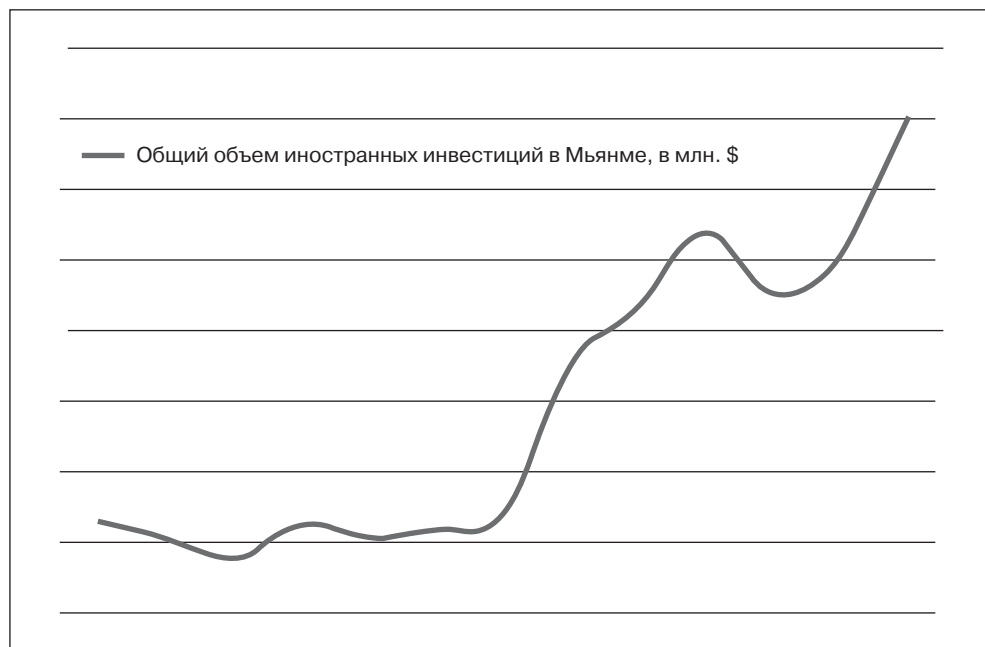
Одним из измерений *мьянмомании* можно считать инвестиционную лихорадку, охватившую мировое бизнес-сообщество. Причины этой лихорадки просты: Мьянма, будучи одной из крупнейших по территории стран Юго-Восточной Азии, владеет богатейшим набором природных ресурсов, в который входят не только газ и нефть, но и драгоценные камни, редкие металлы и пр. Считается, что мир далек от понимания истинных масштабов ее природного богатства, поскольку в отношении многих полезных ископаемых никогда не проводилось планомерной разведки. Недра Мьянмы просто *не раскупорены*, что создает базу для блестящего экономического будущего. Если учесть, что демографический потенциал Мьянмы столь же внушительен, как и природное достояние, то прогноз консалтинговой компании *McKinsey* об увеличении валового внутреннего продукта (ВВП) этой страны в четыре раза к 2030 г. не выглядит таким уж фантастическим⁴.

Реформаторский курс Тейн Сейна позволил ему не только обрести весьма благовидную репутацию в демократических кругах, но и отворил двери для широкого потока иностранных инвестиций из стран, которые прежде не могли участвовать в строительстве мьянманского капитализма по причине действовавших санкций против военной хунты. (Заметим, речь идет о санкциях США и ЕС. Предложение США о введении санкций на уровне Совета Безопасности ООН было заблокировано Россией и Китаем в 2007 г.)

Строительство *дисциплинированной демократии* требует не только финансовых средств, но и, главное, технологий. С 2008 г. объем прямых иностранных инвестиций в Мьянме возрос в два раза, достигнув в 2012 г., согласно данным Международного валютного фонда (МВФ), 1,4 млрд долл. (рис. 1). Однако Мьянме есть куда стремиться. Например, Лаос, население которого составляет 10% от населения Мьянмы, получил за 2012-й календарный год тот же самый объем инвестиций⁵.

Одним из решающих факторов увеличения потоков прямых иностранных инвестиций в Мьянму в самое ближайшее время станет принятый в конце 2012 г. Закон об иностранных инвестициях. Этот закон не только открыл дорогу для создания иностранных и совместных предприятий в Мьянме, но и закрепил существенные преференции для иностранного бизнеса. Так, иностранные инвесторы освобождаются от уплаты подоходного налога на 5 лет с правом продления этой льготы в случае, если полученные ими средства будут реинвестироваться в развитие бизнеса в Мьянме. Кроме того, доходы от экспорта товаров, произведенных на территории Мьянмы, получают, согласно новому закону, 50-процентную налоговую скидку, а сами товары, произведенные на экспорт, при этом не облагаются налогом с продаж.

Рисунок 1. Общий объем притока иностранных инвестиций в Мьянму/Бирму, 2000–2012 гг.

Источник: *World Bank Database*.

Новый закон также освобождает от уплаты таможенных пошлин и иных внутренних сборов стройматериалы, машины и станки, расходные материалы, импортируемые для строительства предприятий, первоначального обеспечения их функционирования, а также при последующем расширении бизнеса. Компании освобождаются от таможенных и иных пошлин на ввозимое сырье первые пять лет своей деятельности.

В итоге уже к маю 2013 г. более 1300 иностранных организаций, в том числе 34 международных банка, открыли свои представительства или совместные предприятия на территории Мьянмы⁶. Общий же объем одобренных прямых иностранных инвестиций только в апреле-августе 2013 г. (I квартал финансового года) достиг 1,8 млрд долл.⁷, что уже превышает итоговый показатель 2012 г. на 28,5%.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ИНОСТРАННЫЙ БИЗНЕС: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Каковы же итоги трехлетней истории *открытой экономики* Мьянмы? Хотя эта история и не является продолжительной, на ее основе вполне можно выработать набор рекомендаций для российского бизнеса.

В первую очередь необходимо заметить, что реформы в экономической сфере носят выраженный постепенный характер. Достаточно привести такой пример: новый Закон об иностранных инвестициях был принят лишь в конце 2012 г. В то время как вспышки этнически и религиозно окрашенного насилия заставляют сомневаться в том, насколько центральное правительство контролирует политическую ситуацию, применительно к экономике создается впечатление, что *власть держит руку на пульсе*. Мьянманская политическая элита осознает потенциал своей страны и, что очень отраднo, относится к нему по-буддийски бережно. В отличие от Москвы конца 1980-х гг. в Нейпидо присутствует понимание того, что необходимо получить максимум за те активы, которые станут доступны иностранным инвесторам, а для этого процесс открытия должен быть дозированными и поступательным⁸.

В общем и целом, несмотря на то что объем и масштабы иностранного присутствия в экономике Мьянмы увеличились, по мнению МВФ, ведение бизнеса здесь — дело не из легких. В рейтинге Doing Business 2014, составленном Всемирным банком, Мьянма заняла 182-е место, уступив странам с такими *одиозными* режимами, как Зимбабве (170-е место), Венесуэла (181-е место), обогнав лишь на одну строчку Демократическую республику Конго, раздираемую гражданской войной⁹.

Существует два типа причин для столь низкого рейтинга страны — политические и экономические. Что касается политических рисков, то это возможность дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и сохраняющаяся неясность относительно будущего страны после 2015 г. — года, на который назначены очередные выборы.

Остановимся подробнее на экономических аспектах, затрудняющих ведение бизнеса в Мьянме. Они, в свою очередь, могут быть разделены на финансовые и бюрократически-институциональные.

Прежде всего оказалось, что ведение бизнеса в Мьянме не такое уж и *дешевое* занятие. На начало инвестиционного бума неэластичный и ненасыщенный мьянманский рынок услуг и недвижимости ответил вполне предсказуемо. Сообщается, что цена номеров в отелях в Янгоне выросла в 2–3 раза. Стоимость аренды метра офисного помещения в Янгоне, который сохранил за собой статус деловой столицы Мьянмы после передачи столичного статуса Нейпидо, уже обогнала сингапурские ставки, приблизившись к 100 долл. в сравнении с 74 долл. в Сингапуре. К тому же резко подскочила стоимость арендной платы жилья — она достигает 6500 долл. за обычную трехкомнатную квартиру¹⁰. В свете последних терактов фирмы также вынуждены повышать бюджеты на охранную деятельность, устанавливать камеры,

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

КСЕНИЯ ЕФРЕМОВА:

Мьянма — типичное *буферное государство*, расположенное между двумя державами-гигантами и вынужденное реагировать на инициативы, исходящие от них. И у нас, и за рубежом сближение Бирмы с Китаем, начавшееся в конце 1980-х гг., считалось следствием высокой заинтересованности бирманской стороны. Такие представления во многом иллюзорны. На мой взгляд, сближение тогда еще Бирмы с Китаем было обусловлено скорее той жесткой позицией, которую заняла Индия в связи с подавлением восстания 8 августа 1988 г. в Бирме. Известно, что Раджив Ганди был другом детства Аун Сан Су Чжи, они вместе воспитывались, когда мать Су Чжи была послом Бирмы в Индии. Жесткая реакция, которая последовала со стороны Индии на подавление этого восстания, в какой-то степени вынудила Госсосвет, пришедший к власти в сентябре 1988 г., позитивно откликнуться на китайские инициативы. И, конечно, та зависимость от Китая, которая наблюдается сегодня, довольно сильно тяготит руководство Мьянмы.

Мьянма в АСЕАН: проблемы региона
и интересы России.

Индекс Безопасности, № 4 (99),
зима 2011. С. 98.

металлодетекторы и прочее, что оборачивается ростом производственных издержек.

Немного лучше обстоят дела с налоговой политикой — gross налоговое бремя на бизнес в Мьянме исчисляется 48,9%. Именно поэтому консалтинговая компания KPMG рекомендует начинать бизнес здесь посредством учреждения холдинга в одной из соседних стран. Так, например, в Сингапуре налог на прибыль составляет 17% против 25% в Мьянме, налог на прирост капитала по двустороннему соглашению — 10% против 40%¹¹.

Что касается бюрократических и институциональных препятствий, то можно отметить прежде всего, что бумажная работа по открытию дела может занять целых 72 дня, причем желающий открыть бизнес вынужден будет вести 11 регистрационных процессов в различных инстанциях. В дополнении к этому в законодательстве Мьянмы закреплена достаточно внушительная сумма капитала, который должен лежать на счету пред-

принимателя перед открытием дела — она составляет 58 тыс. долл.¹². В России, например, эта цифра исчисляется лишь 10 тыс. рублями.

Мьянма также не может похвастаться репутацией страны, где договор дороже денег — в рейтинге стран мира по обеспечению исполнения контрактов она занимает 188-е место, второе с конца. В случае возникновения конфликта может понадобиться до 3-х лет и 55% стоимости самого контракта с тем, чтобы разрешить спор.

Как и многие другие страны Третьего мира, бывшая Бирма страдает от крайне не прозрачной системы государственной власти — *Transparency International* присвоила ей 172-е место из 176¹³ по уровню коррупции. Хуже в этом списке выступили лишь Судан, Афганистан, Северная Корея и Сомали.

Огромным препятствием для вхождения новых инвесторов на мьянманский рынок является отсутствие собственной биржи. Ее открытие планируется не раньше 2015 г. Однако эта дата видится все менее реалистичной, поскольку в стране не только не хватает квалифицированного персонала, который мог бы работать на вновь учрежденной бирже, но и фирм, которые смогли бы торговаться на ней. В настоящее время имеется лишь пять предприятий, экономические показатели которых позволяют им выйти на биржу, в то время как для ее создания необходимо как минимум 80 таких предприятий. Проблема может быть решена лишь в том случае, если иностранным фирмам будет позволено войти на будущую биржу — именно в этой связи планируется пересмотреть в ближайшее время *Myanmar Companies Act*¹⁴, который был принят в далеком 1914 г. и продолжает действовать до сих пор.

Помимо проблемы с фондовым рынком в зачаточном состоянии находится и мьянманский финансовый рынок, рынок ценных бумаг и долговых обязательств. Либе-

рализация финансового рынка и предоставление более широкого доступа к нему иностранного капитала признается экспертами *sine quo non*.

Однако ситуация с банкоматами и платежными терминалами улучшается, причем достаточно быстрыми темпами. За последний квартал 2012 г. и в 2013 г. в стране начали действовать сразу три платежные системы: *Master Card*, *Visa*, *American Express*. *Master Card* выдала лицензии 7 банкам на выпуск своих карт, которые установили 285 платежных терминалов в Янгоне и 210 банкоматов по всей стране (из них 130 — в Янгоне). *Visa* выдала лицензии 8 банкам, которые владеют сетью из 550 платежных терминалов и 200 банкоматами. Кроме того, *UnionPay*, китайский банк, владеющей сетью отделений по всему миру, создал местное отделение *Myanmar UnionPay*, в составе 17 банков, которые владеют 1655 платежных машин. Постепенно роскошь расплачиваться кредиткой становится доступной не только для туристов и экспатов, но и для местных жителей. 8 октября 2013 г. *Master Card* совместно с *Cooperative Bank (CB Bank)* Мьянмы представили первую в стране дебитовую карту для резидентов.

Ожидается, что до конца 2014 г. будет опубликован проект нового закона о банковской деятельности. Также начиная с 2014 г. у некоторых иностранных банков (каких, пока неясно) появится возможность оказывать определенные финансовые услуги. Пока иностранным банкам разрешено иметь лишь представительства, а не полномочные филиалы на территории Мьянмы, и их сервис ограничивается лишь консультированием клиентов¹⁵.

Недоразвитость финансовых и банковских институтов служит серьезным препятствием для вхождения крупнейших инвестиционных банков в страну, для деятельности которых требуется большое количество ликвидности, однако многие компании реального сектора вошли и с оптимизмом смотрят на перспективы своей деятельности в Мьянме. Однако некоторые компании в 2012–2013 гг. смогли открыть для себя рынок Мьянмы.

Coca-Cola запустила два завода, в то время как ее конкурент № 1, *PepsiCo*, в ноябре 2012 г. объявила о строительстве своего первого завода. *General Electric* подписала контракт по лизингу малогабаритных пассажирских самолетов, а *Ford Motors* начала продажу автомобилей в мае 2013 г. В туристическом секторе сеть отелей *Hilton* планирует открыть отель на 300 комнат в 2014 г.

Успехи европейских инвесторов более скромны: третья крупнейшая пивоваренная компания в мире, голландская *Heineken*, планирует запустить завод в Мьянме в 2014 г. Британо-нидерландская *Uniliver* также объявила о начале строительства завода в марте 2013 г. Наконец, французский оператор сети гостиниц *Accor* до 2015 г. планирует открытие трех отелей.

Итак, Мьянмой было сделано многое, но сделать предстоит еще больше. При всех тех ограничениях и недостатках, которые сохраняются в экономике Мьянмы как системные элементы, хотелось бы отметить динамизм ситуации и привести слова Мэтта Дэвиса, главы миссии МВФ в Мьянме: «То, что страна сумела достичь за столь короткий период времени, очень впечатляет»¹⁶.

ОПЫТ РОССИЙСКО-МЬЯНМАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: МОЖЕТ ЛИ ТОРГОВЛЯ СЛЕДОВАТЬ ЗА ФЛАГОМ?

У российского бизнеса имеется как положительный, так и отрицательный опыт ведения дел в Мьянме. К неудачным российским проектам можно отнести попытки *Зарубежнефти* совместно с партнерами из Индии (*Suntera*) и Вьетнама (*PetroVietnam*) по разработке блоков M8 и M2 соответственно. Начав работы в 2006 г., компания приняла решение отказаться от их продолжения в 2011 г. «в связи с высокими геополитическими рисками и сложностью геологического

строения»¹⁷. Примерно такая же участь постигла и *Silver Wave Sputnik* Министерства энергии Калмыкии и ее партнера из Сингапура *Silver Wave Energy Ltd*, которые получили право на разработку в 2007 г. блока В2 на границе с Индией и блока А7 на шельфе. Неудачным оказался опыт и *Тяжпромэкспорта* со строительством чугунного завода. Не удалось российской стороне договориться и о строительстве линии метрополитена в новой столице Мьянмы Нейпидо. В 2007 г. компания *Altimo* вела активные переговоры о получении права на проведение монтажных работ по созданию инфраструктуры для сотовой связи, однако проект так и не был реализован.

Тем не менее другим российским компаниям удалось добиться определенных успехов в Мьянме. В нефтегазовой сфере компания *Нобель Ойл*, ветеран мьянманского рынка, еще в 2008 г. выиграла тендер на два труднодоступных нефтяных сухопутных участка — блок А и блок В-1 на самом севере страны, а также в 2011 г. — на блок Е в центральной части страны. Партнером *Нобель Ойл* является *Htoo Group*, принадлежащая олигарху Тей Зе (мьянманское законодательство предпочитает иностранным компаниям, желающим заниматься разработкой нефтегазовых месторождений на континенте и шельфе, создавать совместные предприятия с участием местного партнера). В октябре 2013 г. пришла новость о том, что на мьянманском нефтегазовом поле появился новый игрок: *Башнефть* получила право на разработку нефтяного блока EP-4, находящегося в центральной части страны. При этом, как и в случае с *Нобель Ойл*, *Башнефть* будет действовать в альянсе с местной *Sun Apex Holdings Ltd*. по соглашению о разделе продукции (СРП), что также является обязательным условием нового закона об иностранных инвестициях. Доля участия российской стороны составит 90%¹⁸.

Относительные успехи есть и в металлургической области. В 2011 г. *ОАО Нейланд* вела проект по реконструкции и модернизации предприятий по производству цинка и свинца в г. Намту и Бодвин; другая российская компания, *Геопромайнинг*, участвует в добыче драгоценных и редких металлов на территории Мьянмы (золота, серебра, меди, молибдена и цинка)¹⁹. Компания *Victorious Glory International* — *VGI* с местным партнером начинала разработку месторождения редкоземельных металлов еще в 2007 г., однако в дальнейшем она столкнулась с серьезными трудностями.

Следует отметить, что набор имеющихся российских инвестиций в Мьянме вполне традиционен в том смысле, что российский бизнес в основном вкладывается в добывающие, сырьевые, энергетические и металлургические отрасли, и в этом отношении Мьянма не является исключением.

Пока успехи российского бизнеса в этой стране выглядят более чем скромно. Между тем торгово-экономические отношения между Россией и Мьянмой в недалеком прошлом бывали достаточно тесными и активными — скажем, в сфере военно-технического сотрудничества. В 2000-х гг. Россия поставила в Мьянму вертолеты *Ми-35* и истребители *МиГ-29*, а также артиллерийские комплексы и системы противовоздушной обороны²⁰. Верно и то, что для российских инвесторов, в отличие от их конкурентов из стран, которые поддерживали режим санкций против Янгона²¹, вхождение на мьянманский рынок должно быть легче.

Еще одним важным аспектом российско-мьянманских отношений является активное взаимодействие наших стран в сфере образования. С 1997 г. усилиями посла РФ в Мьянме Г.А. Ивашенцова в ведущие российские вузы стали пребывать для обучения студенты из Мьянмы. Преимущественно их обучение проходило по контракту, за счет мьянманской стороны. Всего, согласно ранее не публиковавшимся данным, предоставленным автору статьи в Министерстве образования и науки РФ, за последние 20 лет в России прошли обучение 4705 студентов из Мьянмы.

В 2013/2014 академическом году в России учились 825 студентов, из них только один человек за счет средств бюджета Российской Федерации.

Очень любопытная картина вырисовывается при детальном взгляде на эти статистические данные — по направлениям подготовки (таблица). Менее чем за 20 лет российскими вузами была выращена техническая элита Мьянмы. К сожалению, в свете той инвестиционной гонки, которая медленно, но верно разворачивается вокруг этой страны, данное конкурентное преимущество России так и не было осмысленно и реализовано в практическом плане нашим бизнесом²². Важно понимать не только то, что такого масштаба сотрудничества в сфере образования у Мьянмы не было ни с одним государством мира, быть может, за исключением Китая, но и то, что не со многими странами АСЕАН на настоящий момент у России имеются такие наработки в образовательной сфере.

Таблица 1. Мьянманские студенты, обучавшиеся в России за последние 20 лет

Направление подготовки	Количество студентов
Медицина	138
Строительство	38
Машино- и приборостроение	517
Металлургия	13
Ракето- и самолетостроение	260
Прикладная математика и информатика	1870
Физика	119
Энергетике, включая ядерную	256
Горное дело	66
Химия и материаловедение	492
Итого по всем направлениям за 20 лет	4705
Обучающиеся в России в 2013 г.	829
Из них на контрактной основе	828

Источник: *Министерство образования и науки Российской Федерации.*

Выпускники российских вузов являются теми пророссийскими голосами мьянманской элиты, которые формируют фон благожелательного отношения к России в плане политическом, поскольку, отучившись в магистратуре или даже аспирантуре в России, они приезжают в Мьянму с тем, чтобы занимать руководящие посты. Более того, выпускники российских вузов являются носителями российских технологий производства.

Данный аспект имеет самое прагматичное значение в такой стране, как Мьянма, инвестирование в которую обуславливается привлечением к производству местных кадров. Так, по новому Закону об иностранных инвестициях, к концу первого пятилетнего периода доля мьянманцев относительно общего количества работников на создаваемом предприятии должна быть не менее 25%, спустя 10 лет — 50%, спустя 15 лет — 75%. Работодателю вменяется в обязанность организация специализированных курсов по повышению квалификации персонала. Отдельны-

ми пунктами прописаны обязательства инвестора нанимать для выполнения работ, не требующих особой квалификации, только местных граждан, а также не дискриминировать их при оплате труда по сравнению с иностранными специалистами.

Российским инвесторам не нужно ждать, когда будет воспитано поколение специалистов, способных думать и работать по-нашему и на нашей технике. Масштаб уже имеющихся наработок на этом фронте велик: так, по направлению машиностроение и приборостроение прошли подготовку 517 студентов (включая радиотехнику, микроэлектронику, 5 аспирантов по направлению системы коммуникаций), 1870 человек — по направлению прикладная математика и информатика, 256 человек — по направлениям электро-, теплоэнергетика и ядерная энергетика, 492 человека — по направлениям химии, химических технологий и наук о материалах.

В то же время в 2012 г. товарооборот между Россией и Мьянмой составил символические 175 млн долл. В свете всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что размер торгового оборота между нашими странами входит в противоречие не только с потенциальными, но и с уже имеющимися возможностями российско-мьянманских отношений²³.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В МЬЯНМЕ

Итак, российский бизнес, как в лице частных инвесторов, так и в лице государственных акторов, может стать существенным игроком на открывающемся рынке Мьянмы. У России в этом смысле имеется уникальный потенциал в сравнении с инвесторами из стран, правительства которых поддерживали санкции против Мьянмы до 2011 г. Еще одним российским преимуществом в глазах самих мьянманцев является, как бы это странно ни звучало, практически полное отсутствие России на рынке Мьянмы, особенно если сравнивать наши показатели с 4 млрд долл., которыми исчисляется товарооборот Нейпидо и Пекина.

Одной из мьянманских традиций позиционирования себя на международной арене являлся приоритет сохранения политической независимости как от региональных, так и от внерегиональных игроков. Именно в этом стремлении кроются причины самоизоляции Янгона в разгар холодной войны. Как известно, в Азии она вылилась в противоборство не просто между капиталистической и социалистической системами, но и между Москвой и Пекином.

Хотя мы не склонны разделять алармистские настроения о грядущей битве между Китаем и США в свете глобального поворота к Азии, однако в той или иной мере это столкновение интересов неизбежно. Пытаясь размышлять о его ходе, необходимо принимать во внимание солидные политические традиции по поддержанию динамического *эквилибриума*²⁴ интересов множества разновеликих игроков, которые взращивались в рамках АСЕАН, начиная с далеких 1960-х гг. Наличие внерегиональных крупных игроков, в том числе России, создает возможность для малых стран АСЕАН играть самостоятельную политическую роль. В этой связи присутствие России рассматривается в Нейпидо и в других столицах региона положительно, как увеличение числа крупных игроков, к которым можно апеллировать в политической игре. По объективным причинам, таким как географическое положение, статус мировой державы и пр., Россия может претендовать на роль третьей силы, чье присутствие в данном регионе теоретически позволяет его странам уклоняться от жесткого выбора в пользу одного из двух игроков — Китая или США²⁵.

Благожелательное расположение Мьянмы в отношении увеличения широкого понимаемого российского присутствия в регионе является естественным и даже предсказуемым. 2014-й г., год председательства Мьянмы в АСЕАН, может стать

прорывным годом для российской дипломатии и российского бизнеса на этом направлении, годом, когда Россия сможет реализовать на практике шаги по увеличению собственного присутствия в Азии, то, в отношении чего, даже несмотря на председательство России в АТЭС в 2012 г., было больше сказано, чем сделано²⁶. Получится это или нет, во многом будет зависеть от самой России.

В ПОИСКЕ НЕТРИВИАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ: ЧТО РОССИЯ И МЬЯНМА МОГУТ ПРЕДЛОЖИТЬ ДРУГУ?

В исследовании Deutsche Bank *Российские иностранные инвестиции: в поисках новой парадигмы*²⁷ указываются среди прочих три переменные, которые влияют на инвестиционный выбор российских бизнесменов: величина экономики, наличие природных ресурсов и доля сектора услуг в экономике. Так, рост ВВП экономики той или иной страны на 1% коррелирует с 0,4% ростом российских инвестиций, в случае же, когда доля экспорта ресурсов повышается на 1%, российские инвестиции в эту страну возрастают на 0,5%.

Данная модель свидетельствует о том, что Азия в ближайшем будущем станет одним из основных направлений российских инвестиций. Также, если верить данной модели, Мьянма должна быть особенно привлекательна для российских инвесторов, поскольку рост ее экономики на ближайшие годы прогнозируется в районе 7–8%, а ее ресурсное богатство, по большей части нетронутое (*untapped*), дало повод назвать ее последним фронтиром, причем не только в Азии, но и в мире.

Таким образом, в паре Мьянма–Россия существуют все необходимые условия и даже ряд преимуществ для того, чтобы осуществлять масштабное инвестиционное и торговое сотрудничество. Выжидательная позиция, занятая несколько лет назад нашим бизнесом в отношении *схватки за Мьянму*, в какой-то мере была оправдана — отсутствие элементарных банковских инструментов, финансовых и страховых институтов делали слишком рискованным ведение бизнеса в этой стране. История капитализма в новой России насчитывает всего лишь 20 лет, и российские компании не имеют таких *тылов*, как, скажем, компании из США или Западной Европы. Однако правительство Мьянмы делает многое для того, чтобы облегчить деятельность зарубежного бизнеса на своей территории, и эти усилия начинают приносить свои плоды. Экспертное сообщество сходится на том, что для российского бизнеса настало время занять более активную позицию с тем, чтобы не платить слишком высокую цену за *входной билет* (*entry cost*) по прошествии нескольких лет²⁸.

Также не стоит преувеличивать значение политических рисков для ведения бизнеса в Мьянме. В конце концов наши инвесторы, выросшие в политически волатильных условиях, должны иметь к этому сильный иммунитет. Риски являются системной составляющей развивающихся рынков, и они не столь уж велики в Мьянме, если сравнивать их с теми рисками, с которыми сталкиваются инвесторы, например, на Ближнем Востоке²⁹. Задача состоит в том, чтобы выявить, что мешает превращению благоприятных условий и имеющихся конкурентных преимуществ в конкретные российско-мьянманские проекты, а также в том, чтобы понять, в каких отраслях экономической жизни Мьянмы российский бизнес смог бы выступить с наибольшей эффективностью.

Одним из основных факторов, обуславливающих неблестящие показатели российско-мьянманского экономического сотрудничества, является отсутствие договорного и институционального оформления этих отношений. Так, Мьянма и Россия не подписали базовое Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, хотя, по нашим данным, в настоящее время полным ходом идет подготовка по созданию Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству³⁰. И хотя само по себе подписание Торгового соглашения — не панацея от всех бед,

оно могло бы придать дополнительный импульс активности госкомпаний и частного сектора. Создание же Межправительственной комиссии, в свою очередь, может стать предвестником заключения более предметных соглашений по конкретным отраслям производства.

Отсутствие торгового представительства России в Мьянме (оно функционировало в советские годы) является показателем *хлипкости* институционально-договорной инфраструктуры наших отношений. В последнем отчете Минэкономразвития говорится о том, что в последнее время более *активно ставится вопрос о необходимости* открытия торгпредств в ряде стран, включая Мьянму, из чего следует, что этот вопрос не был даже внесен в повестку дня³¹. Торгово-промышленная палата РФ также не планирует открытие своего отделения в Янгоне, поскольку для этого необходимо получить финансирование от конкретных бизнес-структур. Между тем влиятельнейшая бизнес-ассоциация США — Торговая палата — открыла свое представительство в бывшей столице в ноябре 2013 г.³²

Нельзя не остановиться на проблеме недостатка внимания со стороны российской экономической и политической дипломатии к Мьянме. Со стороны России *только в январе 2013 г.* с визитом в Нейпидо побывал глава МИД С. Лавров, за которым последовал визит министра обороны С. Шойгу в марте того же года. Обе эти встречи имели колоссальное политическое значение, однако нельзя не отметить *эффекта отставания*. Именно визиты первых лиц обычно сопровождаются взрывным объемом публикаций. Так, тезис о Мьянме как о *последнем фронтире* был широко растиражирован вокруг визита Б. Обамы в Мьянму. В российских ведущих изданиях также широко освещались визиты наших министров, в том числе и в ряде статей, посредством которых российские читатели впервые получили возможность познакомиться с этой *новой старой* страной. Принимая во внимание политическую важность активизации торгово-экономических отношений с Мьянмой, а также весьма ограниченные финансовые возможности самого Нейпидо российскому правительству стоит рассмотреть возможность предоставления этой стране связанных кредитов и официальной помощи в целях развития.

Нехватка паблсити не только в отношении потенциальных возможностей, но и в отношении того, что уже имеется и реализуется на уровне двухсторонних отношений, является одним из существенных факторов, препятствующих активизации экономического диалога между нашими странами. Так, например, периодически проводятся российско-мьянманские межмидовские и межпарламентские консультации, однако найти какую-либо информацию об итогах этих консультаций крайне затруднительно.

Вообще информационный голод в отношении всего, что касается Мьянмы, полное отсутствие правовой информации на русском языке (например, перевода нового закона об инвестициях) — существенная проблема. Даже официальная справка о российско-мьянманских отношениях на сайте МИД России датируется 13 сентября 2011 г. На сайтах соответствующих неправительственных структур — Делового совета России–АСЕАН, Общества дружбы и сотрудничества с Республикой Союз Мьянма, Торгово-промышленной палаты — приводится лишь базовая информация справочного характера. Уместно добавить, что только в предыдущем, 2012-м, году в Мьянму въехало более 1000 граждан России по бизнес-визам, но пока что мы не видим результатов такого *бизнес-туризма*³³. В свою очередь, отсутствие понимания собственных интересов и возможностей в этой стране обуславливает и отсутствие запроса со стороны российского бизнеса на ускорение политического диалога и устранение тех узких мест, которые имеются в отношениях между нашими странами. Таким образом, создается своеобразный замкнутый круг.

Конечно, хорошей новостью в этой части может быть назван тот факт, что структуры типа Делового совета и Общества дружбы существуют. Необходимо лишь придать их работе динамизм и содержательность, что чаще всего идет в связке с акти-

визацией политического общения. Имеющиеся организации надо использовать для выработки предметных инициатив, конкретных проектов, которые могли бы сфокусировать внимание бизнес-сообщества. Именно вокруг этих конкретных инициатив должен сформироваться *защитный пояс* из научных, публицистических статей — со всех сторон должен быть сделан определенный вклад в освещение российско-мьянманских отношений.

Справедливости ради стоит заметить, что и с мьянманской стороны, помимо общих уверений в том, что российские инвесторы получают самый теплый прием в Мьянме, не хватает эффективного информирования российского бизнеса об открывающихся возможностях, того, что называется *outreach*. У российских инвесторов пока что не сложилось какого-либо последовательного и цельного представления об этой стране как о возможном рынке инвестирования, а те шаги в сторону демократии, забота о правах человека, окружающей среде (как в случае с ГЭС на Иравади), которые оказываются эффективными в создании благоприятного имиджа у инвесторов из классических стран либеральной демократии, просто не будут оценены и восприняты российскими бизнесменами.

К общим недостаткам российской экономической дипломатии можно отнести (не только в применении к Мьянме) недоиспользование такого ресурса, как создание страновых альянсов или альянсов предприятий. В свете визита президента В. В. Путина во Вьетнам в ноябре 2013 г. активно обсуждалась возможность создания зоны свободной торговли между Россией и Вьетнамом³⁴. Аналогичного рода инициатива могла бы стать той самой *предметной* и достаточно масштабной задачей, вокруг которой диалогу между Москвой и Нейпидо мог бы быть сообщен принципиально иной стратегический уровень³⁵. При этом географическая удаленность и существенные различия в структуре экспорта наших стран делают зону свободной торговли (ЗСТ) максимально комфортной и выгодной для обеих сторон, поскольку ни одному правительству не нужно будет ломать голову по поводу того, как защитить своих производителей от наплыва товаров партнеров. Заметим, что в июне 2013 г. ЕС включил Мьянму во Всеобщую систему преференций ЕС³⁶.

Также необходимо активнее задействовать возможности создания альянсов предприятий, как с местными предпринимателями (что мы уже видели на примере деятельности *Башнефти* и *Нобель Ойл*), так и с *предприятиями* — *ветеранами* мьянманского рынка, например, с китайскими. Эта тактика позволит убить сразу несколько зайцев: с одной стороны, сократить количество потенциальных конкурентов, с другой стороны — снизить риски, с третьей — нивелировать возможную отрицательную реакцию Китая на продвижение России на те рынки, которые Пекин считает в той же степени *своими*, в коей Россия полагает, что она имеет *особые права* на республику бывшего СССР.

Наконец необходимо наметить те отрасли мьянманской экономики, в развитии которых российский бизнес мог бы поучаствовать, принимая во внимание его опыт инвестирования за рубежом в целом и в данном регионе в частности, определить потребности Мьянмы, а также возможности использования имеющегося человеческого потенциала.

С большой долей уверенности можно говорить о том, что в своем продвижении на рынок Мьянмы Россия пойдет по традиционной схеме привлечения крупных компаний, что на настоящем этапе вполне оправданно, поскольку Нейпидо нуждается в реализации капитальных, крупных проектов, в *длинных деньгах*, получение прибыли по которым возможно лишь со временем.

В первую очередь весьма вероятен выход на рынок Мьянмы российских углеводородных компаний, *Газпрома* и *Роснефти*, которыми движет, в том числе, необходимость обновления ресурсной базы.

Кроме того, в Мьянме существует огромный спрос на электроэнергетику, поскольку, по разным оценкам, только 30% населения страны имеет доступ к энергетической сети. Сбои с электроэнергией, не говоря уже о ее отсутствии в отдельных регионах, являются узким местом, которое препятствует развитию других отраслей, начиная с туризма и заканчивая металлургией. Суммарный объем электроэнергии, вырабатываемой в стране, — около 3500 МВт. Ирония судьбы состоит в том, что, по данным ООН, Мьянма является 13-й страной в мире³⁷ по обеспеченности водными ресурсами — роскошь, доступная немногим. При этом используется лишь 1% водных ресурсов, а имеющийся потенциал производства электроэнергии оценивается в 100 тыс. МВт³⁸.

Таким образом, в стране есть не только огромный спрос на электричество, но и столь же внушительный потенциал по ее производству. Российская корпорация *РусГидро* имеет успешный опыт работы по данному направлению в регионе, в частности во Вьетнаме, однако, как нам было сообщено в самой компании, в настоящее время возможность начала какого-либо проекта в Мьянме не рассматривается. Полученный нами ответ может быть объяснен проблемами с финансированием, наличие которых не должно умилять тех горизонтов российско-мьянманского сотрудничества, которые открываются в энергетической сфере. Стоит заметить, что в российских вузах было подготовлено 256 специалистов по данному направлению.

В этом же ключе мы рассматриваем широкие возможности для ГК *Росатом* по воплощению в жизнь положений Договора о сотрудничестве в области сооружения Центра ядерных исследований от 2007 г., заключенного корпорацией с Нейпидо и предусматривающего сооружение исследовательского реактора на легкой воде мощностью 10 МВт. В свое время реализация данного проекта была приостановлена ввиду дестабилизации ситуации в Мьянме вследствие *шафрановой революции*, а затем и финансовых затруднений, в том числе вызванных необходимостью ликвидации последствий урагана *Наргис*. На настоящий момент в связи с общим изменением политического климата, а также ввиду того, что 17 сентября 2013 г. Мьянма подписала дополнительный протокол к соглашению о гарантиях к ДНЯО³⁹, реализация этого соглашения будет более комфортна.

Помимо добывающей и энергетической отраслей, широкие возможности открываются для наших финансовых компаний и банков, прежде всего *ВТБ* и *Сбербанка*, с точки зрения развития финансовых операций и рынков кредитования в Мьянме. Есть все основания полагать, что, как это всегда бывает на открывающихся рынках, темпы кредитования в ближайшее время будут очень высокими.

Также стоит рассмотреть возможность выхода на рынок Мьянмы наших телекоммуникационных компаний. В настоящее время доступ к мобильной связи имеет лишь 9% населения страны. Таким образом, в самое ближайшее время это сектор услуг ждет небывалый бум. Что касается развития сотовой связи, то российским операторам необходимо действовать оперативно, поскольку желание поработать на мьянманском рынке высказали крупнейшие компании Европы, не говоря уже о том, что Индия и Китай уже работают здесь, и малейшее промедление в этом секторе будет равносильно неудаче. Заметим, что российская компания *ОАО Вымпел-Коммуникации (VimpelCom Ltd)* ведет бизнес в соседних странах — в Камбодже, Лаосе, Бангладеш, что является немаловажным фактором. Однако компаниям следует идти рука об руку с дипломатами, с тем чтобы предотвратить повторение того, с чем, например, *МТС* столкнулась в Индии⁴⁰.

Отдельно стоит остановиться на потенциале развития Интернета в Мьянме, доступ к которому, по разным оценкам, в настоящее время имеет от 1 до 3% населения, а общая протяженность волоконно-оптической линии связи (ВОЛС) достигает лишь 14 тыс. километров. По оценкам аналитиков *McKinsey*, за последние 5 лет развитие Интернета в группе развивающихся стран дало 12% прироста сово-

купного ВВП⁴¹. Мультипликативную роль IT-сектора для экономики понимают и в Нейпидо. Именно поэтому власти ставят весьма амбициозную цель — довести количество Интернет-пользователей в 2015–2016 гг. до 50%, а количество пользователей сотовой связи до 75–80%⁴². Согласно исследованию компании *Deloitte*, для достижения этой цели в Мьянме надо будет построить тысячи километров ВОЛС наряду с 15 тысячами телефонных вышек⁴³.

Успехи России на IT-направлении позволяют нам не только участвовать в непосредственном создании инфраструктуры в Мьянме, но и открывают обширные горизонты для оказания консультативных услуг. При этом, как показывают исследования, необходимо решать и вполне конкретные технические задачи, как например, оптимизация радиочастот для обеспечения устойчивой работы спутников, особенно в период муссонных дождей, и у России с ее разнообразием ландшафта и протяженностью территории есть весьма богатый опыт в решении этих проблем. Более того, российский бизнес уже предоставляет такого рода услуги на азиатском рынке. В этой связи, помимо вышеупомянутого *Вымпелкома*, можно привести пример *GS Group*, владеющей 75% акций российского оператора спутникового телевидения *Триколор-ТВ*, которая успешно действует на рынке Камбоджи и Пакистана. Самым большим препятствием для развития телекоммуникационного сектора являлось устаревшее законодательство Мьянмы, которое не позволяет негосударственным, а тем более зарубежным предприятиям владеть соответствующей инфраструктурой. Несмотря на то что в прессе были сообщения о том, что новое телекоммуникационное законодательство будет принято в 2013 г., на момент написания статьи этого не случилось.

Кроме того, правительство Мьянмы приглашает инвесторов для строительства дорожно-транспортной инфраструктуры. С ее сложным рельефом, сочетающим и горы, и равнины, Мьянма нуждается не просто в строительстве дорог как таковых, с мостами, перевалочными развязками, подъездными путями, но и в строительстве тоннелей, в чем наши компании имеют достаточно богатый опыт, особенно по завершении масштабного строительства в Сочи.

Наконец не в последнюю очередь отсутствие понимания интересов России в Мьянме может быть объяснено физическим отсутствием русских в данной стране. Несмотря на то что в прошлом году, как мы уже говорили выше, в страну въехало более 1000 российских граждан по туристическим визам, российский турист в Мьянме скорее диковинка. Между тем ресурс *Lonely Planet* назвал Мьянму одним из 16 лучших направлений для экстремального туризма (adventure travel)⁴⁴, а в 2013 г. ее посетило более 2 млн иностранных туристов⁴⁵, и в этой возможности простого человеческого контакта, получения *живого знания* кроется немалый потенциал для активизации экономического сотрудничества и бизнес-диалога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, *самооткрытие* Мьянмы представляет целый набор возможностей для российской политики и бизнеса. На политическом треке Россия может реализовать

Проект ПИР-Центра

«Перспективы сотрудничества России и государств АСЕАН в стратегических областях»

- Анализ возможностей сотрудничества России и государств АСЕАН в области ВТС, космических технологий, кибербезопасности и в атомной сфере
- Проведение мероприятий в России и государствах АСЕАН с участием региональных экспертов по ключевым вопросам международной безопасности и двустороннего сотрудничества с Россией

asean.pircenter.org

потенциал позитивного опыта сотрудничества и обрести в лице Мьянмы стратегического партнера в ЮВА, что особенно актуально в свете обозначенного поворота России на Восток.

Такие же уникальные возможности открываются и для российского бизнеса, который имеет ряд преимуществ перед своими соперниками в конкуренции за мьянманский рынок. Однако ему необходимо понять, что Мьянма не является *типичной* страной Третьего мира, которая будет согласна на любые условия, дабы привлечь иностранных инвесторов. Ведь в конце концов это не такая уж и неоткрытая страна, как ее принято изображать в западной и, отчасти, в российской прессе. Мьянманская сторона ожидает серьезных предложений, направленных на долгосрочное сотрудничество, а не на скорейшее извлечение прибыли. Именно поэтому ехать в Нейпидо нужно с конкретными разработанными предложениями, обладая при этом недюжинным терпением для ведения переговоров. 🗺️

Примечания

¹ Автор благодарит за помощь в предоставлении информации сотрудников Департамента международного сотрудничества Министерства образования и науки РФ.

² The World Factbook, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bm.html> (последнее посещение — 8 апреля 2014 г.). Страна стала называться Мьянмой в 1989 г., что более созвучно бирманской фонетике и традиции. Тогда же изменениям подверглись и другие географические названия.

³ Cronin Patrick M. A New Dawn In Myanmar: Possibilities and Prospects. 26th Asia-Pacific Roundtable. 2012, May 30, http://www.isis.org.my/files/2012/26APR/PS10_Patrick_M_Cronin.pdf (последнее посещение — 8 апреля 2014 г.).

⁴ Njau Barbara. Asia Pacific — Playing Catch-Up. Foreign Direct Investment Aug/Sep 2013, ProQuest LLC, <http://search.proquest.com/docview/1428115017?accountid=15172> (последнее посещение — 25 октября 2013 г.).

⁵ Brereton-Fukui Natasha. Myanmar Still Lags in Foreign Investment. The Wall Street Journal. 2013, June 2, <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424127887324063304578520633473332690> (последнее посещение — 8 апреля 2014 г.).

⁶ Collins Antony. Structural Obstacles Remain with Myanmar's Emergence. Project Finance. May 2013, ProQuest LLC, <http://search.proquest.com/docview/1375639720?accountid=15172> (последнее посещение — 25 июня 2014 г.).

⁷ Aung Hla Tun and Jared Ferrie. Foreign Investment in Myanmar Surges, Office Rents Sizzle. Reuters. 2013, September 20, <http://www.reuters.com/article/2013/09/20/myanmar-investment-idUSL3N0HG0L420130920> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

⁸ Интервью с главным экономистом *Deutsche Bank* в Москве Ярославом Лисоволиком. Москва, 24 ноября 2013 г.

⁹ Heijmans Philip. Myanmar among hardest places to do business: World Bank. *Myanmar Times*. 2013, October 29, <http://www.mmTimes.com/index.php/business/8637-myanmar-among-hardest-places-to-do-business-world-bank.html> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁰ Петрова Юлия. В Мьянме в рекордно короткий срок подорожали офисы и квартиры. *Ведомости*. 2013, 24 октября, <http://www.vedomosti.ru/realty/news/17915231/v-myanme-v-rekordno-korotkij-srok-podorozhali-ofisy-i-kvartiry> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹¹ Зубова Елена. Сто лет одиночества: как заработать на инвестиционной лихорадке в Мьянме. *Forbes*. 2013, 26 августа, <http://www.forbes.ru/finansy/investitsii/243895-sto-let-odinochestva-kak-zarabotat-na-investitsionnoi-likhoradke-v-myanme> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹² Там же.

¹³ Corruption Perception Index 2012. Transparency International, <http://cpi.transparency.org/cpi2012/results>, (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁴ Myanmar faces big setbacks to implement stock exchange say deputy minister. Eleven Myanmar. 2013, October 27, <http://elevenmyanmar.com/business/3871-myanmar-faces-big-setbacks-to-implement-stock-exchange-say-deputy-minister> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁵ Aung Hla Tun and Jared Ferrie. Myanmar to Allow Foreign Banks to Begin Some Operations Next Year. *Reuters*. 2013, December 5, <http://www.reuters.com/article/2013/12/05/us-myanmar-banking-idUSBRE9B408B20131205> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁶ Vallikappen Sanat. Sacks of Cash in Myanmar Hard to Rout for MasterCard, Visa. *Bloomberg*. 2013, October 21, <http://www.bloomberg.com/news/2013-10-20/sacks-of-cash-in-myanmar-hard-to-displace-for-mastercard-visa.html> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁷ *Зарубежнефть* покидает Тунис и Мьянму. *Коммерсант*. 2011, 25 сентября, <http://www.kommersant.ru/doc/1685229> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁸ Башнефть стала победителем лицензионного раунда по Блоку EP-4 в Мьянме. Официальный сайт *ОАО АНК Башнефть*. 2013, 11 октября, <http://www.bashneft.ru/press/releases/6480/> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

¹⁹ Торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации с Мьянмой. Министерство экономического развития России. 2011, 10 сентября, http://www.economy.gov.ru/wps/portal?urlile=wcm: path:/economylib4/mer/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/doc091225_1633 (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

²⁰ См. подробнее: Ключанская Светлана. Перспективы сотрудничества России и стран АСЕАН в стратегических областях. *Индекс Безопасности*. 2011, Т. 17, № 2 (97). С. 61–62.

²¹ Интервью с почетным консулом Республики Союз Мьянма в Нидерландах Х. Стивенсом, 9 января 2014 г. Бреда, Нидерланды.

²² Интервью с главным экономистом *Deutsche Bank* в Москве Ярославом Лисоволиком. Москва, 24 ноября 2013 г.

²³ Шестаков Евгений. Лавров вернулся в XIV век. Глава МИД стал первым министром иностранных дел России, посетившим Мьянму с XIV века. *Российская газета*. 2013, 18 января, <http://www.rg.ru/2013/01/17/myanma-site.html> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

²⁴ Flores Jamil Maidan. El Indio: Myanmar's Moment. *The Jakarta Globe*. 2013, October 21, <http://www.thejakartaglobe.com/opinion/el-indio-myanmars-moment/> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

²⁵ Интервью с директором Центра АСЕАН МГИМО (У) В. В. Сумским. Москва, 11 октября 2013 г.

²⁶ Magalif Katherine. From Vladivostok to Bali: What Went Wrong? *Russia Direct*. 2013, October 9, <http://russia-direct.org/content/vladivostok-bali-what-went-wrong> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

²⁷ Deutsche Bank Markets Research. Russia's Outward FDI: in Search of New Paradigm. 2013, April 5.

²⁸ Интервью с сотрудником МИД РФ, 30 ноября 2013 г.; интервью с главным экономистом *Deutsche Bank* в Москве Ярославом Лисоволиком. Москва, 24 ноября 2013 г.; интервью с вице-президентом Общества дружбы и сотрудничества с Республикой Союз Мьянма Д. А. Москва, 28 ноября 2013 г.

²⁹ Интервью с главным экономистом *Deutsche Bank* в Москве Ярославом Лисоволиком. Москва, 24 ноября 2013 г.

³⁰ Интервью с сотрудником МИД РФ. Москва, 30 ноября 2013 г.

³¹ Итоги реализации первого года приоритетного проекта Минэкономразвития России Формирование нового облика торговых представительств Российской Федерации в иностранных государствах. 5 ноября 2013 г., <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search?presentationtemplate=searchFormTemplateByDate&presentationtemplateid=685fec8042f76c149a92ba1a66ff853f> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

³² Khine Kyaw. AMCHAM launches Myanmar chapter. *The Nation*. 2013, November 4, <http://www.nationmultimedia.com/business/AMCHAM-launches-Myanmar-chapter-30218620.html> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).

- ³³ Интервью с сотрудником МИД РФ. Москва, 30 ноября 2013 г.
- ³⁴ Домчева Елена. Таможенный союз и Вьетнам обсуждают создание ЗСТ. *Российская Газета*, 2013, 11 ноября, <http://www.rg.ru/2013/11/11/putin-vyetnam-site.html> (последнее посещение — 16 июня 2014 г.).
- ³⁵ Интервью с главным экономистом *Deutsche Bank* в Москве Ярославом Лисоволиком. Москва, 24 ноября 2013 г.
- ³⁶ Интервью с сотрудником МИД РФ. Москва, 30 ноября 2013 г.
- ³⁷ The World Factbook. Total Renewable Water Resources, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2201.html> (последнее посещение — 16 декабря 2013 г.).
- ³⁸ Капица Лариса. Учебные материалы для студентов. Курс *Глобальная экономика и мирохозяйственные связи*. МГИМО (У) МИД РФ, <http://www.mgimo.ru/files/126990/econom-africa.pdf> (последнее посещение — 16 декабря 2013 г.).
- ³⁹ Мьянма подписала доппротокол. *Атоминфо*. 2013, 21 сентября, <http://www.atominfo.ru/newsf/m0442.htm> (последнее посещение — 19 декабря 2013 г.).
- ⁴⁰ Речь идет об отзыве Верховным судом Индии в феврале 2012 г. лицензии у российского оператора МТС, работавшего на местном рынке под брендом *MTS*, обернувшимся значительными репутационными и финансовыми потерями для компании.
- ⁴¹ Online and Upcoming: The Internet's Impact on Aspiring Countries. High Tech Practice. McKinsey&Company, January 2012, http://www.mckinsey.com/client_service/high_tech/latest_thinking/impact_of_the_internet_on_aspiring_countries (последнее посещение — 26 января 2014 г.).
- ⁴² Infrastructure in Myanmar. KPMG International, May 2013, <https://www.kpmg.com/MM/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/Infrastructure-in-Myanmar.pdf> (последнее посещение — 26 января 2014 г.).
- ⁴³ Myanmar: The Next Asian Telecommunication Greenfield?, Deloitte Southeast Asia, 2013, <http://www.deloitte.com/assets/DcomSingapore/Local%20Assets/Documents/Industries/2013/Technology,%20Media%20&%20Telecommunications/TMT%20Myanmar.pdf> (последнее посещение — 27 января 2014 г.).
- ⁴⁴ Best adventure travel for 2014. *Lonely planet*. 2013, October 28, <http://www.lonelyplanet.com/travel-tips-and-articles/best-adventure-travel-for-2014> (последнее посещение — 27 января 2014 г.).
- ⁴⁵ Amid Burma Tourism Boom, Calls for Govt to Aid Development. *The Irrawaddy*. 2014, January 6, <http://www.irrawaddy.org/burma/amid-burma-tourism-boom-calls-govt-aid-development.html> (последнее посещение — 27 января 2014 г.).

Александр Колбин

НЕСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ: ИГРА ЗА СТАТУС ИЛИ ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ? ¹

Проблематика контроля над нестратегическим ядерным оружием (НСЯО) в Европе вот уже два десятилетия обсуждается на экспертном уровне. Несмотря на то что в 1991–1992 гг. в рамках взаимных односторонних инициатив президентов СССР и США уже были сделаны значительные шаги на пути к сокращению данного вида ядерных вооружений, достигнутые договоренности по сокращению стратегических наступательных вооружений в рамках договоров СНВ-1 1991 г. и СНВ-3 2010 г., одно время вселяли в государства Запада надежду на то, что им удастся убедить российское руководство в необходимости заключения аналогичных юридически обязывающих соглашений и в отношении НСЯО. И все чаще *объективная неготовность* России к сокращению своего арсенала НСЯО преподносится Западом как ее нежелание способствовать укреплению атмосферы доверия в евроатлантическом регионе, где «значительные арсеналы» НСЯО России изображаются рядом западных экспертов в качестве одного из дестабилизирующих факторов. Попробуем разобраться, так ли это.

ПОЗИЦИИ РОССИИ И НАТО ПО НСЯО

В преддверии саммита НАТО, прошедшего в мае 2012 г. в Чикаго, в экспертном сообществе выражалась надежда на то, что саммит станет важным событием с точки зрения определения дальнейшей судьбы арсеналов НСЯО в Европе, которое часто считается последним наследием холодной войны на континенте и одной из основных проблем европейской безопасности сегодня.

Однако, как известно, участники чикагского саммита в вопросе определения будущего НСЯО в Европе предпочли сохранить *status quo*. В первом в истории Альянса Обзоре политики обороны и сдерживания, который был принят по итогам саммита, было заключено, что ядерная политика Альянса в настоящее время «отвечает критериям эффективной политики сдерживания и обороны»². Хотя НАТО в этом документе вновь не исключило потенциальной возможности в будущем снизить свою опору на НСЯО в Европе, на данном этапе действия Альянса продолжают ограничиваться изучением того, как будет работать принцип разделения ядерной ответственности в случае снижения опоры НАТО на НСЯО.

В то же время Североатлантический альянс в Чикаго в очередной раз подчеркнул свою готовность «продолжить обмен идеями в области мер транспарентности и доверия с Россией в рамках Совета Россия–НАТО с целью выработки детальных предложений и повышения взаимного понимания стратегий НАТО и России в области нестратегических ядерных вооружений в Европе». Также было заявлено, что «НАТО готово рассмотреть возможность снижения опоры Альянса на нестратегическое ядерное оружие в контексте ответных шагов России, принимая во внима-

А
Н
А
Л
И
З

Проект ПИР-Центра

«Пути ядерного разоружения»

- Ядерная девятка
- Беспилотные летательные аппараты
- Нестратегическое ядерное оружие
- Контроль над обычными вооружениями в Европе
- Транспарентность ядерных арсеналов и доктрин
- Проблема противоракетной обороны

www.pircenter.org/projects

ние большой по размерам арсенал нестратегических ядерных вооружений России, расположенный в зоне Евроатлантики»³.

Очередной Доклад по стратегии применения ядерного оружия США, опубликованный 12 июня 2013 г., лишь подтвердил, что на европейском континенте реализация доктрины передового развертывания ядерного оружия США будет продолжена в соответствии с упомянутым выше Обзором политики обороны и сдерживания до тех пор, «пока НАТО не сочтет, что созрели необходимые условия для изменения ядерной доктрины Альянса»⁴.

Россия, в свою очередь, настаивает на увязке проблемы НСЯО с прогрессом по широкому кругу вопросов, включая проблематику противоракетной обороны (ПРО), предотвращения размещения оружия в космосе, дисбаланса в обычных вооружениях в Европе, и по-прежнему требует полного вывода американского НСЯО из Европы в качестве предварительного условия для начала любых переговоров, что еще более усложняет вопрос. Ввиду чикагского решения НАТО о сохранении *status quo* и *сверхтребовательной позиции* России можно заключить, что любые возможные переговоры или консультации по контролю над НСЯО на данный момент находятся в тупике. Эта ситуация напоминает отношения периода холодной войны и представляется глубоко укорененной в соображениях в сфере безопасности обеих сторон.

Уже более 20 лет прошло с момента принятия последней меры в области сокращения арсеналов НСЯО в Европе: параллельных односторонних Президентских ядерных инициатив, озвученных в 1991 г. президентом США Джорджем Бушем-старшим и президентом СССР М. С. Горбачевым (и впоследствии подтвержденных президентом России Б. Н. Ельциным). Сегодня режим Президентских ядерных инициатив часто изображается слабым и неэффективным, и со стороны Запада регулярно звучат призывы к проведению переговоров по разработке нового, юридически обязывающего соглашения в целях повышения транспарентности, проведения дальнейших сокращений или даже полного уничтожения арсеналов НСЯО в Европе. В сегодняшних условиях такие призывы звучат, по меньшей мере, наивно и на самом деле имеют мало общего с реальными интересами потенциальных участников таких переговоров.

Между тем до сих пор не выработано общепринятого определения НСЯО, хотя существуют по крайней мере два основных подхода к этому вопросу. Один из них относит к НСЯО все виды ядерных вооружений, которые не упомянуты в Договоре СНВ-1 1991 г. и Договоре о ликвидации РСМД 1987 г. Вместе с тем данный подход учитывает только средства доставки (которые в случае НСЯО часто имеют двойное назначение и различную дальность) без учета неразвернутых боезарядов. Второй подход предполагает, что оружие является нестратегическим (или тактическим) по характеру своего назначения (выполняемой миссии), а не по своим техническим характеристикам. Реализация второго подхода, однако, требует гораздо более высокого уровня транспарентности ядерных доктрин, чем тот, на который в настоящее время готова пойти любая ядерная держава (за исключением, разве что, США) в отношении ролей, отведенных различным видам ядерных вооружений. Последний подход также требует, чтобы ядерные государства проводили четкое различие между стратегическими и нестратегическими ядерными вооружениями на доктринальном уровне.

Общим для этих двух подходов является то, что сегодня они могут быть применимы только к ядерным арсеналам и доктринам Российской Федерации и Соединенных Штатов, поскольку, во-первых, вышеупомянутые соглашения были сугубо двусторонними, во-вторых, Россия и США являются единственными государствами, сохраняющими арсеналы НСЯО в качестве элемента усиления своих обычных вооружений, и в-третьих, потому что только Россия и США используют понятие «нестратегическое (или тактическое) ядерное оружие» в своем официальном военно-политическом дискурсе (в то время как другие государства, по факту обладающие НСЯО, на деле приписывают ему стратегический характер).

На сегодняшний день Россия считается обладателем большего, чем у США, арсенала НСЯО, в то время как Соединенные Штаты являются единственной ядерной державой, размещающей НСЯО за пределами своей национальной территории. В то время как ни Россия, ни США ни разу на официальном уровне не озвучивали точных данных о количестве имеющихся у них запасов НСЯО, в настоящее время большинство экспертов сходится в оценках их арсеналов НСЯО. По этим оценкам, Россия располагает порядка 3000 нестратегических ядерных боезарядов, из них около 2000 являются боеготовыми и большая их часть расположена на европейской части страны⁵. Арсенал НСЯО США в настоящее время состоит из почти 760 боезарядов, из них около 200 размещены в Европе на территории пяти стран — членов НАТО⁶.

Российское и американское обоснование необходимости обладания НСЯО различно. США/НАТО рассматривают его ценность в основном в политическом контексте: в контексте обеспечения трансатлантической связки в вопросах безопасности и материального наполнения ядерного потенциала НАТО. Россия рассматривает НСЯО в основном с военной точки зрения: в качестве компенсации превосходства своих соседей в обычных вооружениях, средства усиления сил общего назначения и средства контроля возможной эскалации вооруженного конфликта. Более того, Россия считает свое НСЯО средством сдерживания третьих стран, обладающих ядерным потенциалом и средствами доставки ядерного оружия, способными достигать территории Российской Федерации. В современных условиях НСЯО России является практически единственным гарантированным средством обеспечения независимости и территориальной целостности государства в случае серьезного регионального конфликта⁷. В этом отношении роли, которые играет НСЯО в военном планировании США и России, просто несопоставимы по своему значению.

Именно в этом контексте в последние годы США/НАТО стремились убедить Россию повысить транспарентность российского арсенала НСЯО в европейской части страны и переместить это оружие подальше от территории государств — членов НАТО, а Россия, в свою очередь, настаивала на полном выводе американского НСЯО из Европы. Вместе с тем следует учитывать, что предложение о передислокации практически нереализуемо в силу своей затратности и оперативной нецелесообразности (в данном случае оперативные возможности Вооруженных сил РФ, особенно Северного флота, будут в значительной мере снижены)⁸. Кроме того, учитывая более высокую по сравнению со стратегическими ядерными вооружениями мобильность боезарядов и средств доставки НСЯО, верификация предполагаемых ограничений на географическое размещение НСЯО на европейской территории России была бы крайне сложной задачей⁹. В то же время сами США в настоящее время, очевидно, не готовы пойти на вывод своих арсеналов НСЯО из Европы по политическим мотивам, и украинский кризис дал хороший повод сторонникам американского НСЯО в Европе в очередной раз отодвинуть аргументы его противников: вот она, политическая *спайка*.

Этот замкнутый круг не обещает перспектив для начала переговоров по проблематике НСЯО.

Среди трех требований: вывод на национальную территорию, перемещение с европейской территории, транспарентность, — пожалуй, только последнее потенциаль-

но выполнимо в обозримом будущем. В то время как возможные решения по выводу или перемещению относятся к военной сфере, где соответствующие договоренности вряд ли достижимы на нынешнем этапе, транспарентность является производной эффективных мер доверия, а значит, вопросом политической воли. Следовательно, возможность достижения политического соглашения по вопросу транспарентности в области НСЯО между США/НАТО и Россией все же существует.

Рано или поздно российскому руководству придется вступить в диалог со своими западными коллегами по проблематике контроля над НСЯО. Хотя вероятность того, что это произойдет скорее рано, чем поздно, очень мала. То есть мы говорим о том, что будет *скорее поздно, чем рано*.

Если российскому и американскому руководству в долгосрочной перспективе удастся найти компромиссное решение проблемы ПРО, следующим шагом в развитии двусторонней повестки контроля над вооружениями будет начало консультаций по НСЯО. В этой связи необходимо уже сегодня думать о тех первых шагах в области контроля над НСЯО, на которые могла бы пойти Россия без ущерба для своей национальной безопасности. В среднесрочной перспективе речь, конечно, может идти только о мерах доверия и транспарентности в области НСЯО, причем целью таких мер должно стать не столько дальнейшее сокращение арсеналов НСЯО России и США, сколько укрепление атмосферы доверия в военно-политической сфере между Россией и НАТО.

РОЛЬ НСЯО РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПОТЕНЦИАЛ ДЕЭСКАЛАЦИИ

Хотя НСЯО — единственная категория вооружений, где Россия имеет численное превосходство над США/НАТО, это также наименее прозрачная область российской оборонной стратегии. В доктринальных документах России в области национальной безопасности и обороны (по крайней мере в их общедоступных версиях) даже нет термина, который бы давал определение этому виду ядерных вооружений. Соответственно, довольно трудно понять, какую роль играет НСЯО в российском военном планировании.

Заявление премьер-министра России Д. А. Медведева, сделанное им на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге 17 мая 2012 г., побуждает еще раз задуматься о той роли, которую российское военно-политическое руководство отводит НСЯО в обеспечении национальной безопасности. Рассуждая на форуме о проблеме государственного суверенитета, Д. А. Медведев заявил буквально следующее: «Примеров посягательств на доктрину суверенитета в последние годы было немало, чего стоят военные операции против иностранных государств в обход ООН, заявления о том, что тот или иной режим потерял легитимность, причем с точки зрения иностранных государств, а не со стороны народа соответствующей страны. А последствия скоропалительных военных операций в иностранных государствах обычно заканчиваются приходом к власти радикалов. В какой-нибудь момент такие действия, которые подрывают государственный суверенитет, могут закончиться вполне себе такой полноценной региональной войной и даже, никого не хочу пугать, применением ядерного оружия»¹⁰ (выделено мной. — А. К.).

Представляется, что подобные заявления служат напоминанием о так называемой концепции ядерной деэскалации, которая с конца 1990-х гг., вероятно, служит основой планирования в отношении возможностей применения российского НСЯО и доказательством того, что сегодня Россия стремится укрепить свою военную и политическую безопасность любыми имеющимися у нее в распоряжении средствами.

Вероятно также, что концепция ядерной деэскалации, никогда не упоминавшаяся на официальном уровне, косвенно отражена в российской военной доктрине 2000 г. и подтверждена в военной доктрине 2010 г. Коротко говоря, данная концепция пред-

полагает использование НСЯО «в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»¹¹ (или, говоря словами Д. А. Медведева, когда осуществляются действия, подрывающие государственный суверенитет), чтобы убедить врага прекратить агрессию и согласиться на российские условия прекращения огня до того, как Россия примет решение о применении стратегических ядерных сил (СЯС).

В наиболее полной форме концепция ядерной деэскалации была описана в серии статей, опубликованных в конце 1990-х гг. — начале 2000-х гг. четырьмя российскими военными теоретиками — М. Е. Сосновским, В. А. Сиволобом, В. И. Левшиным и А. В. Неделиным¹². Анализируя в своих работах роль и место НСЯО в российской стратегии сдерживания, они исходили из того, что российские СЯС являются неэффективными для предотвращения агрессии против России на региональном уровне. Вместе с тем именно возможность агрессии на региональном уровне является *ахиллесовой пятой* национальной безопасности России в условиях определенного технологического отставания России от ведущих держав в развитии неядерных вооружений, о котором сегодня российское военно-политическое руководство говорит открыто¹³. Указанные авторы предложили сделать возможность реального применения НСЯО частью российского военного планирования, что позволило бы компенсировать дисбаланс в области обычных вооружений между Россией и ее потенциальными противниками.

Были выделены три уровня возможного применения НСЯО. Первый уровень, *демонстрации*, предполагал предупреждение противника о готовности полномасштабного применения ядерного оружия путем нанесения одиночных ядерных ударов с *нелетальными* последствиями. На втором уровне, *устрашения*, НСЯО могло применяться для сдерживания противника от эскалации конфликта (т. е. для деэскалации) путем нанесения «ограниченных по масштабу» ядерных ударов на отдельных направлениях. Третий уровень, *возмездия*, предполагал полномасштабное применение НСЯО для уничтожения основных военных целей противника и нанесения ему неприемлемого ущерба. Данная группа военных специалистов также утверждала, что российские ядерные силы должны иметь две основных роли. Первая — это традиционное ядерное сдерживание на глобальном уровне (в котором СЯС играют основную роль). Вторая — это ограниченное применение НСЯО первыми, для того чтобы обеспечить нанесение заданного ущерба и эффективно ответить на полномасштабную агрессию с использованием обычных вооруженных сил на региональном уровне (здесь основную роль играет НСЯО). Такое разделение показывает, что указанные авторы были склонны давать определение НСЯО на основе той миссии, которую этот вид вооружений выполняет в российском оборонном планировании.

Сегодня практически очевидно, что взгляды этих авторов в значительной степени соответствуют официальным взглядам на роль и место НСЯО в военном планировании, если не определяют их. Важно отметить, что вышеупомянутое заявление Д. А. Медведева было сделано практически в той же международной обстановке, что и статьи М. Е. Сосновского и его коллег, и две последние военные доктрины России, опубликованные в контексте нескольких региональных конфликтов, связанных США и их союзниками в Югославии в 1999 г., Афганистане в 2001 г., Ираке в 2003 г., подобно агрессии НАТО в отношении Югославии в конце прошлого века, последствия так называемой *арабской весны* в Ливии, государственного переворота на Украине служат предметом серьезной озабоченности военно-политического руководства России. Кроме того, вероятно, концепция ядерной деэскалации будет отражена и в следующей военной доктрине, возможно, даже в более прямой форме.

В то время как применение ядерного оружия в ответ на агрессию с использованием только обычных вооружений (не важно, какого масштаба), вероятнее всего, только изолировало бы Россию от остального международного сообщества и ограничило

число потенциальных союзников в конфликте, важно понимать, что протяженность российских границ, относительная слабость ее обычных вооруженных сил и низкий уровень доверия в военной сфере между Россией и ее основными партнерами обуславливают широкий спектр чувствительных сфер и озабоченностей России в сфере региональной и глобальной безопасности.

На фоне неясности с тем, когда именно Россия обретет потенциал обычных вооружений, достаточный для уменьшения ее опоры на ядерное оружие, основные источники угроз безопасности России также остаются весьма размытыми. Тем не менее российские эксперты, а также российские официальные лица (хотя и косвенно) обычно упоминают о четырех возможных ситуациях, в которых концепция ядерной деэскалации могла бы быть реализована на практике:

- повышение боевого потенциала Военно-морского флота (ВМФ) в возможном столкновении с ВМФ западных стран;
- региональная война с Китаем на Дальнем Востоке;
- региональная война на южных границах с вовлечением территории, как минимум, одного из государств бывшего СССР;
- региональная война с НАТО на Западе.

Вывод о том, что НСЯО имеет особое значение для ВМФ России давно стал общим местом среди оборонных экспертов¹⁴. Согласно этой логике, «принимая во внимание значительное сокращение численности корабельного состава ВМФ РФ по сравнению с началом 1990-х гг., а также опыт всех последних военных конфликтов, в ходе которых основные удары по территории противника наносились крылатыми ракетами с надводных кораблей и подводных лодок, а также высокоточными бомбами морской авиации, опора ВМФ на НСЯО вполне оправданна»¹⁵.

Официальные представители ВМФ России также не раз отмечали, что российский флот не сможет эффективно противостоять флоту США в случае развязывания конфликта России с США без опоры на НСЯО¹⁶. Подобное утверждение в будущем может стать справедливым и в отношении возможного российско-китайского конфликта¹⁷. Весьма показательным в этой связи служит заявление, сделанное в 2009 г. первым заместителем начальника Главного штаба Военно-морского флота России О. В. Бурцевым: «Возможно, будущее именно за тактическим ядерным оружием. В последнее время постоянно повышается его дальность, повышается точность. Нет больше необходимости нести мощную боевую часть — можно перейти к маломощным ядерным блокам, которые можно установить на существующие образцы крылатых ракет»¹⁸.

Что касается второй возможной ситуации, в которой вероятно применение НСЯО Россией, то с конца холодной войны открытые версии российских доктринальных документов по вопросам национальной безопасности и обороны прямо не упоминают Китай среди угроз безопасности России. Вместе с тем многие аналитики утверждают, что «с учетом диспаритета уровней заселенности территорий вдоль российско-китайской границы, модернизации вооруженных сил КНР и наличия у Китая СЯС, для России есть смысл опираться на НСЯО, чтобы сдерживать возможную агрессию КНР с использованием обычных вооружений»¹⁹.

Российские официальные лица, хотя и косвенно, также не раз приписывали российскому НСЯО сдерживающую роль в отношении Китая, говоря о неких «ядерных державах на границах России»²⁰. Однако существуют аргументы против такой логики. В то время как нынешняя ситуация на китайско-российской границе во многом сходна со *status quo*, существовавшим между НАТО и ОВД в годы холодной войны (когда СССР имел преимущество над НАТО в области обычных вооружений, а НАТО опиралось на свое НСЯО для сдерживания советских обычных вооруженных сил), Майлз Помпер, Уильям Поттер и Николай Соков из Монтерейского института меж-

дународных исследований в 2009 г. в одной из своих совместных работ показали, что современная Россия не может опираться на НСЯО для сдерживания Китая, поскольку на китайской стороне российско-китайской границы слишком мало военных целей, по которым в случае конфликта можно было бы наносить удары с применением НСЯО²¹.

В то время как представляется исключенной возможность применения Россией НСЯО против государств бывшего СССР, вероятным может быть применение НСЯО против объектов военной инфраструктуры, размещенных на их территории, если зарубежное государство попытается использовать эти объекты в региональной войне, которая будет представлять серьезную опасность безопасности России.

К примеру, в то время как военная доктрина России 2010 г. рассматривает «вооруженное нападение на государство — члена организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) как агрессию против всех государств — членов ОДКБ» и содержит тезис о готовности России «применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»²², Военная доктрина 2000 г. делала этот тезис более ясным, разъяснив, что Россия будет готова применить ядерное оружие «в случае нападения на Российскую Федерацию, Вооруженные силы Российской Федерации или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемого или поддерживаемого государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических отношений перед государством, обладающим ядерным оружием».²³ Кроме того, в брошюре «Актуальные задачи развития Вооруженных сил России»²⁴, подготовленной Министерством обороны России в 2003 г., «возможность проведения силовой акции с использованием инфраструктуры, расположенной на территории ряда стран бывшего СССР», упомянута среди других угроз безопасности России на карте под названием «Особенности внешнеполитической обстановки в зонах интереса России» (рис. 1).

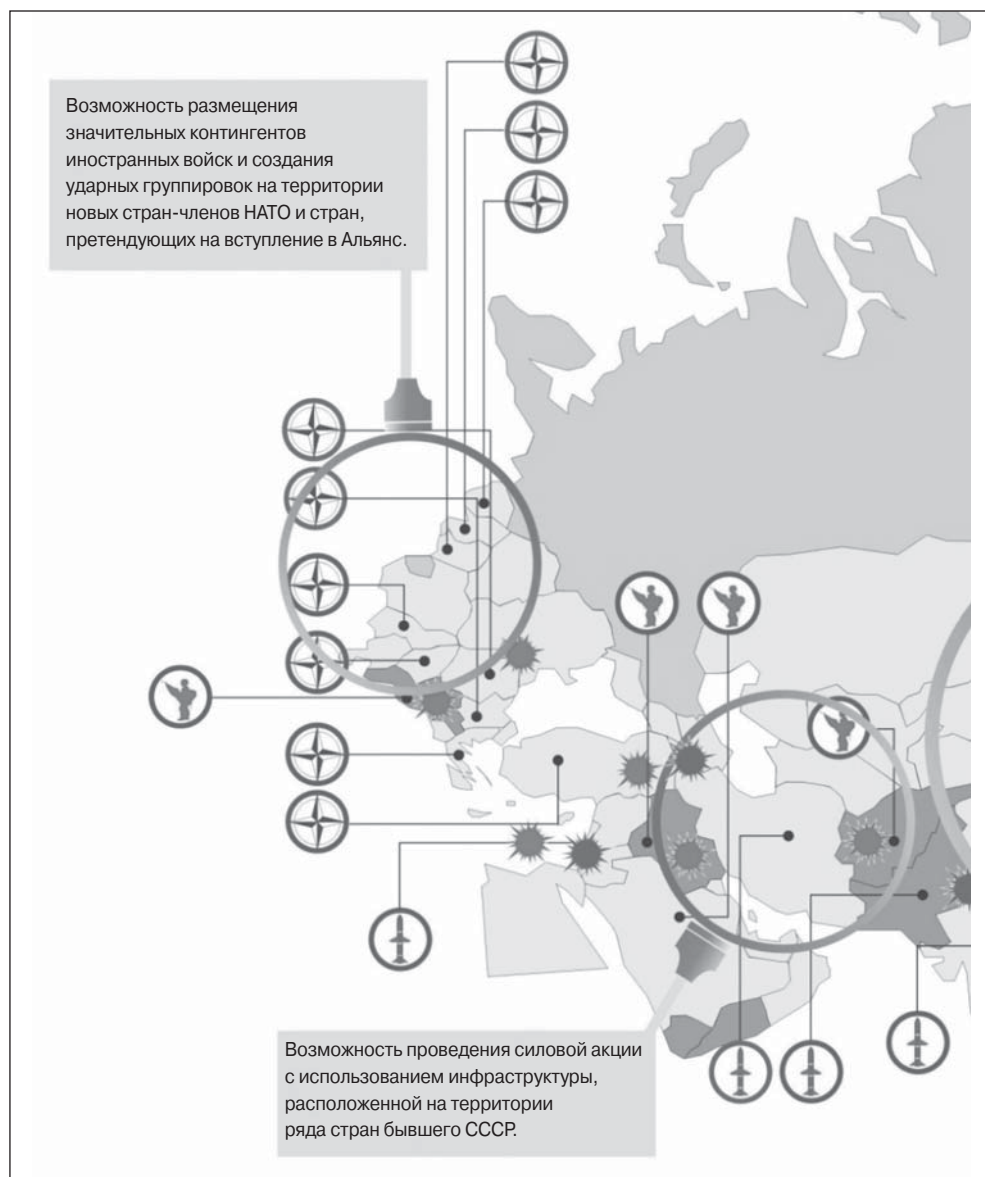
Что касается западного региона, данная карта упоминает «возможность размещения значительных контингентов иностранных войск и создания ударных группировок на территории новых стран — членов НАТО и стран, претендующих на вступление в Альянс». Вероятно, что в российском оборонном ведомстве разработаны оперативные планы применения НСЯО в возможном конфликте на западных границах²⁵. В то же время аргументы против практической роли НСЯО в региональном конфликте на западных границах уже были приведены академиком РАН А. Г. Арбатовым несколько лет назад. Согласно его точке зрения, любой региональный конфликт с НАТО сделал бы использование ядерного оружия Россией контрпродуктивным, поскольку Россия не сможет обеспечить военное превосходство над НАТО, используя ядерное оружие, и не сможет контролировать эскалацию конфликта или нанести противнику ущерб больший, нежели сама понесет в ходе такого конфликта²⁶. Наконец низкая степень вероятности развязывания ядерного конфликта в Европе была подтверждена министром обороны Сергеем Шойгу в мае 2013 г. в ходе Международной конференции по европейской безопасности в Москве²⁷.

Хотя, спекулируя на тему возможного конфликта России с НАТО, не следует забывать о том, что это неизбежно и прежде всего был бы конфликт России с США. И здесь, по мнению того же академика А. Г. Арбатова, существует возможность применения НСЯО в ответ на «нападение с использованием только сил общего назначения и обычных вооружений — прежде всего американского высокоточного оружия большой дальности с опорой на новейшие космические системы информационного обеспечения (разведки, целеуказания, навигации и связи)». По утверждению А. Г. Арбатова, в этом случае применение Россией НСЯО по базам ВМФ и военно-

Рисунок 1. Фрагмент карты «Особенности внешнеполитической обстановки в зонах интереса России», опубликованной в брошюре «Актуальные задачи развития Вооруженных сил России», Министерство обороны, 2003 г.

воздушных сил, кораблям и подводным лодкам может выглядеть как «адекватный ответ и средство сдерживания воздушно-космического нападения»²⁸.

В любом случае, очевидно, что Россия до сих пор рассматривает НСЯО в качестве инструмента компенсации отставания от своих соседей в обычных вооружениях, который призван укрепить мощь российских обычных вооруженных сил и предотвратить эскалацию возможных региональных войн в крупномасштабную войну. Как представляется, такое положение возникло по причине крайне низкого уровня доверия в военно-политической сфере между Россией и рядом ее партнеров,

поэтому первым необходимым шагом для реализации мер контроля над НСЯО в Европе должна стать выработка гибкой стратегии вовлечения всех сторон в диалог по вопросам мер доверия и транспарентности, который позволит вывести проблему НСЯО за рамки классической парадигмы контроля над вооружениями в более широкий контекст концепции равной безопасности, что более соответствует ситуации мира после холодной войны.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО СОКРАЩЕНИЮ НСЯО: ОТДЕЛЯЯ ЗЕРНА ОТ ПЛЕВЕЛ

Несмотря на роль, которую НСЯО, вероятно, играет в российском военном планировании, и обоснованные опасения России в отношении действий ее отдельных партнеров в военно-политической сфере, позиция России по вопросам контроля и сокращения НСЯО — в том виде, как она просматривается в устных заявлениях российских официальных лиц (а это единственная возможность отследить понятие «нестратегическое (тактическое) ядерное оружие» в официальном российском дискурсе), — кажется переусложненной и местами противоречивой.

Первым предварительным условием начала любых переговоров по НСЯО, выдвинутое Россией еще в начале 2000-х гг., стало требование к Соединенным Штатам полностью вывести НСЯО из Европы и уничтожить инфраструктуру, которая могла бы служить цели развертывания ядерного оружия США в Европе (в том числе в странах бывшего Варшавского договора и странах Балтии, из которых советское НСЯО было выведено в недавнем прошлом)²⁹. Как таковая эта позиция, вероятно, могла бы послужить разумной отправной точкой для переговоров по проблеме НСЯО. В этом случае следовало бы ожидать, что, поскольку Россия обещала начать диалог по вопросу НСЯО после того, как США выведут свое НСЯО из Европы на национальную территорию, первый шаг должен быть предпринят именно со стороны США.

Однако в годы нахождения у власти в США администрации президента Джорджа Буша-младшего многие американские аналитики утверждали, что НСЯО России не представляет угрозы для Соединенных Штатов или их союзников в Европе и меры контроля над этими вооружениями не требуются. Некоторые и вовсе настаивали на том, что США следует по-новому взглянуть на роль ядерного оружия в политике национальной безопасности и изучить целесообразность применения НСЯО малой мощности для ответа на новые угрозы международной безопасности³⁰. Это позволяло России не выдвигать дополнительных условий для начала формальных переговоров по контролю над НСЯО, так как у американской стороны в принципе не было намерений заниматься вопросами сокращения НСЯО. Более того, в то время Россия неоднократно обвиняла США в стремлении «вывести вопрос разоружения не только из глобальной повестки дня, но и из зоны общественного внимания»³¹. После того же, как риторика *мира, свободного от ядерного оружия*, администрации президента Барака Обамы вернула проблему НСЯО в повестку дня разоружения, российское руководство приложило усилия к тому, чтобы включить в свою позицию по НСЯО дополнительные требования и тем самым сделать задачу сокращения арсеналов НСЯО в Европе еще более трудновыполнимой.

Сегодня полный список предварительных условий России, которые должны быть выполнены, прежде чем появится возможность начать какие-либо переговоры по проблеме НСЯО в Европе, может быть представлен следующим образом:

- ❑ *во-первых*, США должны полностью вывести свое НСЯО из Европы и уничтожить инфраструктуру, которая может служить цели развертывания ядерного оружия США на континенте³²;
- ❑ *во-вторых*, Россия должна завершить реформу своих вооруженных сил, в том числе их переоснащение современными видами вооружений, включая значительное повышение доли высокоточного оружия³³;

- *в-третьих*, проблема НСЯО должна рассматриваться в более широком контексте всеобъемлющего контроля над вооружениями и разоружения, что ставит возможный прогресс в решении проблемы НСЯО в зависимость от прогресса в обсуждении целого комплекса вопросов, как то планы по размещению оружия в космическом пространстве, разработка стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении, одностороннее развертывание глобальной системы ПРО, значительный дисбаланс в обычных вооружениях, особенно на фоне сохраняющихся опасных конфликтов во многих регионах мира, которые должны рассматриваться *во взаимосвязи* друг с другом³⁴;
- *в-четвертых*, любые будущие переговоры по вопросу НСЯО в Европе должны быть многосторонними, с участием Франции и Великобритании³⁵.

Такое количество предварительных условий создает впечатление, что позиция России по возможности дальнейших переговоров по НСЯО *перенасыщена* требованиями, в то время как одного только условия вывода американских ядерных бомб из Европы было бы более чем достаточно, для того чтобы избежать начала реальных переговоров. Тем не менее каждое из этих условий имеет свою логику и обоснование, а вместе они демонстрируют весь спектр озабоченностей России в различных областях европейской и глобальной повестки дня разоружения. В то же время сам факт того, что обсуждение такого относительно *локального* вопроса, как судьба НСЯО в Европе, сопровождается выдвиганием такой массы предварительных условий, доказывает, что сегодня у России нет реальных намерений продвигаться к дальнейшему обсуждению сокращений своего ядерного арсенала.

Согласно заявлениям российских официальных лиц, звучавшим на протяжении последнего десятилетия, одной из основных проблем, которая должна быть решена до того, как начнутся какие-либо переговоры по нестратегическому ядерному оружию в Европе, является принципиальное различие в доктринах развертывания НСЯО России и США. Соединенные Штаты остаются единственной страной, размещающей ядерное оружие за пределами своей национальной территории и, в глазах Москвы, после распада Советского Союза и ОВД не существует никакого разумного обоснования для присутствия американских атомных бомб в Европе. Вот почему в качестве первого шага Россия и Соединенные Штаты должны, как заявил в 2012 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров, *уравнять позиции*, что означает, что Соединенные Штаты должны вывести свое НСЯО из Европы и уничтожить инфраструктуру, которая может служить цели развертывания американского ядерного оружия на континенте³⁶.

Присутствие НСЯО США в Европе стало особенно не приемлемым для России после начавшегося в 1990-х гг. расширения НАТО в восточном направлении, когда обозначилась возможность размещения американского ядерного оружия на территории новых стран — членов НАТО, что не могло не вызвать опасения в России. Эти опасения в первую очередь относились к территориям Польши, бывшей Чехословакии, бывшей Восточной Германии, Венгрии, Болгарии и стран Балтии, где ранее были развернуты арсеналы советского ядерного оружия. Считается, что даже после того, как советское ядерное оружие было выведено из этих стран, они все же сохранили хранилища и аэродромы, которые могут быть использованы для авиации двойного назначения США/НАТО³⁷.

В то время как в 1996 г. официальные лица США и НАТО неоднократно заявляли, что «у НАТО нет намерений, планов и причин развертывать ядерное оружие на территории новых стран-членов»³⁸ (так называемое *заявление о трех «нет»*, формально закрепленное в основополагающем акте о взаимоотношениях России и НАТО 1997 г.³⁹), в том же 1996 г. в российском журнале *Зарубежное военное обозрение*

было опубликовано «Соглашение о положении вооруженных сил США в стране пребывания», которое якобы было передано посольством США правительству Словацкой Республики в 1996 г. и где значилось, что «правительство страны разрешит силам США доставить ядерное оружие на ее территорию и разместить его на удобных позициях»⁴⁰. Другой пример российских опасений проявился в 2002 г.: тогда неназванный чиновник Министерства обороны РФ заявил о том, что Россия подозревает, «что некоторые главы балтийских государств уже высказали свою готовность разместить любой тип натовских вооружений, включая тактическое ядерное оружие, если эти страны будут приняты в Альянс»⁴¹.

Обе недавние военные доктрины России — 2000 и 2010 гг. — выражают озабоченность по поводу расширения Альянса. Доктрина 2010 г. говорит о стремлении «приблизить военную инфраструктуру стран — членов НАТО к границам Российской Федерации» и о «развертывании (наращивании) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств»⁴². Не вызывает сомнений, что озабоченность по поводу иностранных воинских контингентов также относится к процессу расширения НАТО в Европе. Те же самые озабоченности не раз озвучивали российские чиновники на переговорах и в рамках совместных встреч представителей России и НАТО, в том числе в рамках постоянного Совета Россия–НАТО.

США/НАТО также регулярно провоцируют озабоченности России, время от времени косвенно заявляя, что вопрос о перемещении американского НСЯО остается открытым и при определенных условиях может быть принято решение о перемещении НСЯО внутри территории Альянса. Один из последних случаев — аналитическое исследование с рекомендациями для нового Обзора стратегической концепции НАТО, подготовленное группой экспертов под председательством бывшего государственного секретаря США Мадлен Олбрайт в мае 2010 г. В частности в документе под названием «НАТО в 2020 г.: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие» делается вывод, что «пока будет существовать ядерное оружие, НАТО должно сохранять защищенные и надежные силы, широко разделяя обязанности по развертыванию и оперативному обеспечению на минимальном уровне, требуемом условиями безопасности. Как и другие важные решения, любое изменение должно вноситься в эту политику, в том числе в географическое распределение ядерных средств НАТО в Европе, Североатлантическим альянсом в целом»⁴³ (выделено мной, орфография и пунктуация оригинала сохранены. — **А. К.**).

Кроме того, НАТО призывает свои новые страны-члены активно интегрироваться в различные форматы разделения ядерной ответственности, воплощенной в так называемой системе двойного ключа, когда дислоцированные на европейской территории ядерные боеприпасы ВВС США в мирное время находятся под американским контролем, а в военное могут быть переданы союзным войскам для доставки к цели⁴⁴. Как обозначено в Стратегической концепции НАТО 2010 г., Альянс будет «обеспечивать максимально широкое участие союзников в коллективном планировании обороны относительно ролей ядерного оружия, базирования ядерных сил в мирное время, согласования вопросов управления, контроля и консультаций»⁴⁵. На практике такое участие в основном включает совместные военные учения, размещение поддерживающего и обучающего персонала и приобретение военной техники (в том числе самолетов двойного назначения) у «старых» членов НАТО.

Один из наиболее показательных примеров — Польша, чьи ВВС в настоящее время являются одними из самых передовых в Центральной Европе, будучи оснащенными 48 истребителями *F-16*, в том числе *F-16 D Block 52+*, являющимися наиболее передовыми в НАТО⁴⁶. Весной 2013 г. ВВС США разместили небольшой отряд технического и вспомогательного персонала на одной из польских авиабаз, который будет поддерживать периодическое развертывание в Польше американских истребителей *F-16* и *C-130*, готовить и проводить учения вместе с польскими

коллегами⁴⁷. Подобное *сотрудничество* ядерных и неядерных членов Альянса уже стало поводом для серьезного беспокойства России⁴⁸.

Согласно второму предварительному условию, выдвигаемому Россией, прежде чем переговоры по НСЯО смогут начаться, России необходимо завершить реформу своих вооруженных сил, в том числе завершить их переоснащение высокоточным оружием в обычном оснащении большой дальности, а пока такового нет, она полагается на ограниченное использование ядерного оружия сопоставимых дальностей⁴⁹.

Тем не менее остается неясно, когда именно Россия обретет потенциал неядерных вооружений, достаточный для того, чтобы сделать возможным участие России в дальнейших мерах в области контроля над ядерными вооружениями. Процесс может занять не меньше десятилетия⁵⁰, и даже в этом случае нет уверенности, что российские обычные вооруженные силы смогут достичь соответствующего уровня, поскольку основные конкуренты России на мировой арене не будут стоять в стороне, ожидая, пока Россия закончит модернизацию своих обычных вооружений.

Более того, опыт подсказывает, что в прошлом развитие современных обычных вооружений крупнейшими державами выливалось в то, что Россия лишь усиливала опору на ядерное оружие в своей оборонной доктрине. Поэтому остается неясно, каким образом военно-политическое руководство России намерено разрешить центральное противоречие своего второго условия для начала переговоров по НСЯО, то есть решить задачу развития обычных вооружений с целью снижения в будущем опоры на ядерное оружие в контексте постоянно совершенствующихся обычных вооружений других государств, что в прошлом всегда заставляло Россию только усиливать опору на свое ядерное оружие.

Озвучивая третье условие, российское военно-политическое руководство говорит о возможности начала дискуссий по НСЯО лишь в случае нахождения развязок по основным факторам стратегической стабильности, необходимым для продолжения переговоров о дальнейшем сокращении СНВ, среди них называются планы развития глобальной системы ПРО США, ситуация в области крылатых ракет морского базирования большой дальности и других дальнобойных высокоточных систем, ядерных средств союзников США по НАТО, отношения сил общего назначения, наличия многочисленных военных баз с развивающейся военной инфраструктурой вблизи территории России, реализация идей вывода оружия в космос, контроля над стратегическими вооружениями в неядерном оснащении⁵¹. Очевидно, что все эти факторы не могут быть учтены в комплексе в рамках одних переговоров, поскольку это потребует принятия во внимание партнерами России практически всех озабоченностей в военно-политической сфере, которые Россия высказывала за все время с конца холодной войны, а также участия в таких переговорах, помимо России и США, большинства крупных держав Евразии. Это, в свою очередь, может создать матрицу переговоров, слишком комплексную даже для Конференции по разоружению в Женеве, которая до сих пор была не лучшим примером площадки для многосторонних переговоров.

Представляется, что было бы целесообразно более четко расставить приоритеты в данном комплексе факторов стратегической стабильности, чтобы решать связанные с ними проблемы поочередно, в рамках отдельных переговоров, начав, вероятно, с нахождения компромиссного решения по сотрудничеству в сфере ПРО, отсутствие которого сегодня является для России основным препятствием для продолжения переговоров по сокращению ядерных вооружений.

Наконец, четвертое условие России гласит, что любые будущие переговоры по проблеме НСЯО в Европе должны быть многосторонними, с участием Франции и Великобритании. Франция, как считается, обладает порядка 50 крылатых ракет меньшей дальности, которые теоретически могут рассматриваться в качестве нестратегических ядерных вооружений⁵². Однако в настоящее время Франция

не рассматривает ни один элемент своего ядерного арсенала как нестратегический или тактический. Одним из последних подтверждений тому служит содержание Белой книги Франции по вопросам национальной обороны 2008 г., где сказано, что «ядерные вооружения в составе обоих компонентов ядерного арсенала Франции (морского и воздушного — **А. К.**), имеют стратегическую природу и ни в коей мере не являются оружием поля боя для военного применения на театре военных действий»⁵³. То же справедливо и для Великобритании, которая некоторое время назад приписывала своим ракетам *Трайидент* субстратегическую роль, но не так давно прекратила делать это⁵⁴. Принимая все это во внимание, России будет довольно трудно, если вообще возможно, убедить эти два государства рассмотреть любую часть их ядерных арсеналов в качестве части возможной сделки между Россией и США по НСЯО.

Таким образом, среди указанных четырех российских предварительных условий только первое представляется потенциально выполнимым в обозримом будущем. Другие три, вероятнее всего, являются серьезным довеском, который служит цели демонстрации полного спектра озабоченностей России в военно-политическом измерении европейской и глобальной безопасности, препятствуя дальнейшим сокращениям ее ядерного арсенала и приобретая для России время для поиска путей выхода из сложной стратегической ситуации, в которой Россия видит себя сегодня. Следовательно, последние три российских условия, будучи рассмотрены в контексте анализа возможностей для начала переговоров по НСЯО, определяются скорее политическими, нежели сугубо военными соображениями, и могли бы быть решены путем политического диалога и реализации мер доверия, налаживания реального, а не декларативного сотрудничества (прежде всего в сфере ПРО).

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ

Учитывая текущую позицию российского руководства по проблеме контроля над НСЯО, весьма маловероятно, что какие-либо переговоры или даже консультации по этой проблеме будут иметь место раньше 2018 г. (когда завершится период сокращений по новому Договору о СНВ)⁵⁵. Последнее тому подтверждение — негативная реакция руководства России на инициативы, озвученные нынешним американским президентом во время его выступления в Берлине 19 июня 2013 г.⁵⁶. Также сложно ожидать, что США полностью выведут свое НСЯО из Европы, а Россия, в свою очередь, в одностороннем порядке предоставит своим западным партнерам конкретные данные по своему арсеналу НСЯО в текущем десятилетии.

В то же время представляется, что большая часть предварительных условий России, выполнение которых необходимо для начала переговоров по проблематике НСЯО, обусловлены, как было показано выше, скорее политическими, а не чисто военными соображениями, и могли бы быть решены посредством политического

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

УИЛЬЯМ ПОТТЕР, НИКОЛАЙ СОКОВ:

Российские озабоченности по поводу превосходства НАТО и США в обычных (особенно в современных обычных) вооружениях, по поводу дальнейшего расширения НАТО и подготовки США к возможному развертыванию национальной системы ПРО означают, что инициатива по укреплению неформального режима по ТЯО должна исходить от США. Эта инициатива явно будет активно поддержана союзниками США в Европе, которые получают наибольший выигрыш от укрепления существующего режима и которые должны приветствовать, а не бояться последствий большей прозрачности в отношении ТЯО.

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации.

*Ядерный Контроль. № 4 (52),
июль-август 2000. С. 39.*

диалога и мер доверия. Такие меры доверия в качестве начального этапа на пути к будущим мерам по контролю над НСЯО могли бы включать реализацию следующих шагов:

Во-первых, США/НАТО могли бы вновь подтвердить действие заявления о трех «нет» 1997 г. и свою принципиальную готовность вывести НСЯО США из Европы в ближайшем будущем.

Во-вторых, США и Россия могли бы на двусторонней основе обмениваться данными о количестве и местах развертывания имеющегося у них НСЯО и уточнить число и состав вооружений, которые были уничтожены в результате реализации Президентских ядерных инициатив 1991–1992 гг.

В-третьих, США и Россия могли бы взять на себя обязательство о ненаращивании своих арсеналов НСЯО в будущем.

В-четвертых, США и Россия могли бы согласовать текст официальных заявлений о том, что ядерные боезаряды хранятся отдельно от носителей, и в настоящее время у них нет намерений изменять существующее положение.

В-пятых, официальные переговоры по контролю над НСЯО в настоящий момент могли бы быть замещены совместным неформальным форумом (рабочей группой) в рамках Совета Россия–НАТО, учрежденным для цели неформального обсуждения модальностей будущего диалога по контролю над НСЯО.

В рамках такого неформального форума экспертное сообщество и официальные представители России и стран НАТО могли бы совместно рассмотреть такие предварительные вопросы, как состав сторон переговоров, их цели и методы, а также следующие вопросы:

- выработка общих дефиниций НСЯО;
- обеспечение эффективных мер мониторинга и верификации возможных сокращений;
- обсуждение альтернативных правил учета боезарядов;
- лучшее взаимное понимание доктрин применения НСЯО России и США/НАТО;
- меры транспарентности в отношении мест и статуса развертывания, обмен военными визитами.

Кроме того, Россия и США, основываясь на опыте совместной работы в рамках Инициативы взаимного снижения угрозы и Совета Россия–НАТО, могли бы:

- провести совместную оценку рисков террористического проникновения в места хранения ядерных боезарядов и овладения этими боезарядами;
- провести совместную оценку мероприятий по повышению безопасности мест хранения ядерных боезарядов;
- продолжить практику проведения совместных учений по предотвращению хищения ядерных боезарядов или расщепляющихся материалов⁵⁷.

В то же время важно отметить, что даже такой *умеренный* подход к решению проблемы контроля над НСЯО будет вряд ли возможен без восстановления атмосферы доверия между двумя сторонами и без искренней готовности США/НАТО принимать во внимание и обсуждать те российские озабоченности, которые обуславливают сегодняшнюю жесткую позицию России по данной проблеме. 🗨️

Примечания

¹ Автор благодарит старшего вице-президента ПИР-Центра Е. П. Бужинского, старшего научного сотрудника Института Брукинса Стивена Пайфера, директора Центра изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина Уильяма Поттера, старшего научного сотрудника Венского центра разоружения и нераспространения Н. Н. Сокова, директора программы Стокгольмского международного института проблем мира (СИПРИ) по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению Иена Энтони, а также участников совместного семинара ПИР-Центра и СИПРИ 4 марта 2013 г. за ценные комментарии к первым вариантам данной работы.

² NATO Defense and Deterrence Posture Review. (Press Release (2012) 063). 2012, 20 May, http://www.nato.int/cps/en/SID-A50EE0F8-36D47714/natolive/official_texts_87597.htm?mode=pressrelease (последнее посещение — 25 июня 2013 г.)

³ Ibid.

⁴ Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in Section 491 of 10 U. S. C. P. Generated on 12 June 2013. P. 6.

⁵ См. например: Tactical Nuclear Weapons and NATO. Edited by Tom Nichols, Douglas Stuart, Jeffrey D. McCausland, P. 191; Kristensen Hans M. Non-Strategic Nuclear Weapons, P. 8.

⁶ Kristensen Hans M. Non-Strategic Nuclear Weapons. *Special Report*. No 3, May 2012. P. 14.

⁷ Бужинский Евгений. К вопросу о нестратегическом (тактическом) ядерном оружии. *Russia Confidential*. Март 2012 г., Т. 2, Вып. 3, <http://pircenter.org/media/content/files/9/13480357351.pdf> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁸ Там же.

⁹ Zagorski Andrei. Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. February 2011, P. 21.

¹⁰ Д. А. Медведев предостерег от поспешия государственного суверенитета. *Коммерсант.ru*. 2012, 17 мая, <http://www.kommersant.ru/doc/1935946/print> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.)

¹¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2010 г., http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (последнее посещение — 25 июня 2013 г.)

¹² См. например: В. И. Левшин, А. В. Неделин, М. Е. Сосновский. О применении ядерного оружия для военных действий. *Военная мысль*. 1999. № 3. С. 34–37; В. А. Сиволоб, М. Е. Сосновский. Реальность сдерживания. *Независимое военное обозрение*. 1999. 22 октября, <http://nvo.ng.ru/concepts/1999-10-22/reality.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.); М. Е. Сосновский. О ядерном сдерживании в современных условиях. *Обозреватель*. 2004. № 11 (178), http://www.rau.su/observer/N11_2004/11_07.HTM (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

¹³ Рогозин Дмитрий: Россия должна быть самостоятельной и сильной либо ее не будет вовсе. *Российская газета*. 2013, 3 июля, <http://www.rg.ru/2013/07/03/rogozin.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

¹⁴ См. например: Hudson George E., Buzhinsky Evgeny. Influences on Russian Policy and Possibilities for Reductions in Non-Strategic Nuclear Weapons. Chapter 7 in Tactical Nuclear Weapons and NATO, Edited by Tom Nichols, Douglas Stuart, Jeffrey D. McCausland. P. 190; Andrei Zagorski. Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. February 2011, P. 29; Pomper Miles A., Potter William, and Sokov Nikolai, Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe. Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies, December 2009, P. 14.

¹⁵ Бужинский Евгений. Указанные произведения.

¹⁶ Pomper Miles A., Potter William, and Sokov Nikolai, Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe. Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies, December 2009. P. 14.

¹⁷ См. например: O'Rourke Ronald. China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities — Background and Issues for Congress. *Congressional Research Service*. 2013, April 26. <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33153.pdf> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

¹⁸ Бурцев Олег: «Булава» полетит, в этом нет сомнений. 2009, 24 марта, <http://ria.ru/interview/20090324/165883072.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

¹⁹ George E. Hudson. Russian Perspectives on Tactical Nuclear Weapons. Chapter 4 in *Tactical Nuclear Weapons and NATO*, Edited by Tom Nichols, Douglas Stuart, Jeffrey D. McCausland. P. 113.

²⁰ Пусть будет на всякий случай. *Деловая газета Взгляд*. 2007, 31 октября, <http://www.vz.ru/society/2007/10/31/121534.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

²¹ Pomper Miles A., Potter William, and Sokov Nikolai. Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe. Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies, December 2009. P. 15.

²² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 05.02.2010, http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

²³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 21.04.2000, http://www.ng.ru/politics/2000-04-22/5_doktrina.html (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

²⁴ Актуальные задачи развития Вооруженных сил России. М: Министерство обороны России, 2003.

²⁵ WikiLeaks: NATO Unimpressed by Russian Military. 2011, 14 February, <http://www.military.com/news/article/wikileaks-nato-unimpressed-by-russian-military.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

²⁶ Arbatov Alexey. Russian military doctrine and strategic nuclear forces to the year 2000 and beyond, 1997, <http://www.fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/arbato.htm> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

²⁷ Шойгу: вероятность возникновения ядерного конфликта в Европе снизилась. *РИА Новости*. 2013, 23 мая, http://ria.ru/defense_safety/20130523/938965319.html (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

²⁸ Арбатов Алексей. Глава 10 Нестратегическое ядерное оружие. В кн.: Арбатов Алексей, Дворкин Владимир (ред.). *Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений*. М: Росспэн, 2011. С. 205.

²⁹ Балуевский Юрий. Только на основе взаимного глубокого изучения стратегических документов могут быть построены равноправные отношения России и НАТО. *Индекс Безопасности*. 2010. № 4 (95), <http://www.pircenter.org/data/publications/sirus4-10/Interview-Valuevsky.pdf> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.); Капралов Юрий. Ядерное оружие не должно расплзаться по планете. *Независимая газета*. 2000, 22 апреля, http://www.ng.ru/politics/2000-04-22/6_mustnot.html (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³⁰ См. например: Safe nuclear weapons? BBC Hardtalk with Jack Spencer at the Heritage Foundation and Dan Plesch of the Royal Institute for International Affairs. 2003, August 27, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/hardtalk/3185949.stm> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.); Woolf Amy F. Nonstrategic Nuclear Weapons. *Congressional Research Service*. 2012, December 19. P. 30.

³¹ Лавров: США стремится вывести вопрос о разоружении из зоны общественного внимания. *Известия*. 2006, 7 июня. <http://www.izvestia.ru/news/379413#ixzz1wZ5Zkfv> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³² «Надо сначала уравнивать позиции». Лавров обозначил условия переговоров о сокращении тактического ядерного оружия. *Взгляд*. 2012, 19 апреля, <http://vz.ru/politics/2012/4/19/574985.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³³ Путин встретился в Сарове с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности. Ответ на вопрос ген. Е. П. Бужинского. 2012, 24 февраля, <http://premier.gov.ru/events/news/18248/> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³⁴ Statement by H. E. Mr. Sergey Lavrov, Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, at the Plenary meeting of the Conference on Disarmament. Geneva. March 1, 2011, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/2de66a92e764dbb8c3257846004dfd44?OpenDocument (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³⁵ См. например: Верховцев Владимир. Оружие умолчания. *Независимая газета*. 2010, 2 июня. http://www.ng.ru/editorial/2010-02-05/2_red.html (последнее посещение — 25 июня 2013 г.); РФ и США не готовы разоружаться на фоне роста потенциала других стран. *РИА Новости*. 2013, 27 мая. <http://ria.ru/world/20130527/939807307.html> 27.05.2013 (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³⁶ «Надо сначала уравнивать позиции». Лавров обозначил условия переговоров о сокращении тактического ядерного оружия. *Взгляд*. 2012, 19 апреля, <http://vz.ru/politics/2012/4/19/574985.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³⁷ Дьяков Анатолий, Мясников Евгений, Кадышев Тимур. Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. *Издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ*. Долгопрудный, 2004 г. С. 45.

³⁸ NATO insists it has 'no plans' for nuclear expansion. *Disarmament Diplomacy*. Issue No 11. December 1996, <http://www.acronym.org.uk/dd/dd11/11noplan.htm> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

³⁹ основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. Сайт Организации североатлантического договора. 27 мая 1997 г., http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_25468.htm (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴⁰ Дьяков Анатолий, Мясников Евгений, Кадышев Тимур. Указанные произведения. С. 47.

⁴¹ Kucia Christine, Baltics Deny Plans to Deploy NATO Nuclear Weapons. *Arms Control Today*. October 2002, http://www.armscontrol.org/act/2002_10/balticsoct02 (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 05.02.2010, http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴³ НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. Анализ и рекомендации группы экспертов по новой Стратегической Концепции НАТО. 17 мая 2010 г., http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_63654.htm (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴⁴ Аничкина Татьяна. Восточная Азия и ядерный зонтик США. *Индекс Безопасности*. 2012. Т. 18, № 2 (101). С. 64.

⁴⁵ Strategic Concept for the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation. Lisbon, 2010, <http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴⁶ Официальный сайт военно-воздушных сил Польши, <http://www.sp.mil.pl/en/pl-af-equipment> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴⁷ См. например: Perkovich George, Chalmers Malcolm, Pifer Steven, Schulte Paul, and Tandler Jaclyn. Looking Beyond the Chicago Summit: Nuclear Weapons in Europe and the Future of NATO. April 2012, <http://carnegieendowment.org/2012/04/12/looking-beyond-chicago-summit> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.); US F-16 to deploy to Poland for the next two weeks. *The Aviationist*. 11 May, 2013, <http://theaviationist.com/2013/05/11/us-poland-ex/#.UcijFnJT3t> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴⁸ Ульянов: говорить с США о «разменах» по НСЯО некорректно. *Актуальный комментарий*. 2012, 9 февраля, <http://actualcomment.ru/news/37422/> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁴⁹ Бужинский Евгений. Указанные произведения.

⁵⁰ См. например: Сосновский Михаил. О ядерном сдерживании в современных условиях. *Обозреватель*. 2004. № 11 (178), http://www.rau.su/observer/N11_2004/11_07.HTM (последнее посещение — 25 июня 2013 г.); Рогозин Дмитрий: Россия должна быть самостоятель-

ной и сильной, либо ее не будет вовсе. *Российская газета*. 2013, 3 июля, <http://www.rg.ru/2013/07/03/rogozin.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁵¹ Антонов Анатолий. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. *Серия Библиотека ПИР-Центра*. М: Росспэн, 2012. С. 64, 77.

⁵² Kristensen Hans M. Non-Strategic Nuclear Weapons. *Special Report*. May 2012. No 3. P. 9.

⁵³ The French White Paper on Defence and National Security. Odile Jacob Publishing Corporation. New York, 2008, P. 162.

⁵⁴ Kristensen Hans M. Non-Strategic Nuclear Weapons. *Special Report*. May 2012. No 3. P. 9.

⁵⁵ Лавров: Сначала необходимо выполнить условия по договору СНВ. *Росбалт*. 13 января 2011 г., <http://www.rosbalt.ru/main/2011/01/13/808043.html> (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁵⁶ В своей берлинской речи Барак Обама предложил пойти на дальнейшее сокращение СЯС России и США еще на треть и рассмотреть возможность сокращения арсеналов НСЯО. Реакция руководства России представлена здесь — Путин: мы не можем допустить снижения эффективности наших ядерных сил. *Ведомости*. 2013, 19 июня, http://www.vedomosti.ru/politics/news/13279341/putin_rossiya_ne_dopustit_snizheniya_effektivnosti_svoih#ixzz2XAsbpKB7 http://www.vedomosti.ru/politics/news/13279341/putin_rossiya_ne_dopustit_snizheniya_effektivnosti_svoih (последнее посещение — 25 июня 2013 г.).

⁵⁷ Бужинский Евгений. Указанные произведения.

ИДЕИ ПО ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ СИТУАЦИИ ВОКРУГ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ¹

Российско-американская рабочая группа высокого уровня по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы была создана в ноябре 2013 г. ПИР-Центром, ведущей российской неправительственной организацией в сфере международной безопасности, и Центром стратегических исследований Южной Азии и Ближнего Востока, региональным центром Министерства обороны США. Целью группы было поддержание позитивной динамики переговорного процесса между Ираном и *шестеркой* международных посредников и вклад в заключение всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе.

Встреча рабочей группы прошла в г. Гштаад (Швейцария) 27–29 января 2014 г. Итоги встречи были дополнены работой координаторов группы в мае 2014 г.

1. БУДУЩЕЕ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО СОГЛАШЕНИЯ

- 1.1. Реализация промежуточного соглашения по иранской ядерной программе определит ход переговоров по заключению всеобъемлющего соглашения.
- 1.2. Большинство членов группы согласилось с тем, что существует *окно возможностей* в 6–12 месяцев для достижения соглашения с Ираном. Исходя из этого приоритет должен быть предоставлен тем инициативам, которые могут быть реализованы и принесут плоды в этом временном промежутке.
- 1.3. Все члены группы согласились с тем, что исследовательский реактор на тяжелой воде в Араке должен быть перестроен в легководный либо быть модифицирован с тем, чтобы производить меньше плутония. Мощности по переработке ядерного топлива не должны создаваться в Иране.
- 1.4. Большинство членов группы согласилось с тем, что Иран должен ратифицировать дополнительный протокол к соглашению о гарантиях МАГАТЭ и начать применять модифицированный код 3.1 Дополнительных положений к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ.

- 1.5. Все члены группы согласились, что ратификация Ираном Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и возобновление работы мониторинговых станций на его территории может стать хорошей мерой по установлению доверия и должна быть поддержана. Некоторые члены группы считают, что ратификация ДВЗЯИ Тегераном возможна и имеет смысл только при одновременной добровольной ратификации договора Египтом и Израилем.
- 1.6. Все члены группы считают, что желательна ратификация Ираном Конвенции о ядерной безопасности, Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб и Конвенции о физической защите ядерного материала.
- 1.7. Большинство членов группы согласилось с тем, что ограничения, накладываемые на иранскую ядерную программу, выходящие за рамки ДНЯО, должны быть направлены на демонстрацию мирного характера ядерной программы и не могут быть постоянными. Некоторые члены группы предложили установить ограничения на семилетний период, исходя из количества времени, которое потребовалось МАГАТЭ для верификации в случае с ЮАР. Другие члены группы обозначили в качестве приемлемого компромисса 10 лет. Ряд членов группы считает, что будет достаточным значительно меньший период времени.
- 1.8. Ряд членов группы предложили пригласить генерального директора МАГАТЭ к участию в переговорах между Ираном и *шестеркой* в качестве наблюдателя. Особенно актуальным это станет в случае, если сторонам не удастся достичь всеобъемлющего соглашения к 20 июля 2014 г. и промежуточное соглашение будет продлено на полгода. Участие представителя МАГАТЭ в переговорах поможет интегрировать агентство в переговорный процесс и позволит лучше определить его роль в рамках всеобъемлющего соглашения. В этом же контексте могут проводиться совместные брифинги Ирана и *шестерки* на заседаниях Совета управляющих МАГАТЭ. Это повысит прозрачность процесса переговоров, покажет единую позицию договаривающихся сторон и будет способствовать укреплению доверия.
- 1.9. Некоторые члены группы считают, что не только уровень и масштаб обогащения, но и общий потенциал Ирана в ядерной сфере должен быть ограничен его обоснованными потребностями.
- 1.10. Некоторые члены группы предложили установить ограничение на предельное количество урана, обогащенного до 3,5%, имеющегося в распоряжении Тегерана, чтобы нейтрализовать *урановый путь* к созданию ядерного оружия. Другое ограничение должно коснуться количества единиц работы деления (ЕРР), которыми располагает иранская обогатительная программа, а не количества центрифуг, так как в зависимости от типа центрифуг их производительность может меняться.
- 1.11. Ряд членов группы предложили рассмотреть варианты использования религиозных формулировок для подкрепления заявлений Ирана об отказе от разработки ядерного оружия. Верховный лидер Иран Али Хаменеи публично высказывался против обладания ядерным оружием, считается, что он также издал фетву, запрещающую производство и использование этого вида вооружений. Ссылка на фетву в преамбуле соглашения с Ираном или другие подобные решения могут оказаться полезными.

- 1.12. Некоторые члены группы считают, что все аспекты, связанные с ведением Ираном в прошлом незадекларированной деятельности в ядерной сфере и возможным военным измерением ядерной программы Тегерана, должны быть тщательно расследованы МАГАТЭ. В то же время другие члены группы исходят из того, что если прошлая деятельность останется единственным неразрешенным вопросом, это не должно мешать заключению всеобъемлющего соглашения.

2. СНЯТИЕ САНКЦИЙ

- 2.1. Все члены группы считают, что введение новых санкций, связанных с ядерной программой Ирана, в то время когда стороны добросовестно участвуют в переговорном процессе, будет ошибкой и может сорвать переговоры.
- 2.2. Все члены группы считают, что после заключения всеобъемлющего соглашения новые санкции, связанные с ядерной программой Ирана, не должны вводиться.
- 2.3. Большинство членов группы считают, что санкции, введенные против Ирана резолюциями Совета безопасности ООН, должны быть сняты, как только будет установлен режим тщательной долговременной верификации мирного характера ядерной программы страны со стороны МАГАТЭ. Некоторые члены группы отметили, что, поскольку снятие санкций, введенных решением СБ ООН, должно быть частью любой версии всеобъемлющего соглашения, резолюция, включающая точные хронологические рамки и условия для снятия санкций должна быть принята до заключения самого соглашения.
- 2.4. Большинство членов группы согласились с тем, что снятие санкций будет одним из самых сложных компонентов достижения и реализации соглашения. Поскольку значительная часть американских санкций, введенных против Ирана, не ограничивается ядерной программой (введены по обвинению в несоблюдении прав человека, спонсировании терроризма и т. д.) отменить их будет сложнее, чем санкции СБ ООН или Европейского союза. Работая над отменой американских санкций, было бы разумно начать с тех, которые не требуют участия Конгресса и могут быть отменены либо приостановлены распоряжениями президента. Как только Белый дом сможет продемонстрировать, что отмена санкций ведет к ответным действиям Ирана, Конгресс получит дополнительные стимулы поддержать администрацию.
- 2.5. Часть членов группы считает, что оптимальным вариантом разрешения санкционного вопроса стала бы приостановка действия санкций (как односторонних, так и многосторонних), а не их отмена. Приостановка должна будет продляться ежегодно, основываясь на подтверждении того, что Иран не ведет незаявленной ядерной деятельности. У подобного механизма будет больше шансов быть принятым американским Конгрессом.

3. УКРЕПЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ

- 3.1. Некоторые члены группы подчеркнули, что Женевские договоренности остаются довольно хрупкими и стали возможны благодаря единой позиции шестерки международных посредников. В этой связи следует избегать

любых действий, которые могут вызвать раскол между членами шестерки (введение новых санкций против Ирана, попытка обойти существующий санкционный режим) и подорвать переговорный процесс.

- 3.2. Некоторые члены группы предложили активнее сотрудничать с Ираном в формате Международного проекта МАГАТЭ по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (ИНПРО). В контексте ИНПРО Иран может получать рекомендации по наиболее эффективной структуре национальной энергетики и строительству АЭС. Россия и США могут принимать непосредственное участие в процессе.
- 3.3. Некоторые члены группы отметили, что активная зона Тегеранского исследовательского реактора сильно устарела и должна быть заменена при технической помощи МАГАТЭ, России и США.
- 3.4. Некоторые члены группы отметили, что организация учений по технической и физической ядерной безопасности на Ближнем Востоке с участием Ирана (в частности включающих стресс-тесты Бушерской АЭС) могла бы развеять страхи соседей Тегерана и снизить напряженность в регионе. Некоторые члены группы считают, что Иран должен быть приглашен на следующий Саммит по ядерной безопасности в Вашингтоне в 2016 г.
- 3.5. Некоторые члены группы считают, что в перспективе России, США или обеим странам следует приступить к реализации совместных программ в ядерной сфере на Ближнем Востоке с участием Ирана. Подобные программы должны быть экономически выгодны и демонстрировать переход от конфронтации к сотрудничеству в регионе.
- 3.6. Некоторые члены группы отметили, что Иран не обладает достаточными запасами урана для реализации своей ядерной программы. Контракты на поставку природного урана под строгим международным наблюдением могут стать жестом доброй воли в ходе переговоров.
- 3.7. Некоторые члены группы предложили изучить возможность покупки Соединенными Штатами обогащенного урана для своей атомной промышленности у Ирана. Это было бы позитивно воспринято в Тегеране, и позволило бы переместить отношения между двумя странами из области идеологии в экономическую сферу. Статус покупателя мог бы позволить Соединенным Штатам выступать с определенными рекомендациями и условиями, касающимися обогащения урана.
- 3.8. Некоторые члены группы отметили, что, несмотря на то что вовлечение Ирана в технологическое сотрудничество имеет свои положительные стороны, доступ к чувствительным технологиям должен быть ограничен.
- 3.9. Некоторые члены группы считают целесообразным усилить сотрудничество с Ираном с целью помочь стране выйти из черного списка Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и постепенно реинтегрировать Тегеран в международную финансовую систему.
- 3.10. Некоторые члены группы предложили ускорить процесс присоединения Ирана к Всемирной торговой организации.

4. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- 4.1. До сегодняшнего момента другие ближневосточные страны не были приглашены к переговорам по всеобъемлющему соглашению по иранской

ядерной программе. Представляется, что тенденция к разделению ядерного и регионального треков сохранится.

- 4.2. В то же время сам процесс укрепления доверия между Ираном и шестеркой международных посредников привел к определенным изменениям в региональных отношениях (в частности в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией, Ираном и Израилем). Страны региона могут быть вовлечены в процесс дальнейшей нормализации отношений на Ближнем Востоке, они также могут сыграть определенную роль в рамках всеобъемлющего соглашения. Третьи страны могут предоставить техническую поддержку для реализации и верификации положений соглашения. Ряд стран могут сыграть важную роль в качестве посредников (Армения, Казахстан, Оман и т. д.). Другие страны могут использовать свое влияние на Конгресс США для поддержки соглашения с Ираном.
- 4.3. Некоторые члены группы отметили, что, несмотря на определенный успех переговоров по ядерной программе, постоянные члены Совета безопасности ООН не должны автоматически рассчитывать на сотрудничество Ирана в других областях. Поскольку внешнюю политику страны в отношении ключевых региональных вопросов (Сирия, Ливан, Ирак и т. д.) фактически определяет Корпус стражей исламской революции, а не президент Ирана, это делает сотрудничество с Ираном по широкому кругу региональных вопросов затруднительным.
- 4.4. Некоторые члены группы предложили заключить региональное соглашение, запрещающее применение силы (включая кибератаки) или угрозу ее применения против объектов ядерной инфраструктуры, находящихся под гарантиями МАГАТЭ. Соглашение может быть инициировано в ходе регионального диалога или решением Совета безопасности ООН. Это снизит у Ирана ощущение собственной уязвимости и станет дополнительным стимулом к сотрудничеству государств региона с МАГАТЭ.
- 4.5. Некоторые члены группы считают, что процесс создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ), является хорошей площадкой для диалога Ирана и его региональных конкурентов. Переговоры по созданию зоны будут способствовать устойчивости всеобъемлющего соглашения. Для поддержки процесса Россия и США должны проявлять дипломатическую активность и вовлекать своих союзников в регионе в переговорный процесс.
- 4.6. Некоторые члены группы считают, что России и США стоит избегать значительного количества прямых обязательств в отношении государств Ближнего Востока, во избежание манипуляции со стороны региональных держав.
- 4.7. Некоторые члены группы предложили России, США и другим членам *ядерной пятерки* предоставить негативные гарантии безопасности странам Ближнего Востока, включая Иран.
- 4.8. Большинство членов группы считают многообещающей идею учреждения акционерного общества по обогащению урана (по аналогии с URENCO, Eurodif или Международным центром по обогащению урана) на базе иранского ядерного топливного цикла с участием региональных держав. Интернационализация и регионализация ядерного топливного цикла укрепит региональное сотрудничество. Представители соседних государств в руководящих структурах компании добавляют иранской ядерной программе прозрачности.

Материалы ПИР-Центра

Первая встреча российско-американской рабочей группы по иранской ядерной проблеме под эгидой ПИР-Центра и Центра стратегических исследований Южной Азии и Ближнего Востока

Гштаад, Швейцария,
27–29 января 2014 г.

- Будущее иранской ядерной программы
- Вопрос санкций
- Отношения Ирана с международным сообществом
- Региональная политика

<http://irangroup.pircenter.org/>

4.9. Некоторые члены группы считают, что регионализация иранского ядерного топливного цикла может послужить примером для других стран (включая страны ядерной пятерки и государства, де-факто обладающие ядерным оружием). Это позволит усовершенствовать ряд положений ДНЯО и может стать путем к принятию Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ).

Примечания

¹ Данный документ представляет собой резюме встречи, проходившей в формате *Chatham House*. Резюме было подготовлено координатором программы ПИР-Центра Андреем Баклицким и профессором Центра стратегических исследований Южной Азии и Ближнего Востока Гавдатом Бахгатом. Документ отражает ход дискуссии во время встречи, но не является консенсусным документом.

АФГАНИСТАН В 2014 Г. И ПОСЛЕ: ПРОСТРАНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ НАВИСШАЯ ОПАСНОСТЬ

Будущее Афганистана и Центральной Азии может стать одной из серьезнейших проблем для международного сообщества после вывода войск НАТО в 2014 г. Эта проблема связана не только с объективными внутренними проблемами Афганистана, но и с различными интересами глобальных и региональных игроков, присутствующих в регионе.

Как будет развиваться ситуация в Афганистане в 2014 г. и после? Способно ли афганское общество к самостоятельному управлению страной? Будет ли эффективна борьба с незаконным оборотом наркотиков в Афганистане? Какова роль внешних игроков в афганском урегулировании и развитии страны? Почему не развивается сотрудничество между ОДКБ и НАТО? Какова будущая роль НАТО в Афганистане и как она видит сотрудничество с Россией?

В расширенном заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра — международном семинаре «Как должно строиться сотрудничество между Россией и НАТО по Афганистану в 2014 г. и после?» приняли участие: специальный представитель Президента Российской Федерации по делам ШОС Кирилл **Барский**, старший вице-президент ПИР-Центра Евгений **Бужинский**, специальный представитель России при ОДКБ Виктор **Васильев**, заместитель начальника главного управления международного военного сотрудничества министерства обороны России Дмитрий **Запорожец**, директор Центра по изучению конфликтов и мира Хекмат **Карзай**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Вадим **Козюлин**, президент ПИР-Центра Владимир **Орлов**, руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН Татьяна **Пархалина**, директор Информационного бюро НАТО в Москве Роберт **Пшель**, руководитель Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований Елена **Супонина**, глава отдела Афганистана Управления НАТО по операциям Николас **Уильямс**, глава представительства Европейского союза в Российской Федерации, бывший специальный представитель Европейского союза и глава представительства ЕС в Афганистане Вигаудас **Ушацкас**, и.о. начальника отдела Афганистана Второго департамента Азии МИД России Альберт **Хорев**.

ОРЛОВ: Мы неоднократно слышали о том, что война не является решением проблем в Афганистане, что посредством политических переговоров возможно обеспечение мира и спокойствия в этой стране. Вероятно, Афганистан для НАТО и России — это одно из немногих полей, где остаются возможности для реального видимого конструктивного сотрудничества. Мне представляется, что упустить эти возможности было бы непростительно.

НАТО В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ 2014 г. И РОССИЯ

ПШЕЛЬ: В НАТО считают, что для наших российских друзей будущее Афганистана, безопасность, как в Афганистане, так и в регионе, также является приоритетом. Это одна из тех сфер, в которых НАТО и Россия должны эффективно сотрудничать.

Но есть два подхода, которых нужно избежать. Первый — это тотальная критика НАТО в том, что организация ничего не добилась, совершила только ошибки, — с этим связана очень пессимистическая оценка того, что может произойти в Афганистане. Конечно, любая точка зрения имеет право на существование, однако, если посмотреть на статистику, только 15% жителей Афганистана поддерживают талибов, вследствие чего мы считаем, что тотальный пессимизм в отношении Афганистана не основан на реальных фактах.

С другой стороны, бывают суждения о том, что задачи уже расписаны по ролям, есть НАТО, есть другие организации, поэтому, если идет такая критика, — ладно, услышали и забыли. Для нас как для НАТО взгляды России очень важны. И здесь играет роль не фактор политической корректности, а лишь вопрос общих интересов, связанных с безопасностью в Афганистане. И конечно то, что сегодня удалось собрать в этом зале большое количество представителей всех стран, которые участвуют в мероприятиях, это военные и другие ключевые для Афганистана фигуры. Но здесь же находятся представители как самого Афганистана, так и стран-соседей — без их участия, на мой взгляд, дискуссия не была бы полноценной.

Нам надо обратить внимание на все аспекты этого сотрудничества и очень серьезно, в дружественной атмосфере обсудить все возникающие сложные вопросы.

УИЛЬЯМС: Мой афганский опыт показывает, что нельзя полагаться на наихудший сценарий для Афганистана. Если вы вспомните, что ежегодно предсказывали Афганистану — крах, провал и успех повстанцев. На самом деле из года в год положение в области безопасности улучшается, расширяются возможности правительства, улучшается социальное положение населения.

Тем не менее существенные проблемы в Афганистане сохраняются. 2014 г. для НАТО — это окончание миссии ИСАФ, но это не конец международного участия или участия НАТО в делах Афганистана. Там будут сохраняться реальные проблемы, которыми международному сообществу необходимо заниматься. Подпольные движения не завершат свою деятельность в 2014 г., когда ИСАФ свернет свою миссию. Повстанцы подпитываются элементами из соседних стран. Но эта проблема не создает реальную угрозу для афганского народа и, тем более, не находит реальной поддержки среди афганцев. Наиболее надежные оценки показывают, что Талибан и другие подпольные группировки, даже в самых проблемных регионах, на юге и местами на востоке, не находят поддержки более 15% населения.

Да, ожидаются реальные проблемы в правительстве. Афганское правительство, хотя и сделало большие успехи в течение последних десяти лет, до сих пор ограничено в своих возможностях. Соблюдение прав человека также остается проблемой в Афганистане. Роль и отношение к женщинам по-прежнему вызывают серьезную озабоченность международного сообщества. Так что еще существуют значительные проблемы, которые предстоит решить после 2014 г., и мы в НАТО, конечно, не свели их к минимуму. Но одновременно мы считаем, что существует прочная основа для продолжения усилий по стабилизации и улучшения ситуации в Афганистане. И мы в НАТО считаем, что необходимо оказывать дальнейшую поддержку Афганистану после 2014 г. не только с точки зрения безопасности, но и в более широком смысле.

Основной посыл конференции по Афганистану два года назад был в том, что главная задача международного сообщества и НАТО последних десяти лет — строи-

тельство афганских сил безопасности — должна быть достигнута. Также было признано, что Афганистан будет по-прежнему нуждаться в определенной форме содействия безопасности после 2014 г. Еще можно упомянуть Токийскую конференцию, на которой была изложена более широкая приверженность международному развитию в Афганистане. Токио неявно предполагало, что после десятилетия трансформации и значительного международного финансирования Афганистана успехом будет считаться, если Афганистан предстанет страной не лучшей, чем Бангладеш или любая другая бедная страна мира. Другими словами, Афганистану требуется еще десять лет международной поддержки, чтобы стать нормальным развивающимся государством.

И третий элемент, который, как мы думаем, является необходимым и заменяющим обязательства НАТО — после 2014 г. НАТО будет менее заметной и менее значительна в усилиях международного сообщества, в большей степени направленных на гражданское общество, обучение небоевых миссий, консультирование и оказание помощи афганским силам безопасности. Они по-прежнему будут нуждаться в некотором потенциале, как мы это называем. Мы также продолжим финансировать афганскую национальную армию на уровне, необходимом для сдерживания и противодействия повстанцам. Целью является формирование 352 тыс. военнослужащих до 2017–2018 гг. Афганистан выделит на это 500 млн долларов, остальные члены международного сообщества, в частности США, обязались предоставлять до 4 млрд долларов в год в течение нескольких следующих лет. Необходимые механизмы для этого созданы. Мы также будем работать над предложениями по углублению так называемого долгосрочного партнерства НАТО и Афганистана после 2014 г.

Я думаю, что мы можем бесконечно обсуждать, насколько хороши будут афганские национальные силы безопасности в конце 2014 г. Мы считаем, что они будут достаточно хороши для задачи, которая перед ними стоит, хотя они по-прежнему нуждаются в помощи. Мы можем бесконечно обсуждать необходимость улучшения работы правительства и снижения коррупции. Но я согласен, что мы стоим перед ключевым моментом в истории Афганистана. И этот ключевой момент не связан с международным сообществом, НАТО, Россией, ООН или какой-либо другой внешней стратегией. Ключевой момент, с которым мы сталкиваемся, — это решения, принятые правительством Афганистана. И есть лишь одна вещь, которая может поставить под угрозу все, с чем мы пришли к 2014 г., — то, что я бы назвал недоразумением и просчетом самого афганского правительства.

Поскольку все эти ключевые решения уже были сделаны, проблемы на Ближнем Востоке и проблемы безопасности в наших странах изменили относительную важность Афганистана в международных делах. Разумеется, обязательства НАТО, сделанные в Чикаго и Токио, никто не дезавуирует. Но проблема в том, что некоторые обязательства в отношении Афганистана могут показаться не срочными, и только активность самого правительства Афганистана может помочь принимать решения о помощи своевременно, в том случае, когда это будет необходимо.

И вторая точка возможных просчетов и непонимания. Мы официально решили осуществить переход ответственности за безопасность обратно к афганским силам безопасности на нашей встрече в верхах в 2010 г. Мы договорились с президентом Карзаем и предложили программу, которая завершится в конце 2014 г. Если мы хотим определить форму присутствия НАТО после 2014 г., у нас заканчивается время, чтобы спланировать это, чтобы получить согласие национального парламента, чтобы грамотно организовать свое присутствие начиная с 2015 г. Понятие времени и планирования не совсем понятно нашим коллегам в Афганистане.

И третье направление возможных недоразумений и просчетов — это то, что я бы назвал взаимопомощью. В Лиссабоне, в Токио, в Чикаго правительство Афганиста-

на приняло на себя многочисленные обязательства по улучшению работы правительства, о сокращении коррупции и улучшении прав человека. Да, мы все знаем, потенциал афганского правительства ограничен, но он растет, и оно уже добилось прогресса. Да, за последние десять лет мы значительно сократили наши ожидания, но если обязательства будут полностью выполняться, это станет реальным признаком того, что успех правительства не зависит от щедрой помощи, которая была предоставлена международным сообществом.

ЗАПОРОЖЕЦ: Ситуация в Афганистане остается нестабильной и, по оценкам министерства обороны РФ, несмотря на численность национальной армии, ее боеготовность остается низкой, высок процент дезертирства: только за 3 последних года общее количество дезертиров составило порядка 60 тыс.

Данная категория, получившая военную подготовку, без сомнения, пополняет ряды боевиков. Решение о выводе из страны Международных сил содействия безопасности активизировало деятельность террористов. Безусловно, для нас тревожным фактором остается наращивание группировки вооруженной оппозиции в северных провинциях Афганистана, которые граничат с нашими союзниками по ОДКБ. Большая часть границы, например, с Таджикистаном, сегодня с афганской стороны практически не контролируется, поэтому нами предпринимаются меры по повышению боеспособности вооруженных сил наших союзников из Центральной Азии. Как нам представляется, без внешней поддержки ситуация в Афганистане после 2014 г. будет деградировать — страна может вновь попасть под власть экстремистов. В этих условиях необходимы комплексный совместный анализ ситуации и подготовка интегрированного плана действий по стабилизации Афганистана, по нашим оценкам, на 5–10 лет. Как нам кажется, в эту работу необходимо привлечь более широкий спектр региональных партнеров и прежде всего ОДКБ — эта организация обладает хорошим потенциалом и набором идей по согласованным действиям на афганском направлении.

Взаимодействие по Афганистану остается одним из приоритетов работы Совета Россия–НАТО по военным линиям, и министерство обороны РФ придает этому направлению важное значение. Так, одним из практических шагов на 2014 г. министром обороны РФ на заседании Совета Россия–НАТО на уровне министров обороны в России предложено создать Международный центр разминирования — этот вопрос в настоящее время находится в стадии проработки. По нашему мнению, этот центр мог бы заниматься подготовкой не только афганских, но и любых других специалистов и формированием подразделений оперативного обезвреживания всех типов мин. Кроме того, мы продолжаем работу в рамках реализации проектов ОБСЕ по оказанию помощи приграничным с Афганистаном государствам в ликвидации избыточного не пригодного для применения оружия и боеприпасов, усилению контроля за имеющимися вооружениями, тренингу персонала, обеспечивающего сохранность стрелкового оружия и боеприпасов к нему.

В рамках подготовки и переподготовки военнослужащих специалистов антинаркотических и полицейских структур в учебных заведениях Минобороны России и МВД России обучаются военнослужащие Афганистана: в вузах минобороны непосредственно обучается 39 человек, рассмотрена положительно заявка на обучение в 2014 г. 62 военнослужащих. Кроме этого в настоящее время минобороны России рассматривает возможность организации дополнительной заявки афганской стороны на поставку афганским силам охраны правопорядка стрелкового оружия и боеприпасов.

ПАРХАЛИНА: Россия не заинтересована ни в победе НАТО в Афганистане, имея в виду наш опыт, так сказать афганский синдром, ни в поражении, конечно же, поскольку то, что происходит в Афганистане, затрагивает интересы национальной безопасности России, и я хочу напомнить, что даже в период Кавказской войны

Россия и НАТО не прерывали сотрудничество по Афганистану — уникальная была ситуация, давайте не будем об этом забывать.

Среди достижений миссии международных сил в Афганистане я бы назвала два, о которых не говорилось. Первое — это то, что Китай уже пришел и дальше хочет инвестировать в Афганистан. Причем, как вам известно, после смены элит в Китае представители Си Цзиньпина поехали в Кабул и озвучили цифру — они хотят инвестировать около 1 трлн долл. в Китай.

И второе достижение, на мой взгляд, — это положение женщины. Будучи женщиной, я всегда обращаю на это внимание и приведу один пример: если женщина-генерал возглавляет Комитет по обороне парламента Афганистана, это уже говорит об изменениях ситуации. А если говорить о негативных моментах, то к тем печальным развитиям, о которых здесь говорилось, мне хотелось бы добавить следующее: есть уже замеры, согласно которым сейчас из национальной армии в войсковые объединения Талибана и бандитских формирований дезертирует где-то 6–7 человек из 10, после 2014 г. будет дезертировать 9 из 10, — это катастрофическая ситуация. Катастрофическая ситуация складывается и вокруг роста пиратских актов и роста наркотрафика в Афганистане и далее в Россию и в Европу.

20 лет я занимаюсь отношениями Россия–НАТО, и мне представляется, что на сегодняшний день есть два трека, сотрудничество по которым не вызывает у меня никаких опасений: это Афганистан и борьба с пиратством. Эти два трека не окрашены никакой идеологией, есть понимание того, что обе стороны должны вкладывать в проблемы безопасности общие усилия, поэтому, конечно, сотрудничество будет продолжаться. Понятно, что уже есть *дорожные карты*.

Мне представляется, что и Россия, и НАТО должны способствовать реструктуризации экономики Афганистана после 2014 г. — без этого ни о каких судьбоносных решениях мы говорить не можем. Иначе говоря, они не должны ограничиваться только сотрудничеством по обратному транзиту или по реструктуризации вооруженных сил страны. И второе, вне всякого сомнения, необходимо сотрудничество России и НАТО по сокращению наркотрафика. Это очень сложный вопрос, очень чувствительный для НАТО, я знаю, что представители Альянса неоднократно заявляли о том, что это не их зона ответственности, что это не является частью миссии. Но сейчас сложилось такое положение, когда существует угроза безопасности стран Альянса, поэтому я считаю, что необходимо продуманное и очень тесное эффективное сотрудничество в этом направлении.

АФГАНИСТАН В 2014 г. И ПОСЛЕ

КОЗЮЛИН: С одной стороны, по Афганистану мы сегодня имеем огромное количество информации и множество разнообразных мнений. Есть информация позитивная. Я читаю буклет НАТО: «Афганская национальная армия и полиция практически выполнили план по подготовке численного состава», — но этот буклет был подготовлен в мае 2012 г., то есть задача была решена еще год назад.

Мы знаем, что в Афганистане развиваются инфраструктурные проекты: строятся дороги, коммуникации, линии электропередач. В Афганистане 20 тыс. абонентов сотовой связи, широкая сеть Интернета. Целое поколение афганцев закончило школу, и сегодня есть люди со средним образованием, которые начали учиться в первом классе в афганских школах и в этом году закончили среднюю школу. То есть существует уже поколение афганцев с новым мышлением (как бы сказали в период перестройки).

С другой стороны, мы знаем, что в Афганистане практически отсутствует банковская система (по тем сообщениям, которые доходят), экономика в плачевном

состоянии — мы слышим о большой коррупции, наркотрафике и т.д. Что из этого правда и где та золотая середина, на которую нам нужно ориентироваться? Имеющаяся информация во многом не дает верных ориентиров. Сегодня у нас есть замечательная возможность услышать об этом из уст людей, которые занимаются Афганистаном по долгу службы, живут в этой стране, знают ее историю, и, надеюсь, сегодня поделятся этой информацией с нами.

ХОРЕВ: Последнее время мы слышим, в основном от наших западных коллег, в различных форматах слова и статистику в подкрепление достижений, которые достиг Афганистан за последние 10 лет. В частности говорится о значительном прогрессе в сфере медицинского обеспечения, образования, роста ВВП на душу населения и т.д. Нас немного тревожит, что все-таки идет явный перекося в сторону этих достижений, а оставшиеся проблемы упоминаются вскользь. Например, как-то умалчивается, что Афганистан имеет один из самых высоких показателей в мире по уровню безграмотности, который составляет более 1/3 населения.

Как-то опускается, что около 36% от общего числа населения живет за чертой бедности, растет безработица — в крупных городах это чувствуется особенно сильно. Например, в Кабуле она достигает 70%. Мы склонны думать, что идет самоуспокоение, и это обусловлено тем, что НАТО приняло решение о сокращении своего военного присутствия, о его переформатировании после 2014 г. И по последним форумам создается впечатление, что западные партнеры, в частности НАТО, по большому счету уверены, что свою основную работу в Афганистане они сделаны, считая афганскую кампанию *прочитанной страницей*.

Мы не разделяем эти подходы, особенно нас тревожит развитие текущей ситуации в Афганистане. Согласно докладу МООНС, уровень насилия в Афганистане в 2013 г. вырос в 3 раза по сравнению с 2012 г. В последние недели и месяцы отмечается самый широкий географический диапазон действия экстремистов и столкновения с ними афганских и международных сил безопасности. Начиная с востока через юго-восток на юг, юго-запад и запад, вплоть до северо-запада и северных районов страны, боевики вооруженной оппозиции, воспользовавшись процессом постепенного сворачивания иностранных военных присутствий, передачи всей ответственности за безопасность афганским силам, распространили свой контроль на значительную часть страны. Росту влияния боевиков способствуют и увеличившийся в этом году на 50% объем наркопроизводства, что автоматически означает потенциальный рост финансовых поступлений на цели террористических группировок. Боевики продолжают минно-взрывные акции, атаки смертников против афганских и иностранных военнослужащих. Кроме того, активно используется тактика покушений на высокие должностные лица.

Показательно, что с 2012 г. боевики перестали уклоняться от открытых боевых столкновений с афганскими силами безопасности. Как следствие, отмечается резкий рост жертв среди афганских национальных сил национальной безопасности. По данным руководства министерства обороны Афганистана, в последнее время потери афганских военнослужащих составляют до 200 убитых военнослужащих в месяц, при этом до 300 еще получают ранения. Как следствие, в афганских силовых структурах наблюдается падения боевого духа, повышение уровня дезертирства, — по некоторым оценкам, до 5–6 тысяч человек в месяц.

Особенно нас тревожит положение на северо-востоке Афганистана, в провинциях Бадахшан, Тахар и Кундуз, где сейчас сосредоточены большие силы экстремистов, в частности боевиков движения талибов, исламского движения Узбекистана и ряда других. Общее количество боевиков различных группировок на севере Афганистана, по нашим оценкам, приближается к 10 тыс. военнослужащих, и это нас очень

тревожит, поскольку при определенных условиях эти силы способны взорвать стабильность в прилегающих районах Центрально-Азиатских стран.

Как нам кажется, все вышесказанное необходимо учитывать руководству НАТО при разработке параметров новой миссии, которая, на наш взгляд, должна получить одобрение СБ ООН, считаем также необходимым учитывать позицию Кабула в отношении будущего мандата ООН в Афганистане после 2014 г. Как известно, афганцы считают, что времена международного менторства безвозвратно ушли в прошлое и Кабулу нужен не поводырь, а партнер.

Что касается талибов и программы примирения с ними, мы убеждены в том, что лидирующую позицию в этом процессе должен занять Кабул, официальная афганская власть, и уполномоченный ими на это специальный орган — Высший совет мира, при этом должны соблюдаться три известных условия национального примирения.

Ряд экспертов высказывают мнение, что часть руководства талибов свыкается с идеей политического компромисса, однако исключительно на своих условиях. Эти условия в той или иной степени можно свести к следующим: вывод всех иностранных войск и контингент с территории Афганистана, освобождение всех заключенных талибов, особенно содержащихся в американской тюрьме в Гуантанамо, а также исключение всех талибских фигурантов из синхронного списка СБ ООН.

Что касается текста самого соглашения, у нас возникает ряд вопросов, например, о его сроках. Оно вступает в силу с 1 января 2015 г. и будет действовать до 2024 г. и после этого периода, т.е. это можно трактовать как, по сути, бессрочное пребывание иностранных войск, если какая-либо сторона не уведомит другую в письменном виде за 2 года до его прекращения. Мы отмечаем среди плюсов соглашения, что США берут на себя обязательства не нападать на третьи страны с территории Афганистана, а также не использовать территорию ИРА для размещения оружия массового уничтожения.

КАРЗАЙ: Я хотел бы сказать о трех важных изменениях, с которыми сталкивается Афганистан. Это изменения в сфере безопасности, политические изменения и экономические изменения. По моему мнению, если мы успешно справимся с ними, мы избежим худших вариантов развития нашего будущего.

Изменения в сфере безопасности Афганистана предоставят международному сообществу возможность покинуть Афганистан. 18 июня 2013 г. Афганистан взял полную ответственность за свою безопасность. Но силы безопасности Афганистана все еще имеют серьезные проблемы, и помочь в их решении нам может не только НАТО, но и все международное сообщество. Во-первых, нам все еще нужна поддержка с формированием и обучением военно-воздушных сил. Нам все еще нужна поддержка в сфере логистики. Нам все еще нужна помощь в сфере медицинской эвакуации.

Одна из основных проблем заключается в том, что потери Афганских сил национальной безопасности стали невероятно высоки. Причиной высокой смертности являются самодельные взрывные устройства, и мы нуждаемся в значительной помощи, чтобы двигаться вперед и развивать свои силы безопасности, чтобы они были способны устранять угрозы, с которыми мы сталкиваемся.

Теперь позвольте мне осветить вопрос политических изменений. В них важны две вещи. Во-первых, это выборы. Во-вторых, *примирение*. Чтобы продвинуть политический процесс вперед, Афганистан должен проводить прозрачные выборы, свободные от любого международного вмешательства. Но самое главное, ключевое послание, которое мы должны дать молодежи и женщинам Афганистана заключается в том, что они должны голосовать или позволить кому-то другому выбирать за них. Лучше конечно, чтобы они сами выбирали, как и кто будет управлять страной.

Большинство афганцев скажет вам, что военные — это не решение конфликта в Афганистане. И это не вопрос, а очевидность для афганцев. Но, к сожалению, когда дело доходит до политического процесса, мы сталкиваемся с четырьмя проблемами (которые необходимо решить, чтобы достичь мира).

Во-первых, правительство Афганистана и международное сообщество должны развивать стратегическое видение, если дело доходит до политического урегулирования. Но так как у нас нет такого видения, большинство международных партнеров думают, что дотянуться до талибов достаточно легко.

Во-вторых, проблема состоит в том, что Пакистан должен взять на себя активную роль в мирном процессе в Афганистане. К сожалению, всякий раз, когда выстраиваются конструктивные каналы, Пакистан отказывается их принимать.

Третья проблема заключается в том, что Соединенные Штаты должны говорить единым голосом, когда речь заходит о примирении. Министерство обороны США продолжает думать, что оно способно подавить повстанческое движение военным путем. В то время как государственный департамент видит политическую возможность контактов с повстанцами. Мы должны быть уверены, что США говорят одним голосом, что отдельные ведомства не в состоянии справиться со своими задачами в одиночку.

В-четвертых, есть еще несколько боевиков *Талибана*, которые считают, если мятеж продолжится, если международная коалиция уйдет, значит, они придут к власти. Этого не произойдет: Афганистан, который мы сейчас видим, — это не тот Афганистан, что был в 1990-х гг. Нынешнее поколение афганцев на 67% состоит из молодых людей в возрасте до 25 лет, которые нельзя контролировать драконовскими мерами.

Я считаю, что в дополнение к двум изменениям, упомянутым выше нам необходимо переключить внимание на изменения в экономике. Я вижу четыре проблемы, в решении которых может крыться успешная основа экономической стратегии Афганистана.

Во-первых, география Афганистана всегда была его активом. Я думаю, что этот актив — одно из наших величайших преимуществ. Превращение Афганистана в центр нашего региона может обеспечить рост торговли с Центральной Азией, Южной Азией и Ближним Востоком, особенно с учетом ресурсов, доступных не только в Центральной Азии, но и в Афганистане.

Во-вторых, и это я считаю нашим величайшим активом, Афганистан — одна из самых молодых государств не только в регионе, но и в мире. Если получить хорошее образование, особенно в технических областях машиностроения, это позволит нам разрабатывать наши месторождения собственными силами, без помощи извне.

В-третьих, мы понимаем, что Афганистан располагает полезными ископаемыми стоимостью приблизительно в 10–15 трлн долларов. Однако имея такое количество полезных ископаемых, Афганистан может либо превратиться в какую-то африканскую страну, где от добычи минералов пользу получает только 1% населения, либо в центр стабильности.

Наконец афганцы по своей природе чрезвычайно предприимчивы. Для укрепления предпринимательского духа нам нужно создать среду, способствующую этому. И в этой связи я хочу отметить наши отношения с Россией, экономическая комиссия которой посетила Афганистан в прошлом году. Мы надеемся, что между нашими государствами и нашими народами установятся более глубокие партнерские отношения. Я думаю, что мы действительно сможем стать партнерами не только с НАТО, но и с Россией. Мы не хотим, чтобы НАТО смотрело на Афганистан через

призму России, мы не хотим, чтобы Россия смотрела на нас через призму НАТО. Мы хотим, чтобы двустороннее партнерство и отношения приносили взаимную пользу.

СУПОНИНА: В начале апреля в Афганистане состоялся первый тур президентских выборов. Как и ожидалось, из-за примерно равного количества голосов, полученных основными кандидатами, понадобился второй тур, назначенный на середину июня¹.

Накануне первого тура более 80% афганцев признавались в том, что им страшно идти на участки голосования. Люди опасались террористических атак.

Таковы результаты опроса, который в начале декабря 2013 г. опубликовала международная неправительственная организация «Азиатский фонд». Она базируется в Сан-Франциско, но ее эксперты выезжали в Афганистан и выборочно опрашивали людей во всех провинциях страны.

Этот отчет показал, что на первое место среди проблем афганцы ставят отсутствие безопасности, на второе — коррупцию, на третье — безработицу и сложности трудоустройства. В афганском обществе появился запрос на перемены во власти.

Недовольство вызывают перебои с электричеством, плохие дороги или просто их отсутствие, а также другие проблемы в инфраструктуре. Показательно, что опрошенные демонстрировали низкий уровень доверия и уважения к работе парламента — всего 15%.

Важно, что одновременно афганцы очень доверяют национальной армии — такое мнение высказали 86% человек. И около 76% согласились с тем, что Афганистан в одиночку не справится со своими проблемами и что необходима международная помощь, в первую очередь гуманитарная.

Международное сообщество, однако, вряд ли сможет уделить Афганистану в предстоящие годы столько внимания, сколько он заслуживает. Потому что происходящее в Афганистане приходится рассматривать в контексте остальных мировых событий.

А общий фон негативен: мир продолжает переживать период неожиданных и глубоких потрясений, обостряются социальные противоречия, в ряде стран меняется численный и национальный состав населения, да и финансовый и экономический кризис отнюдь не закончились.

Беспорядок будет в ближайшие годы нарастать во всем мире, а к югу от России и к западу от Китая образуется даже не пояс, а широкая полоса нестабильности. И при всей его важности Афганистан — это только часть очень большой группы проблем.

Только один пример. В апреле 2014 г. судьбоносные выборы состоялись не только в Афганистане, но и в Ираке. Какой стране в 2014 г. международному сообществу придется уделять больше внимания — Афганистану или Ираку? А может быть, Сирии? Или это внимание будет распределено в соответствии с интересами каждого из игроков?

По данным ООН, в 2012 г. в Афганистане в ходе терактов и обстрелов погибло 2754 гражданских лиц. За год. А с январь по июнь 2013 г., то есть за полгода — еще 1319 граждан. То есть за год будет примерно столько же. Чтобы было понятно: в среднем в месяц, простите за сухость цифр, это где-то 220. Точных данных количества погибших гражданских лиц вместе с военными нет, обычно это примерно еще столько же или даже меньше. Итак, около 400 человек в месяц.

Вместе с тем в Ираке только в июле 2013 г. был поставлен своеобразный рекорд для этой страны за последние пять лет — 1057 убитых, по данным ООН, по инфор-

мации иракского Министерства здравоохранения, чуть меньше, но тоже почти 1000 человек за месяц.

Если в Афганистане после 2014 г. начнет реализовываться один из худших сценариев развития событий (а такие прогнозы есть), в первую очередь это будет означать увеличение, причем в десятки раз, человеческих потерь. И еще, неизбежен рост числа беженцев.

Сегодня эксперты сошлись на том, что нестабильность не только сохранится, но и усилится. Большинство экспертов прогнозирует продолжение конфликта с постепенным нарастанием его до масштабов гражданской войны.

Если это будет так, весьма вероятен и новый всплеск враждебности между религиозными и национальными общинами, что представляет опасность не только для Афганистана, но и для всего региона. Теракты в местах, где молятся мусульмане-шииты или мусульмане-сунниты, в последние два года участились в Афганистане, Пакистане, в некоторых арабских странах.

Однако, повторяюсь, на фоне других международных проблем есть основания предполагать, что внимание отдельных игроков к Афганистану, несмотря на все исходящие из этой страны угрозы, время от времени невольно будет ослабевать.

И в такой ситуации только возрастает необходимость коллективных и согласованных действий. Да, различия в позициях и интересах России, с одной стороны, и стран НАТО, с другой, по отношению к Афганистану неизбежно имеются. Но есть и общие задачи. Учитывая многие другие проблемы современной действительности, надо делать акцент на этих задачах. Иначе возрастет вероятность более неприятных и трудно предсказуемых сценариев в обстановке общей нестабильности.

ЗАСТАРЕЛАЯ ПРОБЛЕМА АФГАНСКИХ НАРКОТИКОВ

СУПОНИНА: Российские эксперты по региону Ближнего и Среднего Востока наиболее серьезной угрозой из Афганистана и сейчас, и в ближайшем будущем видят сохранение наркотрафика.

Управление ООН по наркотикам и преступности сообщает, что площади под опиумный мак в последние годы увеличиваются. Растет и число провинций, где его выращивают. Если в 2010 г. его выращивали в 14 провинциях, то в 2012 г. — в 17, а в 2013 г. — уже в 19. Причем статус свободных от маковых полей утратили, что особенно тревожно для России, две северных провинции Афганистана — Балх и Фарьяб.

Афганистан — мировой лидер (до 90%) по производству опиатов. В Россию ежегодно попадает до 80 т героина из Афганистана, что в 4 раза больше, чем в США и Канаду, вместе взятые. И здесь вполне возможно более тесное сотрудничество антинаркотических подразделений России, стран НАТО, а также соседей Афганистана — Таджикистана, Пакистана, Ирана.

Несмотря на мрачные военно-политические прогнозы, в конце скажу о том, что Россия, как и многие другие, проявляет интерес к экономическому сотрудничеству с Афганистаном. В сентябре 2013 г. в Кабуле состоялось второе заседание Российско-афганской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Российскую делегацию возглавил заместитель министра энергетики Юрий Сентюрин.

В ходе этого заседания, кстати, россияне и афганцы обсуждали перспективу вывоза части невоенного имущества НАТО по северному маршруту. Со своей стороны российские специалисты до этого уже говорили об этом с натовскими кол-

легами в рамках Совета Россия–НАТО. Это одна из возможностей для сотрудничества между Россией и НАТО по Афганистану в 2014 г.

КАРЗАЙ: Если акцентироваться на проблеме наркотиков, мы увидим, что Афганистан не ответственен за спрос. От кого исходит этот спрос? Он исходит с улиц Парижа, Лондона и других столиц.

Мы, конечно, можем попытаться наказать крестьян, но это приведет только к сокращению 5% прибыли — основная прибыль делается за рубежом. Как мы можем бороться с ней в Афганистане? Борьба с предложением и борьба со спросом — это разные вещи.

Если мы предоставим афганскому фермеру альтернативу, эта проблема будет сохраняться. Если мы не предоставим афганскому фермеру, производящему овощи рынок, где он сможет продавать свой урожай, он будет только сводить концы с концами. Последние 13 лет афганцы жаловались на создание условий для торговли? Как насчет строительства дорог или рынков для нас? Сегодня одна из безумнейших вещей заключается в том, что из-за нехватки средств мы выращиваем овощи, которые затем отправляем в Пакистан, а затем они возвращаются в Афганистан для продажи... афганцам. Если мы создадим условия и дадим фермерам возможность выращивать шафран, овощи и фрукты, мы решим эту проблему. Просто обвиняя афганского фермера, ее не решить.

УИЛЬЯМС: Что касается наркотиков, в определенной степени я был вовлечен в британские антинаркотические усилия на юге Афганистана. Ошибочно считать, что никаких успехов в борьбе с наркотиками в Афганистане не достигнуто. Проблема более широкая — вопрос не только в спросе или предложении, но и в правовых рамках. Должны быть четко понятны юридические последствия производства наркотиков. И не надо переваливать ответственность с фермера на покупателя и обратно, иначе можно начать *играть в пинг-понг* с точки зрения ответственности.

Есть ряд бизнесменов, очевидно и значительно связанных с наркопроизводством в Афганистане, которые часто избегают реальных юридических санкций. Корень всего этого — в слабости афганской законодательной системы, в слабости правовой и правоохранительной системы, частично связанной с проблемой повстанцев. Потребуется еще ни одно десятилетие усилий, чтобы афганцы смогли справиться с этой проблемой. Однако без сильного афганского правительства ни одна из этих проблем решена не будет.

ХОРЕВ: Я согласен, что развитие альтернативных источников хозяйства для афганских фермеров — это лишь часть проблемы, но это очень важная часть. Насколько я знаю, ФСКН России очень активно работает в этом направлении: с 2010 г. совместно с американцами и афганцами проводятся антинаркотические операции. Насколько я знаю, и в 2013 г. тоже проводились подобные операции. Участие сотрудников ФСКН ограничивается предоставлением оперативной информации, они принимают участие и в качестве наблюдателя. И на столе переговоров, в том числе об укреплении взаимодействия с НАТО по антинаркотической сфере, ФСКН выработаны два предложения: создание интерактивной карты наркопосевов в Афганистане, а также предложение включать нарковладельцев земель, на которых возделываются посевы опия, в специальный список, типа черного списка талибов СБ ООН.

УКРЕПЛЕНИЕ РОЛИ ШОС И ЕС В АФГАНСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ

БАРСКИЙ: Безопасность — не единственная сфера, в которой Афганистан мог бы участвовать по линии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Мы все-

рьез задумываемся над тем, чтобы соответствующие организации Афганистана все более активно участвовали в экономических мероприятиях по линии ШОС.

6 декабря 2013 г. в Москве был подписан меморандум о создании энергетического клуба. Это неформальная площадка для обсуждения всего комплекса проблем энергетической безопасности и энергетического сотрудничества, формат, в котором будут участвовать не только государства-члены, но и практически на равноправной основе и государства-наблюдатели, и партнеры по диалогу. И надо сказать, что Афганистан одним из первых поддержал эту инициативу и подписал соответствующий меморандум.

Значимое направление — масштабное содействие государствами — членами ШОС правительству Афганистана. Эта работа идет по двусторонней линии, но у ШОС есть все возможности для координации своих усилий в этом направлении. Чем полезен формат ШОС в плане многостороннего сотрудничества по Афганистану? Я бы выделил несколько моментов. *Во-первых*, в ШОС присутствуют ведущие региональные державы. Это то самое региональное сообщество, в которое Афганистан, по заявлению его руководителей, хотел бы вернуться, войти, работать в нем.

Активным участником ШОС является Китай, и это принципиально важный момент. У Китая по Афганистану очень позитивная и активная позиция. Китай убежден в том, что региональными делами прежде всего должны заниматься региональные организации, и в данном случае Китай при обсуждении проблематики ШОС в контексте региональной безопасности предложил целую программу действий, которое предусматривает усиление обмена информацией, подготовку кадров, оказание скоординированного экономического содействия по Афганистану, приглашение афганцев к участию в учениях по линии ШОС, налаживание взаимодействий по укреплению границ, наращивание сотрудничества с Афганистаном в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика, инфраструктурное строительство, транспорт, оказание помощи становлению развития систем образования, здравоохранения и т.д. Другими словами, Китай не только много делает в отношении Афганистана, но и предлагает укреплять многостороннее сотрудничество прежде всего по линии ШОС.

Второй момент, которой мне представляется очень любопытным: государства-наблюдатели при ШОС, как вы знаете, их пять, — это ведущие региональные державы, которые так или иначе вовлечены в афганское урегулирование и заинтересованы в скорейшем урегулировании проблемы Афганистана. Это Индия, Пакистан, Иран. Так вот, эти ведущие государства-наблюдатели при ШОС однозначно высказываются за активизацию деятельности ШОС на афганском направлении. Мы знаем, что между этими странами существует определенное различие и в подходах, и в интересах в контексте Афганистана, но именно в рамках ШОС, как представляется, эти государства могли бы найти общий язык и действовать сообща.

Что касается экономики, здесь совершенно очевидна заинтересованность всех этих стран в создании транспортных коридоров север–юг, в реализации энергетических проектов и т.д.

Третий момент, о котором я хотел бы сказать: привлекательность площадки ШОС заключается в ее неконфликтности и в определенном опыте, который она уже накопила при развитии регионального сотрудничества по вопросам безопасности, в частности по Афганистану. Хотел бы напомнить, что в марте 2009 г. под эгидой ШОС, в которой Россия председательствовала, была проведена большая международная спецконференция по Афганистану.

В этой конференции тогда приняли участие 36 делегаций, в том числе делегации достаточно высокого уровня, делегации международных организаций: присут-

ствовали генеральный секретарь ООН, делегация НАТО во главе с заместителем генерального секретаря, делегация Европейского союза. Конференция была очень интересной, удачной, этот опыт можно продолжить. Любопытно, что на этой площадке хорошо взаимодействовали между собой делегации ОДКБ и НАТО. Была принята декларация участников конференции, заявлений государств — членов ШОС и план действий по Афганистану. Государства — члены ШОС, как вы знаете, активно участвуют и в региональном сотрудничестве по Афганистану, в других форматах, в частности в Стамбульском процессе, являются участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и т.д. Таким образом, ШОС открыто и для приглашения на свою площадку других стран региона, и они активно к этому стремятся.

КОЗЮЛИН: Как ни крути, государства — члены ШОС — все соседи Афганистана, и очень влиятельные, и заинтересованные соседи, т.е. это идеальная площадка для обсуждения региональных проблем и проблем Афганистана. Пока, мне кажется, ШОС себя не проявил, пока ШОС только примеривается, наблюдает, как завершается старый сценарий. Но я думаю, что он уже готов предложить что-то новое. Чтобы я тут отметил: это то, что соседи Афганистана — страны ШОС не очень заинтересованы в присутствии США в этом регионе, т.е. сценарий уже предполагается отличный и состав участников другой. В этом коренится проблема, в том числе, отсутствия хорошего результата.

УШАЦКАС: Я хотел бы поделиться своим трехлетним опытом работы в Афганистане, рассказать о Европейском союзе, определить стоящие перед ним задачи и дать скромные рекомендации.

Во-первых, что делает Европейский союз в Афганистане? Безусловный интерес европейцев состоит в том, чтобы Афганистан не стал убежищем для террористов, чтобы в нем установились мир и стабильность. *Во-вторых*, наши цели в Афганистане, как и во многих других странах мира, — способствовать надлежащему управлению, поощрять уважение прав человека, особенно прав женщин, и строить демократические институты с надлежащими сдержками и противовесами. *И последнее*, но не менее значимое. Будучи крупнейшим донором в мире, ЕС находится в Афганистане, чтобы помочь искоренить бедность в стране. Имейте в виду, что страна остается одной из беднейших стран в мире — 42% населения живут за чертой бедности. И отстаивая свои интересы в Афганистане, мы работаем с США, НАТО и другими основными игроками в регионе.

Мы используем следующие инструменты: что касается помощи в целях развития, ЕС обязался поддержать Афганистан, предоставляя 1 млрд евро ежегодно. Около 300 млн евро идет из общего бюджета ЕС, а остальная сумма поступает от государств — членов ЕС.

Мы также способствуем развитию сектора безопасности Афганистана. ЕС помогает развитию национальной полиции через финансирование, а также через полицейскую миссию ЕС в Афганистане. Последнее, но не менее важное, мы работаем по региональным вопросам со многими странами, особенно соседними, и являемся одним из крупнейших сторонников Стамбульского процесса «Сердце Азии»².

Я хочу отметить, что прогресс, который страна достигла, поистине огромен. Видно, как происходят позитивные изменения, однако эти изменения все еще хрупки и обратимы. Эти изменения требуют постоянного лидерства самих афганцев, но они не справятся самостоятельно, без финансовой, профессиональной и политической поддержки в сферах безопасности, экономики и политического устройства.

В прошлом году 65% населения имели доступ к основам здравоохранения, сравнимая с 2002 г. — таких было только 9%. Другой пример — это свободные СМИ, очень агрессивные, активные, свободные СМИ Афганистана. Телевизионные

станции по-прежнему контролируются государством, но в то же время есть яркие свободные СМИ, которые проводят проверку реальных сдержек и противовесов в обществе.

Что касается права женщин, несмотря на сохраняющиеся серьезные проблемы, был достигнут существенный прогресс: расширилось политическое представительство женщин, их участие в экономической жизни, а более 2,5 млн девочек стали посещающих школу.

Я помню в свой приезд в Кабул четыре года назад. Я ехал по жутким ухабистым дорогам, теперь на их месте асфальтированные дороги. Всего было создано более 8000 километров автомобильных и коммерческих дорог. Доступ к каждому городу увеличился более чем на 250%. Афганистан сидит не только на золотом руднике, он сидит на всей таблице элементов Менделеева, от редких металлов и драгоценных камней до нефти и газа.

Страна нуждается в зарубежном опыте и поддержке. Совместно были установлены определенные правила, которые важно знать и соблюдать. Прежде всего на саммите в Чикаго в мае 2012 г. была представлена *дорожная карта* по взаимодействию государств — членов НАТО с обязательством выделить более 4 млрд долларов Афганистану в ближайшие несколько лет. И на Токийской конференции, в которой я был горд принять участие и быть частью серьезных решений, международное сообщество подтвердило взятые на себя обязательства.

Мы, как Европейский союз, стремимся к долгосрочной помощи Афганистану. Наши обязательства — долгосрочное сохранение текущих расходов на уровне 1 млрд евро в течение переходного периода, который представляет исключительную поддержку. И Афганистан это второй по величине получатель международной помощи от стран ЕС после Палестины. Мы приветствуем интерес России более активно оказывать поддержку Афганистану. Мы хотели бы работать с вами, чтобы помочь мерам доверия группы по борьбе с терроризмом процесса «Сердце Азии». Мы ищем других партнеров по созданию альтернативных источников финансирования, укрепления институтов по борьбе с наркотиками и региональных корпораций.

Во-вторых, мы приветствуем поддержку со стороны России и других стран, таких как Китай, который объявил о большой помощи Афганистану. Впервые в истории китайских отношений предоставлено 80 млн долларов на поддержку Афганистана.

Мы начали консультации с Китаем о том, как можно объединить наши усилия. Мы провели брифинг в ЕС с участием китайского, индийского и российского послов по укреплению и развитию профессиональных навыков афганской национальной полиции. Не в последнюю очередь именно региональный аспект имеет отношение к формированию миру и примирению. Очень важно, что Пакистан поддерживает создание более благоприятных условий для мира и примирения. Важно, что и другие страны используют свои политические активы и каналы информации для поощрения руководства талибов сесть за стол переговоров.

ОРЛОВ: Мой комментарий связан с международным механизмом, который сегодня пока не прозвучал, он называется «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения». Он был создан в рамках саммита *большой восьмерки* в Канаде в 2002 г. И был продлен до 2022 г. Помимо государств *восьмерки* туда входят и другие государства. Страны глобального партнерства были ориентированы на Россию как на реципиента. За последние два-три года ситуация изменилась. Сейчас мы находимся в ситуации, когда количество реципиентов увеличивается. Россия из статуса реципиента переходит в статус донора.

Одним из перспективных направлений Глобального партнерства является регион Центральной Азии и страны, примкнувшие к нему. В этом случае Афганистан, безусловно, подпадает в число этих приоритетов. Понятно, что в Афганистане нет ни ядерного оружия, ни материалов для его производства. Сейчас не об этом. Мы говорим о субъекте, связанном со второй линией защиты. С таможенными и пограничными рубежами — их оборудованием системами, которые предотвращали бы незаконный оборот ядерных радиоактивных и других чувствительных материалов. Причем как по линии юг–север, так и по линии север–юг. Этот вопрос уже достаточно давно возник, теперь пришло время решать вместе с ним и другие сопредельные вопросы — вопрос о тренинге, о подготовке афганского персонала. Существует проблема неграмотности персонала — перемещение ядерных материалов требует совершенно другого уровня квалификации. Это слишком чувствительный регион. Рядом с ним Пакистан и другие опасные государства, где находятся ядерные материалы. Важно, чтобы это нашло должное отражение в документах Глобального партнерства.

БАРСКИЙ: Вряд ли следует ожидать от государств — членов ШОС, чтобы они брали на себя ответственность за поддержание безопасности внутри Афганистана. Это однозначно. Однако различные государства ШОС совершенно по-разному видят варианты многостороннего сотрудничества по Афганистану.

Скажем, Узбекистан предпочитает вести диалог по афганским делам и оказывать содействие Афганистану только по двухсторонней линии, хотя он не отстраняется от консультаций. У других государств — членов ШОС подходы более проактивные. Но мы — организация, которая действует на основе консенсуса, и я думаю, что этот консенсус по мере развития ситуации в Афганистане, по мере взросления самой ШОС будет формироваться в правильном направлении.

Я очень рассчитываю, что с предоставлением статуса наблюдателя Афганистану афганские коллеги будут участвовать в совещании министров экономики, министров транспорта, в заседаниях рабочих групп.

Очень интересную идею высказали о подготовке кадров для таможенной службы Афганистана. Это очень важная тема. В рамках ШОС есть соответствующие механизмы, уже запущенные. Теперь у Афганистана есть основания, чтобы участвовать в этом сотрудничестве. Пожалуйста, это площадка, чтобы обеспечивать участие Афганистана в деятельности нашей организации.

ПОЧЕМУ НЕ СЛУЧИЛОСЬ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И НАТО

БУЖИНСКИЙ: Мне кажется, не все возможности мы используем на практике для реального международного сотрудничества. К сожалению, за десять лет ОДКБ так и не достучалось до НАТО как до партнера, что важно, так как коллективные силы уходят из Афганистана, а ОДКБ — региональная организация, которая включает государства — соседей Афганистана. Это упущенные возможности.

ВАСИЛЬЕВ: В 2000 г. я работал в российском постпредстве в Нью-Йорке. Одной из наших целей было убедить мировое сообщество ввести эмбарго, чтобы положить конец поставкам оружия талибам. Этим вопросам я как раз и занимался. Как и в случае с НАТО, в ответ была глухая стена непонимания. Зачем вводить эмбарго на поставки талибам? Почему нужно это делать в одностороннем порядке? Но разум возобладал — это произошло в самом конце августа 2001 г. А через несколько дней настало 11 сентября. Ситуация радикально изменилась. Коллеги, которые еще недавно противились обсуждать любые ограничения в отношении *Талибан*, пришли с совершенно другими планами — развертывание операций и прочее. Эту информацию я передавал в Комитет по санкциям в отношении движения талибов. Российская делегация делилась своими знаниями о лагерях подготовки террори-

стов на территории Афганистана, минных полях и прочее. Эта информация была очень востребована, когда войска союзников входили в Афганистан.

Действительно если брать всю территорию Афганистана, ни для кого не секрет, что для ОДКБ интерес представляя приграничные районы — северные территории Афганистана, провинции, которые граничат со странами ОДКБ. Если посмотреть на ситуацию в этих районах, мы зафиксируем, по разным данным, от 5000 до 7000 экстремистов. К власти на местном и региональном уровнях приходят люди, связанные с экстремистами.

Мы видим увеличение числа смертников, что, естественно, сказывается на увеличении провокаций и инцидентов на таджикско-афганской границе. Все это стало поводом для направления экспертной миссии ОДКБ, в которую входили представители секретариата ОДКБ и представители государств-членов, которая оценивала сложившуюся ситуацию. По итогам работам комиссии, было подготовлено решение ОДКБ об укреплении таджикско-афганской границы для помощи Таджикистану. Оно предусматривает два основных положения: оказание неотложной помощи в трехмесячный период, а также запуск целевой программы помощи Таджикистану. Речь идет о помощи в 1 млрд рублей. Вы можете себе представить объем этой помощи и поставляемых вооружений. Фактически речь идет о восстановлении всей пограничной инфраструктуры, утерянной в последние годы на таджикско-афганской границе.

Безусловно, если и другие силы и средства. Коллективные силы оперативного реагирования в рамках ОДКБ в случае обострения конфликта могут быть развернуты в этом регионе. Осуществляется ряд конкретных операций, в частности по борьбе с наркоугрозой.

Стоит упомянуть операцию *Канал*, которая проводится антинаркотическими службами ОДКБ с привлечением других государств, в том числе стран ШОС. В последних заседаниях принимали участие представители Афганистана. Иными словами, принимается вполне логичный и конкретный набор мер, чтобы обеспечить безопасность южных рубежей ОДКБ. Речь не идет о создании санитарного кордона на границе ОДКБ и Афганистана. Мы рассматриваем Афганистан как партнера для диалога и взаимодействия. Поэтому вопросы, связанные с оборотом наркотиков, терроризмом — это наша общая беда и проблема. Мы готовы к тесному взаимодействию с афганской стороной при решении этих вопросов. Помимо антинаркотического, антивоенного трека в рамках ОДКБ существует достаточно мощный политический трек. Кирилл Барский уже упоминал рабочую группу ОДКБ по Афганистану, которая регулярно встречается. Мы обсуждаем широкий круг проблем, начиная с ситуации в Афганистане и заканчивая помощью при транзите грузов международных сил содействия и безопасности в Афганистане.

Есть площадка взаимодействия ОДКБ с ЕврАзЭС, ШОС и СНГ. Есть тесное взаимодействие с ООН, налажены контакты как со специальными представителями Генерального Секретаря ООН, так и с региональным центром по превентивной дипломатии в Центральной Азии. Недавно появились контакты в рамках ОБСЕ, в частности проект, который реализуется ОБСЕ в пограничном колледже ОБСЕ в Душанбе. ОДКБ открыта к широкому сотрудничеству со всеми организациями, понимая разницу задач и различия в наших подходах к каким-то аспектам и вещам, тем не менее мы открыты в тех областях, в которых такое сотрудничество возможно. В ходе предыдущей сессии поднимался вопрос о взаимодействии России и НАТО — 10-летнее *стучание головой о дверь*.

В качестве последнего примера приведу заявление, принятое на совещании ОДКБ в апреле 2012 г., где в очередной раз предлагалось такое сотрудничество и взаимодействие с НАТО. Цитирую: «Мы предлагаем взаимодействие с НАТО по вопросам международного терроризма и наркотрафика, помощь в восстанов-

лении стабильности в Афганистане, в частности в предотвращении исходящих с территории этой страны вызовов и угроз при обеспечении транзита для нужд ММСЗСБ в соответствии с резолюцией ООН 1386, подготовке кадров и оснащение афганских силовых структур». Повторяю, мы к такому взаимодействию открыты, но опять же ОДКБ — самодосточная организация, у нас есть свои цели, задачи и ресурсы. Мы так или иначе будем осуществлять свои программы для Афганистана, принятые в рамках ОДКБ. Мы надеемся, что о факторе 2014 г., о котором сейчас мы отзываемся пессимистично, через пару-тройку заговоров в более оптимистических тонах.

УИЛЬЯМС: Каждый раз, когда я приезжаю в Москву, мне задают вопрос о сотрудничестве с ОДКБ. НАТО, как я уже сказал в начале, находится в Афганистане по мандату ООН, и мы действуем в его рамках. ОДКБ — организация, которая находится в развитии и имеет огромный потенциал. Это региональная организация. Но НАТО как организация, структурно не намерено быть региональным игроком в Центральной Азии за то время, что необходимо для выполнения нашей миссии и мандата ООН в отношении Афганистана. Лично я не видел ничего значимого в предлагаемом сотрудничестве с ОДКБ. Если бы существовали хорошо разработанные предложения, мы могли бы обсудить их в рамках Совета Россия–НАТО. Мы никогда не делали каких-либо заявлений о необходимости сотрудничества НАТО и ОДКБ. Это эмбриональная организация. Это давление на сотрудничество с ОДКБ я принимаю к сведению. Но я не понимаю, что может принести нам ОДКБ в своем зачаточном состоянии. Вы упоминали вопрос о транзитных соглашениях, но все государства, которые пришли к подобному соглашению с НАТО, хотели вести переговоры на двусторонней основе. И у нас есть эти соглашения.

ВАСИЛЬЕВ: Тем не менее один из возможных вопросов диалога между ОДКБ и НАТО — вопрос транзита. Почему? Потому что было бы странно, если бы Россия разворачивала какую-то свою группировку на территории государств НАТО.

Такая ситуация возникла на базе *Манас* в Киргизии. И соответственно встал вопрос, как может происходить такая ситуация, когда не коммерческая структура, а именно военная группировка развернута на территории аэропорта, который используется членом договора о коллективной безопасности. В результате, как вы знаете, *Манас* — база для транзита грузов НАТО и международных сил содействия безопасности в Афганистане, будет закрыт, чтобы избежать таких ситуаций, чтобы обозначать наиболее удобные зоны транзита, которые были бы приемлемы не только для НАТО. В данном случае речь идет не только о поставках НАТО, речь идет о поставках для международных сил содействия безопасности, а там действуют не только натовские группировки. Чтобы решать эти вопросы, мы предлагаем сотрудничество. Такое сотрудничество мы осуществляем не только с НАТО, но и с ОБСЕ. Хотите сотрудничать, хотите разговаривать, пожалуйста. Не хотите — ваш выбор.

ОРЛОВ: Сегодня много аббревиатур прозвучало, и я думаю к этим аббревиатурам — ШОС, ОДКБ, СНГ — нельзя не добавить еще одну — БРИКС, который, казалось бы, звучит не вполне очевидно. БРИКС — гораздо в меньшей степени организация в области безопасности, скорее она внешнеэкономическая. Но надо иметь в виду, что повестка дня БРИКС в области мира и безопасности набирает вес. Мне приходилось участвовать в мероприятии по подготовке двух последних саммитов БРИКС с точки зрения научно-аналитического обеспечения. Тема Афганистана в корзине мира и безопасности БРИКС занимает все более значимое место. Может, меньше для Бразилии и Южной Африки, зато с точки зрения трех из пяти участников БРИКС — Индии, Китая и России, мы, безусловно, можем многое сделать через БРИКС в помощь и во благо Афганистану.

Проект ПИР-Центра
**«Безопасность Центральной
Азии и Россия»**

- Ядерная безопасность
- Терроризм и наркотрафик
- Военно-техническое сотрудничество
- Афганское урегулирование

www.pircenter.org/projects/

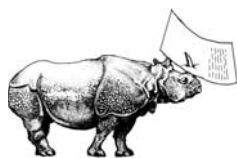
КОЗЮЛИН: Я бы хотел отметить атмосферу равнодушия, которая на протяжении всех этих часов царил в нашем зале. Все переживают за судьбу Афганистана, и, конечно, остается чувство неудовлетворенности от того, что мы сегодня реально не выложили на стол всю богатую коллекцию предложений. Но мы были близки к этому.

Один сценарий сегодня заканчивается в Афганистане. Этот сценарий, если говорить утрированно, был написан в Соединенных Штатах. Он исполнялся в течение нескольких лет, и вот он заканчивается. Или уже закончился. Дальше — совсем иные сценарии. И уже совсем скоро придет время анализировать их. 🐼

Примечания

¹ Во втором туре за пост президента Афганистана борются два кандидата — это бывший глава МИД страны Абдулла Абдулла и бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай. В первом туре, прошедшем 5 апреля, они набрали 45% и 31,6% голосов соответственно. Согласно предварительным итогам, объявленным 7 июля 2014 г. Независимой избирательной комиссией Афганистана, во втором туре президентских выборов в Афганистане, который состоялся 14 июня, победу одержал бывший министр финансов Ашраф Гани Ахмадзай, набравший 56,44% голосов. Его соперник — бывший глава МИД Абдулла Абдулла — получил 43,56% голосов. Официальные итоги будут объявлены 22 июля 2014 г.

² Стамбульский процесс по Афганистану был запущен по итогам проведения в 2011 г. в Турции на Международной конференции по Афганистану на уровне министров иностранных дел стран так называемого формата «Сердце Азии». Стамбульский процесс направлен на продвижение политического диалога между заинтересованными странами с целью вовлечения Афганистана в политическую и экономическую жизнь региона.

Виктор Коргун

КТО СКАЗАЛ, ЧТО НАТО УХОДИТ ИЗ АФГАНИСТАНА?

В 2001 г. с началом возглавляемой США антитеррористической операции в Афганистане, руководство России взяло курс на участие в борьбе международного сообщества с этой угрозой: президент В. В. Путин первым из мировых лидеров в октябре 2001 г. высказал президенту США Дж. Бушу полную поддержку России санкционированных Советом Безопасности ООН военных действий международной коалиции в Афганистане.

Этот курс нашел отражение в согласии Москвы на использование США и их союзниками воздушного пространства России и военно-технической и транспортной инфраструктуры ее стратегических партнеров — стран Центральной Азии. Однако в силу ряда объективных и субъективных факторов Россия надолго отошла на второй план от участия в афганских событиях, заняв позицию пассивного наблюдателя за событиями в соседней стране. Отсутствие реального сотрудничества России с НАТО в Афганистане во многом определялось возмущающим геостратегическим противостоянием с США в Центральной Азии, где Вашингтон прилагал усилия по вытеснению России или по меньшей мере ослаблению ее влияния в регионе.

Тем временем обстановка в Афганистане во второй половине 2000-х гг. заметно ухудшилась. Становилось все более очевидно, что НАТО не справляется со своими задачами в этой стране. Их лидеры все чаще стали обращаться к Москве с просьбой активизировать свое участие в борьбе с терроризмом в Афганистане. В то же время на практике они ограничивали ее реальные возможности занять более активную позицию.

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И НАТО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2000-х гг.

Расширение масштабов военных операций НАТО в Афганистане привело к неизбежности активизации реального сотрудничества России и НАТО. Практическим результатом стало соглашение, подписанное Президентом России Д. А. Медведевым в апреле 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте, согласно которому альянсу предоставлялось право использовать российскую территорию для транзита невоенных грузов в Афганистан. Соглашение по афганскому транзиту стало одним из основных элементов политики налаживания связей между Россией и НАТО. Несмотря на последовавшую в августе того же года военную операцию в отношении Грузии и решение Кремля заморозить контакты Совета Россия–НАТО, подписанное в Бухаресте соглашение не утратило силу. В последующем оно неоднократно модифицировалось, расширяя возможности его использования со стороны НАТО.

Между тем стороны осуществляли взаимодействие и по другим каналам. В частности в рамках совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом, разных совместных структур по борьбе с афганским наркотрафиком, в области поставок вооружений афганской армии, подготовки наркополицейских и т. д.

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О
М

Впрочем, такого рода совместные действия тормозились общим неровным характером российско-американских отношений, не связанных с Афганистаном (попытки расширения НАТО на восток, *список Магнитского* и т. д.). При этом сотрудничество России с НАТО позволило Москве заморозить — хотя и на ограниченное время — вопрос о расширении Североатлантического альянса на постсоветское пространство.

На протяжении последних лет российские официальные лица неоднократно заявляли, что сотрудничество с НАТО по афганскому вопросу является едва ли не единственным направлением во взаимоотношениях между Москвой и альянсом, где до сих пор не было принципиальных разногласий между сторонами. Москва не без оснований утверждала, что Россия заинтересована в победе сил международной коалиции в Афганистане, в окончательном подавлении терроризма в регионе, ибо это диктуется ее национальными интересами.

Ясно, что Россию к сотрудничеству с НАТО толкают вовсе не соображения альтруизма. Проблема обеспечения безопасности на Северном Кавказе и в союзных России государствах Центральной Азии сделали для Москвы приоритетным противодействие прежде всего угрозе экстремизма и международного терроризма.

Новые возможности для расширения сотрудничества двух сторон появились после прихода к власти в США в 2009 г. президента Барака Обамы, который в своей афганской политике, как тогда казалось, отказался от не оправдавшего себя курса на внедрение западной демократии в Афганистане и сделал ставку на поиски выхода из военного и политического тупика, возникшего в условиях бесперспективности затянувшейся вооруженной борьбы против талибов. Речь шла в первую очередь о поисках альтернативных путей выхода из кризиса, причем один из них виделся в инициировании переговоров с мятежниками и последующем завершении военной миссии в Афганистане.

В этих условиях Москва пошла на дальнейшие шаги по расширению возможностей НАТО использовать территорию и воздушное пространство России и ее центральноазиатских партнеров для транзита военных грузов и личного состава альянса, открыв так называемый Северный маршрут поставок для НАТО, в том числе авиабазу в Ульяновске. В этот период (в 2011 г. — середине 2012 г.) ввиду возникших политических трений между Исламабадом и Вашингтоном Пакистан практически закрыл свою территорию для транзита натовских грузов, и акции Москвы обрели решающее значение для вывода войск и техники НАТО из Афганистана.

Россия поставила НАТО перед дилеммой: если Запад считает свою задачу в Афганистане выполненной, он должен отчитаться об этом перед Советом Безопасности ООН, от которого он получил мандат на действия в Афганистане. Если задача не выполнена, уход войск Альянса следует считать преждевременным, и НАТО должна остаться в стране, чтобы довести дело до конца. В случае отказа Россия предостерегала, что закроет Северный маршрут поставок для НАТО.

Хотя этого не произошло и сотрудничество по линии Россия-НАТО по афганскому вопросу продолжилось, оно тем не менее не носит стратегического характера. Его перспективы зависят не только от позиции сторон по Афганистану, но и от степени готовности Альянса найти компромисс с Москвой по другим волнующим ее вопросам международной политики. Имеет значение и степень эффективности борьбы сил США и НАТО с экстремистами в Афганистане.

В этой связи решение США и НАТО о выводе оттуда всех своих боевых частей многим в России представляется спорным. Однако следует учитывать, что впечатление о том, что западная коалиция покидает Афганистан, не обращая внимания на нерешенность вопросов безопасности, скорее всего не верно.

Несмотря на политическую, финансовую и эмоциональную усталость от афганской миссии, Североатлантический альянс не намерен отказываться от *афганского проекта* после 2014 года. Оставив часть своего персонала в Афганистане и располагая военными базами (при вероятном сохранении за американскими военнослужащими прав экстерриториальности) США, безусловно, сохраняют свой

политический контроль над страной. В этих условиях они вряд ли допустят усиления политической роли России, и ныне не имеющей существенного политического веса в Кабуле.

Впрочем, позиции и влияние внешних игроков после вывода войск НАТО в немалой степени будут зависеть от политической ситуации и расстановки основных политических сил. В любом случае вряд ли можно ожидать радикальной смены власти и политического строя страны, даже в случае маловероятного, как нам представляется, возвращения к власти талибов. Скорее всего, в ближайшие несколько лет (2–3 года) в стране сохранится статус-кво, в рамках которого талибы могут рассчитывать на получение сравнительно небольшой доли в управлении государством.

НОВАЯ АФГАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ НАТО

В настоящее время НАТО ищет пути оптимизации новой миссии в Афганистане, с точки зрения как финансово-экономических инструментов, так и сферы политических решений.

Один из приоритетов новой афганской стратегии НАТО — создание коалиции региональных государств, которым постепенно бы передавали часть ответственности за урегулирование афганского кризиса. Судя по последним энергичным действиям Соединенных Штатов, которые не только попытались нормализовать свои отношения с Пакистаном (через возобновление масштабной финансовой помощи), но и начали создавать основу для переговоров с Ираном, Вашингтон и Североатлантический альянс рассматривают Исламабад (и возможно, Тегеран) как потенциального партнера по «новому афганскому урегулированию». Вполне вероятно, что Пакистан рассматривается американцами и их союзниками по НАТО в качестве ядра коалиции региональных государств, которому после 2014 г. и будет передана значительная часть ответственности за Афганистан.

Центральноазиатские государства эксперты НАТО рассматривают как *приафганский регион*, который также должен стать составной частью новой региональной коалиции по афганскому урегулированию. Учитывая достаточно высокий уровень политического и экономического влияния России в странах Центральной Азии, многие из которых также являются участниками пророссийских международных политических объединений, для США и НАТО обеспечение лояльности Москвы при включении правящих режимов этих стран в *новое афганское урегулирование* является важной задачей.

В перспективе в условиях открытия новой миссии НАТО в Афганистане Россия представляет для альянса интерес на нескольких политических направлениях. Не в последнюю очередь она интересует США и НАТО как страна-транзитер, обеспечивающая режим диверсификации транспортных перевозок в Афганистан и из него. Хотя Североатлантический альянс будет продолжать стремиться к снижению уровня транзитной зависимости от РФ в афганском проекте, полностью такой зависимости избежать ему вряд ли удастся.

Учитывая нестабильность американо-пакистанских отношений (связанную, в частности, с невыполнением просьб Пакистана отказаться от программы использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для борьбы с боевиками на пакистанской территории), Вашингтон и Брюссель будут заинтересованы в том, чтобы сохранить хотя бы минимальный конструктивный уровень отношений с Москвой, чтобы иметь возможность реализовать чрезвычайные транзитные проекты через российскую территорию.

США и НАТО заинтересованы в том, чтобы привлечь в коалицию региональных государств по афганскому урегулированию все страны постсоветской Центральной Азии. Это позволит американцам и их партнерам по альянсу не только теснее привязать центральноазиатские режимы к афганской проблематике, но и создаст определенные предпосылки для снижения уровня политической зависимости

центральноазиатских лидеров от Москвы (особенно в связи с неизбежной сменой поколений в правящих группах местных политических элит).

РОССИЯ В НОВОМ АФГАНСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ

В этой связи США и НАТО будут стремиться к более тесному вовлечению России в процесс *нового афганского урегулирования*. Такое вовлечение не только легитимизирует участие центральноазиатских государств в *афганском проекте*, где операторами в обозримой временной перспективе останутся страны Североатлантического альянса (прежде всего США и Великобритания), но и продемонстрирует ограниченность российских возможностей в *новом афганском урегулировании*.

Очевидно, по этой причине официальные представители НАТО поддерживают *пунктирное участие* России в афганском урегулировании (отдельные проекты Москвы, связанные с подготовкой наркополицейских и т. д.), так как такое участие не приводит к принципиальному изменению (повышению) политического статуса РФ в новой *большой игре* вокруг и внутри Афганистана.

Кроме того, иницируемый некоторыми российскими политическими группами проект активного вовлечения РФ в кампанию борьбы с наркоиндустрией в Афганистане является как минимум неоднозначным, а в перспективе даже опасным для Москвы. Добиться серьезных результатов в борьбе с системой афганского наркобизнеса внутри Афганистана в ближайшее время будет невозможно, тем более что вывод основных сил США и НАТО из Афганистана может, по всей видимости, привести к росту производства наркотиков. Сочетание этих двух факторов — новый рост наркопроизводства после 2014 г. и демонстрация растущей российской активности в борьбе с афганским наркобизнесом — позволят западным и региональным оппонентам Москвы заявить как минимум о непонимании Россией сложности вопроса.

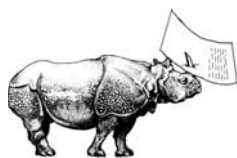
Кроме того, попытка России активизировать реальную борьбу с афганским наркотрафиком может привести к напряженности отношений Москвы с отдельными влиятельными кругами внутри Афганистана. Конфликты на *наркочувстве* неизбежно ослабят российские позиции внутри Афганистана, что исключит Москву из числа стран — лидеров новой *афганской* коалиции региональных государств (где доминирующую позицию будет занимать Пакистан, опирающийся на поддержку США, а также, возможно, Иран).

Таким образом, чрезмерное продвижение российской стороной темы *борьбы с афганскими наркотиками* в стратегической перспективе для Москвы может превратиться в политическую и геополитическую ловушку. Можно предположить, что США и НАТО будут заинтересованы в усилении антинаркотической риторики Москвы после 2014 г., тем более что сами страны — члены НАТО в активной борьбе с наркотиками в Афганистане участвовать не намерены.

Итак, после вывода войск Альянса можно предположить следующие основные сферы сотрудничества России с НАТО в Афганистане и в рамках афганского урегулирования:

- 1) активное использование российской территории и воздушного пространства для натовского транзита;
- 2) совместная борьба с наркотрафиком;
- 3) предотвращение дальнейшей активизации исламского терроризма;
- 4) поставка вооружений афганской армии и обучение афганских офицеров;
- 5) финансовая помощь и возможные совместные инфраструктурные и экономические проекты.

В то же время попытки НАТО *переиграть* Россию на других направлениях, принципиально важных для России, прежде всего на пространстве СНГ, безусловно, негативно скажутся на возможностях такого сотрудничества, рискуя и вовсе перечеркнуть его.

Евгений Бужинский

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ БЕСПИЛОТНИКОВ: ОТ ВОЕННОГО ДЕЛА К ЭКОНОМИКЕ

В современных условиях комплексы с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) признаются одним из важнейших средств повышения боевых возможностей соединений, частей и подразделений различных видов и родов вооруженных сил. По оценкам подавляющего большинства экспертов, в будущих войнах и военных конфликтах XXI в. все значимые в военном отношении страны мира будут делать ставку на применение сравнительно дешевых БПЛА.

Основанием для этих прогнозов является слишком большая цена возможных потерь пилотируемых самолетов и летного состава. Стоимость современного самолета сегодня достигает 50–60 млн долл. На подготовку высококлассного летчика необходимо израсходовать еще 10 млн долл. В то же время многие задачи, возлагаемые на пилотируемую авиацию, могут с успехом выполняться разведывательными и ударными БПЛА значительно меньшей стоимости (например, стоимость американского БПЛА *Predator* составляет 4,5 млн долл.).

РОЛЬ И МЕСТО БЕСПИЛОТНОЙ АВИАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сторонники пилотируемой авиации выдвигают целый ряд аргументов против ее постепенного вытеснения авиацией беспилотной:

- ❑ БПЛА не могут в полной мере использовать двустороннюю спутниковую связь: если оператор БПЛА потеряет контроль над аппаратом, это чревато последствиями, в то время как пилотируемый самолет обладает большей гибкостью применения;
- ❑ БПЛА могут быть уязвимы для воздействия средств РЭБ;
- ❑ Потеря спутника на орбите может в значительной мере обесценить боевую ценность БПЛА;
- ❑ в отличие от БПЛА пилот самолета сам может реагировать на угрозы и уклоняться от них; БПЛА более уязвимы в зонах активного применения средств ПВО¹.

Кроме того, у БПЛА отсутствуют программы, гарантирующие успешные автономные действия в любой ситуации, что наглядно проявилось в инциденте с захватом Ираном американского БПЛА *RQ-170 Sentinel*² — эта проблема была осмыслена еще в начале прошлого десятилетия, однако до сих пор ее нельзя считать решенной³. Российский военный эксперт Муса Хамзатов отмечает: «Еще в 2003 г. сухо-

путные войска США провели сравнительное исследование возможностей БПЛА и перспективного армейского разведывательного вертолета *RAH-66 Команч*. В ходе этих испытаний выяснилось, что БПЛА могут успешно выполнять только 67% разведывательных задач на поле боя, 50% задач по обеспечению охранения войск, 25% задач по боевому поражению. Тогда же был сделан соответствующий вывод: БПЛА не могут полностью заменить боевые вертолеты армейской авиации, они способны только дополнить возможности последних»⁴.

Еще одним недостатком (правда, не имеющим отношения к самим аппаратам) комплексов с БПЛА, с которым столкнулись американцы, стала нехватка кадров⁵. БПЛА могло быть и больше, но для них не хватает операторов. Каждым беспилотником *Predator* управляют два оператора, которые находятся на рабочем месте в течение восьми часов. Нехватка персонала составляет около 50%, т.е. над Ираком и Афганистаном действует половина аппаратов, которые могли бы там оказаться при достаточном количестве операторов.

Тем не менее развитие и расширение применения БПЛА — процесс необратимый: разведывательная авиация уже в целом ряде стран стала полностью беспилотной. Причем диапазон аппаратов здесь потенциально очень велик: от микро- и мини-БПЛА до гиперзвуковых орбитальных, а также дозвуковых стратосферных, способных летать месяцами и даже годами. Не все идеи воплощены в жизнь, но работа над ними ведется очень активно. При этом понятно, что практически любой разведывательный БПЛА можно доработать в ударный вариант. Это относится даже к малым БПЛА. А гиперзвуковые орбитальные боевые БПЛА прекрасно вписываются в концепцию *быстрого глобального удара*, не являясь при этом одноразовыми (в отличие от МБР и БРПЛ)⁶. Недаром еще в 2009 г. бывший министр обороны США Р. Гейтс отметил, что *F-35*, возможно, будет последним американским пилотируемым ударным самолетом⁷.

Чтобы понять место комплексов с БПЛА необходимо понять современную модель боевых операций. Основными задачами, решаемыми сегодня комплексами с БПЛА, являются ведение оптико-электронной, радиотехнической, радиолокационной и комплексной разведки (мониторинга), доставка грузов, ретрансляция радиосвязи и ударные действия. Наиболее востребованными задачами комплексов с БПЛА являются задачи комплексной разведки, оптико-электронной разведки, ретрансляции радиосвязи, обнаружения мин, целеуказания, диагностирования трубопроводов и железнодорожных путей, которые БПЛА решают гораздо успешнее пилотируемой авиации. Кроме того, БПЛА способны проводить подсветку целей лучом лазера для управления артиллерийскими снарядами с лазерными системами наведения, точно оценивать нанесенный ущерб, осуществлять поиск и уничтожение отдельных целей и т. д.⁸.

Одним из несомненных и наиболее значительных преимуществ БПЛА является «то, что для своего базирования они не требуют специальных аэродромов с развитой инфраструктурой, потеря БПЛА не связана с почти неизбежной потерей пилотов, при использовании БПЛА не играет роли [...] усталость летчика»⁹.

Таким образом, основными достоинствами БПЛА по сравнению с другими летательными аппаратами можно считать исключение потерь личного состава в ходе боевых действий, что особенно важно при ведении ограниченных войн и локальных военных конфликтов, возможность достижения тех же целей при меньших затратах, более низкие демаскирующие признаки, высокая маневренность и большая живучесть.

Однако здесь неизбежно встает системное ограничение: «Широкомасштабное применение всеми сторонами БПЛА может привести к частичной или даже полной дезорганизации процессов управления воздушным пространством над районом боевых действий. Сложности межвидовой и [...] межведомственной координации полетов своих БПЛА будут многократно увеличены наличием

БПЛА противника. [...] Если еще учесть и воздействие противника на системы управления БПЛА, вплоть до попыток явно или скрытно взять их под свой контроль, последствия могут быть труднопредсказуемыми»¹⁰.

В настоящее время наибольших успехов в создании комплексов с БПЛА добились США, Израиль, Франция, Германия, Великобритания, Китай. Всего же сегодня 32 страны мира разрабатывают более 250 комплексов БПЛА. Таким образом, с 2003 г., когда в мире выпускались 68 типов беспилотных

аппаратов, мы наблюдаем почти четырехкратный рост их номенклатуры¹¹. В вооруженных силах ведущих зарубежных государств находится порядка 3200 комплексов с 10200 БПЛА тактического, оперативного и стратегического назначения. Можно прогнозировать, что это число в ближайшие десятилетия увеличится кратно.

Наиболее распространенными БПЛА тактического назначения дальностью до 25 км являются американские *Dragon Eye* и *RQ-11 Raven*, израильские *Bird Eye* и *Sky Lark*. Беспилотники дальностью до 100 км: американские *Scan Eagle* и *MQ-8B Fire Scout*, израильский *I-VIEW*. К БПЛА оперативного назначения, дальностью до 500 км, относятся американский *RQ-1 Predator* и израильские *Heron-TP*, *Searcher*. БПЛА стратегического назначения — американский *RQ-4 Global Hawk*.

Самый массовый БПЛА в мире — *RQ-1 Predator* — способен летать на скорости 120 км/ч на высоте 3–8 км над полем боя в течение 24 часов. При этом он способен передавать на землю четкую картинку любого участка территории, над которой находится. Эта картинка в режиме реального времени передается в полевые командные центры. При необходимости *Predator* оснащается ракетами *Hellfire* для уничтожения отдельных объектов — зданий, укреплений, автомашин, групп людей.

НЕВОЕННЫЕ БЕСПИЛОТНЫЕ АВИАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Невоенные беспилотные авиационные системы развиваются в таких сферах, как дистанционное зондирование Земли, контроль коммуникаций и границ, регистрация сигналов, и кратно снижают себестоимость услуг по сравнению с традиционными авиационными и космическими системами. Прогрессу невоенных систем способствует миниатюризация и удешевление электронных компонентов бортового оборудования.

Однако на пути развития беспилотной авиации гражданского назначения существуют три препятствия. *Первая проблема* — техническая — состоит в том, что потенциальных заказчиков интересуют не БПЛА, пусть и с уникальными характеристиками, а полноценные системы, которые выполняют конкретную функцию и не требуют квалифицированного обслуживания.

Вторая проблема заключается в том, что большинство коммерческих заказчиков хотело бы закупать не беспилотные системы, а услуги (летные часы) у специализированных компаний. Очевидно, что и первое, и второе препятствия преодолимы

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

К 2010 г. количество БЛА военного назначения должно достигнуть цифры, близкой к 400. Кроме того, БЛА стоят на вооружении диверсионно-разведывательных формирований сил специальных операций США, которые в угрожаемый период могут забрасываться в глубокий тыл вероятного противника.

Михаил Павлушенко, Геннадий Евстафьев, Иван Макаренко.
Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития.
Научные записки ПИР-Центра. 2004, №2 (26). С. 453.

по мере того, как гражданскими БПЛА начинают заниматься крупные промышленные компании, имеющие соответствующий ресурс и опыт.

Третья проблема сложнее, и преодолеть ее коммерческим БПЛА пока не удастся. Речь идет о создании нормативно-правовой базы для сертификации БПЛА и их интеграции в существующую систему управления воздушным движением. Комплексно эта проблема не решена нигде в мире, несмотря на прилагаемые значительные усилия.

Сегодня существуют две альтернативные концепции интеграции БПЛА в воздушное пространство. *Одна концепция* предполагает распространение на беспилотные системы всех существующих норм, включая, например, обеспечение БПЛА системами опознавания и предотвращения столкновений. *Другая концепция* предлагает выделить для полетов БПЛА специальные зоны.

Победу, скорее всего, одержит первая точка зрения, что усложнит жизнь промышленности. В любом случае для нормального развития невоенного (да и военного тоже) сектора БПЛА необходимо внесение соответствующих дополнений в Воздушный кодекс Российской Федерации и Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации.

Еще не дожидаясь создания нормативно-правовой базы, беспилотные системы уже активно закупаются структурами силового блока, помимо Министерства обороны: речь идет о ФСБ (для сил специального назначения и пограничников) и МЧС. В то же время техническая политика невоенных заказчиков имеет свои специфические особенности: как правило, они стремятся приобретать простые и дешевые в эксплуатации системы.

ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ К БЕСПИЛОТНОЙ АВИАЦИИ

Рассматривая перспективы развития беспилотной авиации, можно выделить несколько основных направлений научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Наиболее важным из них является дальнейшее совершенствование разведывательно-ударных БПЛА. Приоритетами здесь являются: создание системы надежного распознавания целей в автономном режиме полета, разработка помехозащищенной системы связи между пилотируемыми аппаратами и БПЛА, создание бортовой системы обработки полученной информации. У таких БПЛА к ведению воздушной разведки и нанесению ударов по стационарным объектам, в первую очередь, по системам ПВО противника, постепенно добавляется задача поражения мобильных наземных целей¹².

Уже более 10 лет американцы успешно применяют на Ближнем и Среднем Востоке БПЛА *Predator*, на счету которых сотни уничтоженных боевиков. Правда, дальность полета и боевая нагрузка этого аппарата ограничены, поэтому он наиболее эффективен для решения антитеррористических задач. Гораздо большими возможностями обладает поступающий в настоящее время на вооружение беспилотник *MQ-9 Reaper*. Самым же перспективным на сегодняшний день представляется палубный БПЛА *X-47B*, который создан с применением технологий *стелс* и по своим тактико-техническим характеристикам немногим уступает боевым самолетам.

У этого БПЛА есть ряд важных особенностей. *Во-первых*, он способен функционировать в полностью автономном режиме: за счет компьютерной системы БПЛА самостоятельно корректирует курс и выстраивает новые траектории полета, оператору остается только задать объект для поражения, машина сама проложит к нему путь, используя спутниковую навигацию. *Во-вторых*, палубный характер его базирования позволяет обходиться без согласия других стран на проведение

операций. В-третьих, БПЛА имеет малый уровень радиолокационной заметности по аналогии с палубным вариантом истребителя пятого поколения F-35C, что позволяет ему действовать в хорошо защищенном средствами ПВО воздушном пространстве.

Работы над этим проектом начались в мае 2010 г., когда командование ВМС США возобновило работы по созданию малозаметного разведывательно-ударного комплекса, способного «к концу 2018 г. действовать совместно с пилотируемыми палубными самолетами в составе корабельной авиационной группы авианосца. В мае 2013 г. начались его летные испытания. Предполагаемый разведывательно-ударный авиационный комплекс (РУАК) в составе 4–6 БПЛА должен автономно действовать с авианосцев типа *Нимиц* и *Джеральд Форд*, находиться в воздухе без дозаправки 11–14 часов, а также иметь возможность пополнять запасы топлива от самолетов-заправщиков¹³».

Кроме того, в США разрабатывается ударный одноразовый микро-БПЛА *T-RAM*, который будет нести одну 40-мм гранату.

Реализация программы ударных БПЛА в США приводит также к обострению конкуренции американских и европейских компаний¹⁴. Для последних это особенно важно, поскольку боевые беспилотные комплексы «могут оказаться хорошим заменителем боевой авиации, которой у европейцев становится все меньше, а потери самолетов и летчиков становятся все более неприемлемыми»¹⁵.

Для противопартизанских и небольших *классических* войн (по типу ливийской кампании 2011 г.) беспилотники могут оказаться наиболее подходящим вариантом, а самостоятельное ведение Европой широкомасштабной войны практически исключено. Европейским аналогом БПЛА *Predator* должен стать немецкий тактический ударный БПЛА *Barracuda*.

Над своим вариантом боевого БПЛА работают и французы. Так, 1 декабря 2012 г. на французском испытательном полигоне Истр был проведен первый полет демонстратора европейского ударного БПЛА *nEUROn*¹⁶, который позиционируется как основной перспективный европейский ударный БПЛА и является примерным аналогом американского *X-47B*. Правда, есть сомнения, что из-за своей сложности и дороговизны проект будет реализован. В дополнение к этой программе «компания *Дассо Авиасьон* совместно с британской *BAE Системз* исследует возможность создания перспективного англо-французского боевого БПЛА, а также средневысотного беспилотника большой продолжительности полета»¹⁷.

Китай сегодня также стремительно догоняет Европу, США и Израиль в создании беспилотной авиации. Для КНР беспилотники служат еще и потенциальной компенсацией отставания в области ударной авиации. Так, БПЛА *WJ-600* предназначен для ведения разведки, РЭБ и нанесения ударов по наземным целям и несет не менее двух ракет *воздух–поверхность*.

Другим боевым беспилотником, немного меньших размеров, является БПЛА *Илонг (Птеродактиль)*. Судя по внешнему виду, он является точной копией американского БПЛА *Predator*. Еще у НОАК имеется небольшой боевой БПЛА *СН-3* с боевой нагрузкой в 640 кг. В 2005 г. на авиационной выставке в Чжухае китайцы демонстрировали БПЛА *Аньцзян*, который был представлен как сверхзвуковой беспилотный истребитель. А в 2009 г. Китай презентовал стратегический аппарат, подобный американскому БПЛА *Global Hawk*¹⁸. Также имеется информация о создании в КНР аналога американского БПЛА *RQ-170 Sentinel*, являющегося крайне сложной и дорогой малосерийной машиной, а также ударного БПЛА *Лицзянь*, похожего на американский *X-47B*.

Необходимо отметить, что в Китае прекрасно понимают необходимость интеграции разведывательных БПЛА с боевыми системами. Например, в комплект самой

дальнобойной в мире реактивной системы залпового огня WS-2 входят беспилотники, непосредственно обеспечивающие подразделения этой системы разведанными. Имеются сведения о том, что китайские танки будут оснащены *собственными* беспилотниками. Принципиальным прорывом в развитии БПЛА стало бы создание беспилотного истребителя, что в значительной степени девальвировало бы аналогичные машины пятого поколения¹⁹.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЕСПИЛОТНОЙ АВИАЦИИ

Первым перспективным направлением развития беспилотных летательных аппаратов является создание высотного БПЛА большой продолжительности полета, который будет иметь возможность непрерывного патрулирования более суток. И в принципе, применение БПЛА на высотах свыше 12–15 км имеет ряд преимуществ:

- большая дальность прямой видимости, в пределах которой могут функционировать разведывательная аппаратура и средства связи;
- отсутствие инверсионного следа, что дополнительно снижает заметность аппарата;
- меньшая вероятность летных происшествий, поскольку боевые задания выполняются над зонами плохой погоды, а также маршрутами полетов других летательных аппаратов;
- меньшая уязвимость для средств ПВО²⁰.

Наиболее активно работы по данному направлению ведутся в США. В частности, ведутся разработки многоцелевого БПЛА нового поколения MQ-X, который должен прийти на смену боевым комплексам MQ-1 Predator и MQ-9 Reaper.

Вторым из новых направлений являются аппараты-истребители других БПЛА. С учетом того, что в настоящее время многие страны мира разрабатывают собственные беспилотные системы, США еще в середине 2000-х гг. в рамках проекта *Peregrine UAV Killer* занялись созданием оружия противодействия беспилотникам. Предполагается, что это будет небольшой, дешевый в производстве летательный аппарат, обладающий повышенной прочностью.

Третье перспективное направление — сверхмалые летающие роботы, которые практически неуязвимы во время полета, поскольку на высоте несколько сотен метров уничтожить маленький самолет почти невозможно.

Самый маленький из существующих беспилотных самолетов 72-сантиметровый американский WASP, который весит в разных модификациях от 430 до 1300 г и запускается вручную. Этот аппарат оснащен двумя миниатюрными видеокамерами, которые собирают информацию и передают ее оператору в режиме реального времени. Аппаратом управляет бортовой компьютер, который ориентируется при помощи системы GPS. Он управляется электромотором, который получает энергию от аккумуляторов, подзаряжающихся во время полета от солнечных батарей²¹.

Кроме США, над подобными проектами активно работают израильтяне. На вооружении армии обороны Израиля состоит БПЛА *Skylark*, который также запускается с руки. Несмотря на свои небольшие размеры, этот БПЛА способен следить за территорией размером в 10 кв. км, находясь в воздухе в пределах полутора часов. Электронная аппаратура способна с высоты в несколько сотен метров разглядеть отдельных людей на земле и передать картинку на монитор оператора²². Российские разработчики также занимаются данной проблемой.

Четвертым направлением является создание беспилотного вертолета. Свой проект есть у корпорации *Боинг*, которая занялась переделкой существующего вертолета *AH-6J Little Bird* в беспилотный вариант. Другой аналогичный проект по переделке пилотируемой машины в *робокopter* — *UH-1 Huey*, который будет оснащен перспективной ракетной системой *Advanced Precision Kill Weapon System (APKWS)*. В России холдинг *Вертолеты России* в рамках государственного оборонного заказа ведет разработку нескольких БПЛА вертолетного типа различного радиуса действия.

Возможности и свойства беспилотных систем в отдаленной перспективе неясны, однако на этом пути сегодня нет фундаментальных физических барьеров, поэтому широкое освоение всех вышеперечисленных технологий — вопрос времени.

Так, пределом миниатюризации БПЛА является нанометровый диапазон. Известно, что эффективность оружия быстрее растет при увеличении точности, чем при наращивании мощности. Соответственно, если довести точность размещенного на БПЛА вооружения до сантиметров, можно отказаться от больших зарядов взрывчатого вещества и значительную часть целей поражать за счет кинетической энергии боеприпаса или выводить их из строя воздействием на плохо защищенные критические точки.

Также наблюдается устойчивый прогресс в разработке систем искусственного интеллекта, распознавания образов, процессоров нового типа²³ и создания обучающих систем. А в последние годы весьма активно отрабатывается теория и практика сетевых сверхсистем военного назначения, позволяющих решить задачу создания распределенного интеллекта.

Таким образом, рано или поздно реальным противником для систем ПВО станут ударные, отлично вооруженные и живучие группировки БПЛА²⁴. Благодаря коллективному, распределенному интеллекту они будут действовать как единое целое, анализировать ситуацию группировка будет не хуже человека, да к тому же быстрее. Кроме того, в контур управления смогут включаться люди, что внесет в управление боевыми действиями элемент творчества и непредсказуемости²⁵.

При этом, очевидно, что развитие беспилотных комплексов будет идти по пути оптимизации критерия *стоимость–эффективность*, следствием чего станет постепенный отказ от завышенных требований к БПЛА, с точки зрения как длительности их непрерывного пребывания в воздухе, так и носимой ими полезной нагрузки.

БЕСПИЛОТНАЯ АВИАЦИЯ В РОССИИ

Россия в последние годы уделяет значительное внимание развитию беспилотной тематики, поскольку за 20 лет страна утратила мировое лидерство в этой сфере. В 1976–1989 гг. было выпущено 950 реактивных БПЛА *Tu-143*, что до сих пор остается мировым рекордом²⁶, а потом произошел резкий спад.

Тем не менее промышленность сохранила потенциал развития, а выделяемые по линии государственного оборонного заказа финансовые средства и гражданские заказчики способны в ближайшие годы генерировать достаточный платежеспособный спрос. Кроме того, сегодня создана организационно-планирующая и нормативная база в области развития комплексов с БПЛА, в частности разработана Межведомственная концепция создания перспективных комплексов с БПЛА до 2025 г.

Потребности российских вооруженных можно оценить в 2000 комплексов с БПЛА большой (свыше 500 км), средней (до 500 км), малой (до 100 км) дальности и ближнего действия (до 25 км). Для удовлетворения этих потребностей необходимо выделение финансовых средств до 2025 г. в размере более 300 млрд рублей.

В настоящее время российскими вооруженными силами эксплуатируются БПЛА ближнего радиуса действия *Стрекоза* и *Груша*, а также аппараты малой дальности — *Типчак*, *Орлан-10*, *Элерон-10* и *Строй-ПД*. Эти системы полностью отвечают требованиям, предъявляемым к БПЛА данных классов, и не уступают лучшим зарубежным образцам.

Основные трудности, с которыми сталкиваются отечественные разработчики и производители комплексов с БПЛА, связаны с отсутствием отдельных комплектующих элементов собственного производства. Речь идет о малогабаритных оптико-электронных разведывательных датчиках, электронной компонентной базе с высокими техническими и эксплуатационными характеристиками, автономных и емких источниках питания, авиационных поршневых двигателях мощностью до 100–200 л. с. Оптимальными путями решения проблемы отсутствия комплектующих элементов являются разработка и принятие соответствующих федеральных целевых программ.

Сравнительно недавно наметилась тенденция закупки для нужд российских ВС комплексов БПЛА иностранного производства, однако после смены в ноябре 2012 г. руководства Министерства обороны разговоры о необходимости массовой закупки БПЛА иностранного производства пошли на убыль, а создание отечественных беспилотных комплексов выделено в качестве приоритета. К тому же иностранные БПЛА, созданные для действий в определенных климатических условиях, иногда крайне затруднительно использовать в полном объеме в российских условиях.

Немаловажен и тот факт, что иностранные производители ограничивают бортовое оборудование только оптическими системами наблюдения и не спешат продавать России современные бортовые радиолокационные станции, комплексы радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы, устанавливаемые на БПЛА военного назначения. Соответственно БПЛА, оборудованные только оптическими средствами разведки, смогут принести в умеренных широтах с высокой облачностью и частыми осадками значительно меньше пользы, чем, например, в зоне Персидского залива²⁷.

Потребность Вооруженных сил России в ударных комплексах с БПЛА на период до 2025 г. можно оценить в несколько десятков единиц. В 2011 г. ОАО *Концерн радиостроения Вега*, являющийся головным российским предприятием по беспилотной тематике, продемонстрировал натурный образец разведывательно-ударного БПЛА среднего радиуса действия, разработанного входящим в состав концерна КБ *Луч* (г. Рыбинск). Более того, учитывая, что главным в создании беспилотных комплексов является не создание роботизированного носителя, а обработка полученной информации и доведение ее до потребителя, сегодня значительное внимание уделяется подготовке специалистов-операторов, способных эффективно решать данные задачи.

В том же 2011 г. Министерство обороны РФ подписало контракт с казанским ОКБ *Сокол* и петербургским ЗАО *Транзас* на разработку и производство разведывательно-ударных российских БПЛА, первые испытания которых запланированы на 2014 г. Помимо этого к разработке перспективного тяжелого ударного БПЛА привлечена компания *Сухой*, а НПК *Иркут* (обе компании входят в *Объединенную авиастроительную корпорацию*) продолжает опытно-конструкторские работы, которые планируется завершить в 2015 г., по одному из перспективных образцов БПЛА.

ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ В ОБЛАСТИ БПЛА

В целом, оценивая перспективы развития российской беспилотной авиации, можно с уверенностью сказать, что основные усилия в приоритетном порядке будут направ-

лены на ликвидацию отставания отечественных образцов от лучших зарубежных аналогов.

Прежде всего, речь идет о БПЛА средней и большой дальности. По словам гендиректора *Концерн радиостроения Вега* В.С. Вербы, «в области аппаратов малого класса (т.е. ближнего действия. — **Е.Б.**) уже три года как в РФ разработаны и производятся изделия, которые не уступают мировому уровню, а в чем-то даже превосходят»²⁸. Что касается БПЛА большой и средней дальности, то в настоящее время Минобороны «сформулировало требования к пяти перспективным беспилотным комплексам. Все опытно-конструкторские работы по ним выполняются по графику и есть уверенность, что они успешно завершатся и государство получит современную технику»²⁹.

При этом в целях привлечения дополнительных, в основном внебюджетных, финансовых ресурсов также стоит задача по расширению номенклатуры БПЛА гражданского назначения. Конечно, в данном случае речь идет не о специальной разработке сугубо *гражданских комплексов*, а о гибкой политике оперативного внедрения военных технологий в область создания беспилотных комплексов гражданского назначения.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

Отечественные разработки БЛА выглядят весьма скромно по сравнению с количеством и типом разрабатываемых и применяемых за рубежом БЛА, кругом решаемых ими задач, возможностями и летно-техническими характеристиками. Одна из основных причин сложившегося положения – пресловутые «финансовые трудности». Немаловажную роль играют и вечные бюрократические проволочки. Вопросы создания конкурентоспособных отечественных комплексов БЛА уже пора, вероятно, выносить на уровень решения Совета безопасности РФ.

Михаил Павлушенко, Геннадий Евстафьев, Иван Макаренко.

Беспилотные летательные аппараты:
история, применение, угроза
распространения и перспективы развития.
Научные записки ПИР-Центра. 2004,
№2 (26). С. 557–558.

Примечания

¹ Unmanned Aerial Warfare: Flight of the Drones. *The Economist*. 2011, 8 October. <http://www.economist.com/node/21531433> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

² Три стихии беспилотников. *Оборона России*. 2012, 27 марта. http://ros-oborona.ru/analytics/futuretechs/tri_stikhii_bespilotnikov/ (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

³ Михаил Павлушенко, Геннадий Евстафьев, Иван Макаренко. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития. *Научные записки ПИР-Центра*. 2004, № 2 (26). С. 446.

⁴ Муса Хамзатов. Мода на беспилотники над полем боя — на свои и чужие. *Независимое Военное Обозрение*. 2012, 2 марта. http://nvo.ng.ru/armament/2012-03-02/1_bespilotniki.html (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁵ США вооружат стелсы гиперзвуковыми ракетами. *Во славу Родины: Белорусская военная газета*. 2012, 11 июля. <http://vsr.mil.by/2012/07/11/vpk-news-4/> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

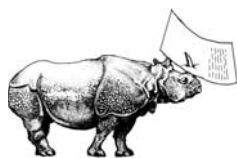
⁶ БПЛА от MQ-9 «Риппер» до WJ-600 знаменуют новую эру. *Оружие России*. 2012, 14 июня. <http://www.arms-expo.ru/055057052124050055057051049.html> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁷ Unmanned Aerial Warfare: Flight of the Drones. *The Economist*. 2011, 8 October.

⁸ Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) зарубежных стран. Разработка и основные модели. *Современная Армия*. 2012, 7 апреля. <http://www.modernarmy.ru/article/152> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

- ⁹ Там же.
- ¹⁰ БПЛА от MQ-9 «Риппер» до WJ-600 знаменуют новую эру. *Оружие России*. 2012, 14 июня.
- ¹¹ Михаил Павлушенко, Геннадий Евстафьев, Иван Макаренко. Цит. соч. С. 447.
- ¹² Юрий Блинков. Перспективы развития беспилотной авиации в ведущих странах НАТО. *Зарубежное Военное Обозрение*. 2012, № 12. С. 54–58.
- ¹³ Николай Новичков. Малоаметный палубный БПЛА: Успехи программ ударных беспилотных аппаратов США и Европы. *Военно-Промышленный Курьер*. 2012, 19 декабря. № 50 (467). <http://www.vpk-news.ru/articles/13673> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).
- ¹⁴ Демонстратор европейского ударного БПЛА представят в Ле Бурже. *Военно-Промышленный Курьер*. <http://vpk-news.ru/news/16386> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).
- ¹⁵ БПЛА от MQ-9 «Риппер» до WJ-600 знаменуют новую эру. *Оружие России*. 2012, 14 июня.
- ¹⁶ Николай Новичков. Цит. соч.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ БПЛА от MQ-9 «Риппер» до WJ-600 знаменуют новую эру. *Оружие России*. 2012, 14 июня.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Юрий Блинков. Цит. соч. С. 54–58.
- ²¹ См.: 1) Пентагон заказал мини-беспилотник нового типа. *Lenta.Ru*. 2008, 22 августа. <http://lenta.ru/news/2008/08/21/sp2p/> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.); 2) AeroVironment представила новый малый беспилотник для ВВС США. *Lenta.Ru*. 2012, 23 мая. <http://lenta.ru/news/2012/05/23/wasp/> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).
- ²² Владимир Шенк. «Жаворонок» в разведке: Армия Израиля приняла на вооружение сразу несколько типов беспилотников. *Военно-Промышленный Курьер*. 2007, 22 августа. № 32 (198). <http://vpk-news.ru/articles/3880> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).
- ²³ В. Евграфов. Перспективы использования зарубежными вооружёнными силами беспилотных летательных аппаратов для решения задач РЭБ. *Зарубежное Военное Обозрение*. 2009, № 10. С. 53–58.
- ²⁴ А. П. Скотников, В. И. Якубов, С. В. Шиховцев. Роль и место беспилотных комплексов в системе вооружения Российской армии. *Военная мысль*. 2007, № 4. С. 68.
- ²⁵ Сергей Сокут. Небо будущей войны: Воздушное пространство над полями сражений будет принадлежать роботам. *Воздушно-Космическая Оборона*. 2005, № 5 (24). http://old.vko.ru/article.asp?pr_sign=archive.2005.24.01 (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).
- ²⁶ Пощечина российскому производителю. *Росбалт*. 2009, 25 июня. <http://www.rosbalt.ru/business/2009/06/25/650121.html> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).
- ²⁷ Муса Хамзатов. Цит. соч.
- ²⁸ Владимир Верба. Концерн «Вега»: искусство возможного. *Электроника*. 2013, № 5. С. 21.
- ²⁹ Там же.

Олег Демидов

СДАДУТ ЛИ США КЛЮЧИ ОТ ИНТЕРНЕТА?

28 марта 2014 г. в Сингапуре завершилась 49-я конференция *Корпорации Интернета по присвоению имен и номеров (ICANN)* — структуры, которая играет ключевую роль в координации работы системы уникальных идентификаторов интернета — доменных имен и IP-адресов. Иначе говоря, *ICANN* обеспечивает работу как минимум двух критических уровней инфраструктуры Сети, без которой интернет не может существовать и работать.

Среди всех сюжетов, обсуждавшихся на конференции, один имеет центральное значение и потенциально выходит за рамки спектра узкоспециальных вопросов, интересных прежде всего техническим специалистам. Этот сюжет связан с недавним заявлением специального агентства в структуре Министерства торговли США — *Национальной администрации по телекоммуникации и информации (NTIA)*. 14 марта 2014 г. на сайте *NTIA* появилась публикация, в которой излагалось намерение ведомства «передать ключевые функции системы доменных имен DNS глобальному сообществу заинтересованных сторон».

К
О
М
М
У
Н
И
Т
А
Р
И
И

КРИТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ИНТЕРНЕТА

Для понимания смысла и значения этой фразы не обойтись без ряда кратких пояснений. Координация работы критической инфраструктуры интернета сегодня вписана в достаточно уникальную организационную и архитектурную модель, прямых аналогов которой в международной практике, пожалуй, не найти. Центральным элементом этой модели, собственно, является *ICANN* — *Корпорация Интернета*, которая не является ни корпорацией, ни международной организацией в привычном смысле этих понятий.

Существуя в правовом поле штата Калифорния и формально являясь некоммерческой корпорацией, *ICANN* строит свою деятельность на модели, известной как мультистейкхолдеризм, или управление с участием всех заинтересованных сторон (*стейкхолдеров*). Смысл модели, грубо говоря, сводится к тому, что состав коллегиальных, в том числе руководящих органов Корпорации формируется из числа представителей всех заинтересованных [в участии в процессах управления интернетом] сторон: государств, бизнеса, гражданского сообщества, а также технических экспертов и сообщества самих пользователей интернета.

Важнейшей особенностью данной модели является отсутствие примата в принятии решений у представителей государств, которые находятся в равных условиях с другими заинтересованными сторонами и не имеют права принимать и продвигать решения в обход мнения других стейкхолдеров. Так, решения *Правительственного консультационного комитета (GAC)* носят для *ICANN* рекомендательный характер и могут игнорироваться правлением корпорации. Прецеденты тому

есть — в 2011 г. правление вопреки позиции GAC в конечном счете санкционировало запуск доменной зоны верхнего уровня для легального порноконтента .xxx.

Вместе с тем одно из национальных правительств исторически находилось в особых взаимоотношениях с *Корпорацией Интернета*, и это, конечно, правительство США. Еще до того, как в 1998 г. была создана сама ICANN, американские власти по мере развития интернета и его коммерциализации решили начать процесс передачи уже существовавшей критической инфраструктурой Сетью в руки того сообщества, которое и стояло у истоков его создания — сообщества технических специалистов. После длительного и многоступенчатого процесса, начавшегося в 1997 г., ситуация пришла к ее нынешнему состоянию. Сегодня отношения ICANN с правительством США регулируются прежде всего контрактом на осуществление функций *Администрации адресного пространства Интернет (IANA)* от 10 января 2012 г.; срок действия некоммерческого контракта на 0 долл. истекает 30 сентября 2015 г.

Согласно контракту, правительство США осуществляет контроль над исполнением критических функций IANA, которые непосредственно осуществляет команда технических специалистов на площадке ICANN. В частности *Национальная администрация по телекоммуникациям и информации* утверждает запросы ICANN на внесение изменений в файл корневой зоны DNS (своеобразный каталог IP-адресов и доменных имен верхнего уровня). Также *Корпорация Интернета* предоставляет Министерству торговли США регулярную отчетность об осуществлении данных функций, а Министерство располагает полномочиями для проведения инспекций для проверки того, как эти функции исполняются.

Зачастую можно встретить упоминание *Администрации адресного пространства Интернет* как отдельной организации, подчиненной *Корпорации Интернета* или входящей в ее корпоративную структуру — это не совсем так. IANA не имеет юридического лица и физически представляет именно группу технических экспертов, выполняющих определенный набор функций — в данном случае в рамках ICANN, а юридически определяется в упомянутом выше контракте именно как совокупность этих функций.

О каких функциях идет речь и почему они столь важны? Ключевых из них четыре: 1) координация присвоения технических параметров протоколов, по которым работает интернет; 2) администрирование файла корневой зоны системы DNS и некоторые другие функции, связанные с работой системы корневых серверов DNS; 3) собственное распределение адресных ресурсов интернета — доменных имен верхнего уровня и блоков IP-адресов; 4) управление доменом верхнего уровня .int и доменом .arpa, зарезервированным для специальных технических целей, связанных с обеспечением работы системы DNS. Не вдаваясь в детали, отметим главное: неисполнение либо ненадлежащее исполнение любой из этих функций (за определенными оговорками в отношении 4-й) повлечет нарушение нормальной работы интернета в глобальном масштабе. Поэтому функции IANA являются критическими.

Именно из комбинации технической специфики этих функций — их централизации, осуществления из единой точки, — и организационного своеобразия той модели, в которой они реализуются, и растут корни ключевого противоречия, привносящего международно-политические нотки в, казалось бы, сугубо технический процесс. Дело в том, что ряд государств, включая Россию, рассматривают описанный выше механизм управления интернет как несовершенный, прежде всего с точки зрения концентрации контроля в руках США и недостаточного участия других стран. С 1998 г. Россия устами МИД призывала к пересмотру существующей модели и передачи отдельных либо всех функций IANA международному сообществу, понимая под таким прежде всего межправительственную площадку ООН и ее специализированных агентств. За прошедшее время несколько поменялись акценты, повысилась готовность России и государств, разделяющих ее позицию, участвовать в работе ICANN. Но на принципиальном уровне вопрос никуда не ушел и даже обострился, как показали дебаты на Всемирной конференции по международной электросвязи, прошедшей на площадке Международного союза электросвязи в декабре 2012 г.

УПРАВЛЯЮТ ЛИ США ИНТЕРНЕТОМ?

Именно в этом контексте и стоит рассматривать и оценивать заявление *NTIA* и последовавшие обсуждения на конференции в Сингапуре. Первым впечатлением наблюдателей как в самих США, так и за их пределами, стало: «Америка сдает пост и готова отдать ключи от управления интернетом всем желающим, в том числе России или Китаю». Любопытно, что подобные алармистские комментарии насчет «узурпации контроля над Сетью авторитарными государствами» прозвучали и из уст американских конгрессменов, и на страницах такого солидного издания, как *Уолл Стрит Джорнал*, а также в ряде других СМИ. Масла в огонь мог подлить и тот факт, что на заседании *GAC* в Сингапуре 23 марта 2014 г. китайский представитель активно поддержал и приветствовал заявление *NTIA* и от лица КНР выразил готовность работать над выработкой предложений по осуществлению контрольных полномочий от США к «глобальному сообществу заинтересованных сторон».

Между тем в обоснованности опасений приходится всерьез усомниться. На том же заседании *GAC* в Сингапуре представитель американского правительства — помощник Госсекретаря США и глава *NTIA* Лоуренс Стриклинг прямым текстом заявил, что США не примут предложения, в основе которого будет контроль над координацией работы системы DNS со стороны какого-либо государства либо межправительственной организации. Также в его выступлении и в самом заявлении зафиксировано, что новый механизм должен быть основан на мультистейкхолдерном подходе. В этой связи важно понимать, что США имеют возможность выбирать и не имеют принципиальных ограничителей по сроку этого выбора.

Да, процесс передачи контрольных полномочий объективно назрел, и разоблачения Сноудена в 2013 г. выступили лишь его дополнительным катализатором. Бросив серьезную тень на США в вопросах управления интернетом, история со Сноуденом подтолкнула Министерство торговли США к форсированию процесса. Дальнейшее промедление означало бы нарастающую политизацию дискуссий вокруг *ICANN* на международных площадках в контексте ее зависимости от США, запятнавших свою репутацию глобальными программами электронной слежки. То есть один из главных мотивов действий американской администрации — отстыковать международные дебаты о собственных пререшениях в Сети от дискуссий вокруг *Корпорации Интернета*. Надо полагать, что такой подход в полной мере отвечает интересам самой *ICANN* — не зря ее президент Фади Шехадэ объявил о намерении вывести Корпорацию из-под американского контроля на площадке *Всемирного форума по управлению интернетом (IGF)* в октябре 2013 г., на пике международной шумихи вокруг Сноудена.

Однако если в ближайшее время предложения по созданию нового механизма контроля над осуществлением функций *IANA* не поступят либо будут категорически противоречить интересам Вашингтона, ничего страшного для США не случится. Контракт *NTIA* с *ICANN* истекает 30 сентября 2015 г., однако в его механизме заложены два опциона на продление — до 30 сентября 2017 г. и 2019 г. соответственно. Кроме того, никто не может взять у *NTIA* эти полномочия, пока агентство само их не отдаст. Процесс обратим, а его ход и результат зависят от качества и содержания поступающих предложений — это один из ключевых сигналов, который Министерство торговли США посылает заинтересованным сторонам.

Разумеется, никто при этом не ведет речь об исключении правительств из процесса формирования нового механизма, хотя президенту *ICANN* пришлось специально отметить это, подчеркнув, что без участия правительств вся инициатива неизбежно утрачивает свою легитимность. Гораздо более сложный вопрос заключается в том, как собственно должен быть сформирован и выглядеть оптимальный механизм, который и мог бы осуществлять контрольные полномочия над функциями по обслуживанию работы системы DNS. на конференции *ICANN* в Сингапуре консенсус свелся к отсутствию каких-либо готовых идей и решений. Зато завязана главная интрига года в сфере управления интернетом — кто сумеет выработать лучшее предложение и каким оно будет? Во-первых, неясно, требуется ли создание новой организационной сущности, просто из логики формальной необходимости юридического лица, которому *NTIA* мог бы вручить контрольные полномочия. В Сингапуре можно было услышать самые разные идеи на этот счет: от расширения мандата Всемир-

ного форума по управлению интернетом (который учрежден под эгидой ООН) или формирования новой неправительственной *квазимеждународной организации* наподобие ФИФА или Международного олимпийского комитета до передачи контрольных полномочий нейтральному государству типа Швейцарии.

Между тем представители самой *ICANN* в ходе конференции высказывались в духе того, что создание некоей новой *entity* необязательно будет оптимальным выбором и можно предложить решения в рамках уже существующей архитектуры интернет-сообщества. Тогда встает вопрос, как надежно отделить контролирующие инстанции от контролируемых, если и те и другие будут открытыми форматами на основе мультистейкхолдерного подхода, в работе которых могут участвовать практически все заинтересованные и компетентные эксперты. Как избежать конфликта интересов и коллизии компетенций?

В свете изложенных вопросов интересна официальная позиция России, которая в Сингапуре в основном свелась к молчаливому наблюдению за протекающими обсуждениями. Ситуация получается достаточно интересная: с одной стороны, изъятие у США особых полномочий по контролю над функционированием критической инфраструктурой Сети с 1998 г. было значимой задачей российской внешней политики. С другой стороны, прописанная в Основах государственной политики РФ в области международной информационной безопасности до 2020 г. цель сформулирована как «интернационализация управления информационно-телекоммуникационной сетью Интернет и увеличение в этом контексте роли Международного союза электросвязи», т.е. прежде всего укрепление роли межправительственного механизма контроля над корнями Сети. Прежде всего потому, что мультистейкхолдерный подход, основанный на отсутствии у государств права решающего голоса, пока не нашел полного понимания у российских государственных органов. В итоге заявление и инициатива *NTIA* выходят и не в пользу официальной российской позиции, и не против нее, а как-то вбок.

Какую позицию выработает Россия в итоге, вопрос вдвойне интересный по той причине, что выработать ее, вероятно, придется очень быстро.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы подчеркнуть достаточно банальную мысль, которая тем не менее зачастую недоучитывают в ходе крупных международных дискуссий. Функции по поддержанию и обеспечению работы системы DNS, как и другие функции *IANA* и большая часть компетенций *ICANN*, не требуют и не заслуживают политизации, будучи сугубо техническими и нейтральными по своей природе. Управление интернетом в том виде, в котором оно было определено в документах Тунисского этапа *Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО)* в 2005 г., отнюдь не ограничивается системой DNS и включает вопросы безопасности и защищенности в Сети, равно как и социальные, экономические и технические вопросы. Соответственно, выработка глобальных политик в сфере управления интернетом и их согласование целесообразно фокусировать на этих более широких социально-экономических и иных аспектах, на вопросах безопасности в Сети, не увязывая их только с вопросами обеспечения работы критической инфраструктуры DNS.

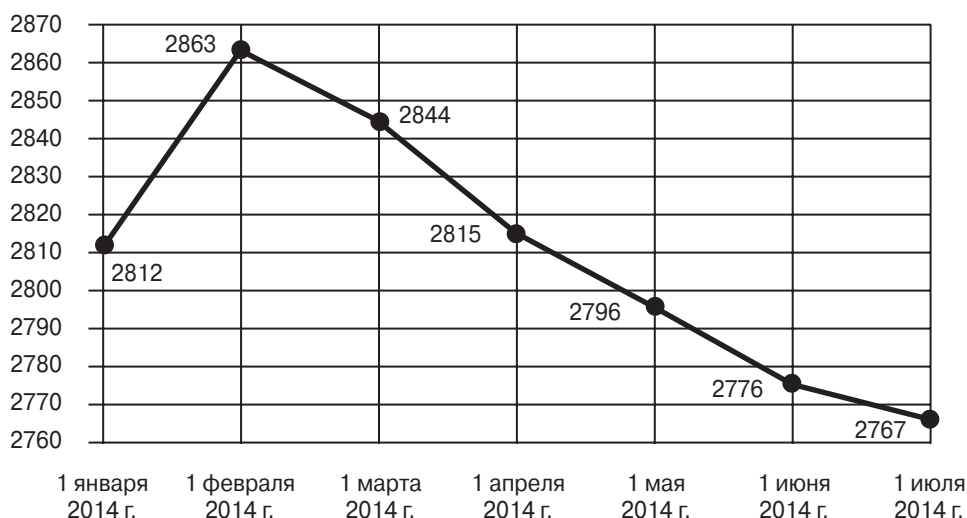
Правительство США при всей контрпродуктивности своих недавних действий в Сети, вскрытых разоблачениями Сноудена, в целом проводило разумную политику невмешательства в координацию работы системы DNS и в значительной степени подходило к своим контрольным функциям формально. Важно, чтобы технические процессы обеспечения работы Сети в результате грядущих изменений лишь укрепили свою нейтральную сущность и не превратились в объект политического торга или инструмент политических стратегий, будь они мультистейкхолдерными или межправительственными. Поэтому американским конгрессменам не следует пугать себя и весь мир узурпацией интернета китайско-российским авторитарным альянсом, а российским стейкхолдерам, включая государство, стоит тщательно поискать возможности и плюсы в озвученной правительством США инициативе.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в январе–мае 2014 г.

↪ **Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури, Константин фон Эггерт. ИНДЕКС *iSi* ЗА ЯНВАРЬ-МАЙ 2014 г.: ХОЛОДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 2.0**

↪ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЗАКОН МЕРФИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

↪ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НОВЫЙ МИР: МЕСТО И ВРЕМЯ РОЖДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО. ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО**

ХОЛОДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 2.0.

Новое базовое значение Индекса международной безопасности (*iSi*), установленное на 2014 г., составило **3205 пунктов**, превысив на 60 пунктов годовой показатель 2013 г. Повышение годового значения Индекса *iSi* связано со снижением к концу 2013 г. военно-политической напряженности на Корейском полуострове, спадом угрозы внешнего вмешательства в конфликт в Сирии, достигнутым компромиссом на переговорах по Ирану. Отклонение нового базового показателя индекса *iSi* от *идеального* уровня международной безопасности, равного, в соответствии с методологией подсчета *iSi*, **4210 пунктам**, составило **1005 пунктов**. *Идеальный* уровень международной безопасности — это состояние, когда безопасности в мире ничто не угрожает. Соответственно, чем ближе значение индекса к этому уровню, тем безопаснее окружающая действительность, и наоборот. В 2010 г. базовое значение Индекса *iSi* составило — **3228 пунктов**. В 2011 г. оно было равно **3284** пунктам, в 2012 г. составляло **3115**, а в 2013 г. — **3145 пунктов**.

Несмотря на повышение нового годового значения индекса *iSi*, 2014 г. начался с разнонаправленных тенденций. Так, зимой 2014 г. показатель индекса *iSi* рос. На 1 января 2014 г. значение *iSi* составило **2812 пунктов**, а 1 февраля показатель вырос еще на 51 единицу и составил **2863 пункта**. Повышение показателей индекса *iSi* зимой было связано с продолжившимися успешными переговорами *шестерки* международных посредников с Ираном, операцией Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по уничтожению химического оружия в Сирии и начавшимися мирными переговорами между сторонами конфликта и международными посредниками по урегулированию ситуации в стране.

В конце зимы и весной 2014 г. резко обострилась ситуация в юго-восточных регионах Украины, последовали санкции США и ЕС в отношении ряда российских чиновников и компаний из-за принятия Крыма и Севастополя в состав России, продолжилась нестабильность на Ближнем Востоке, выросла напряженность на Корейском полуострове, а также в государствах Латинской Америки. Эти события и тенденции привели к снижению показателей Индекса международной безопасности. На 1 марта 2014 г. значение индекса *iSi* составило **2844 пункта**, снизившись на 19 единицу по сравнению с показателем предыдущего месяца. На 1 апреля 2014 г. индекс *iSi* был равен **2815 пунктам**, а 1 мая — **2796 пунктам**. Резкое снижение показателей *iSi* весной — свидетельство обострения международной военной и политико-правовой ситуации в мире.

- **ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО.** Зимой-весной 2014 г. обострение военно-политической ситуации на **Украине** стало основной угрозой региональной и международной безопасности. В январе-феврале в Киеве шли ожесточенные столкновения демонстрантов с правоохранительными органами из-за приостановки властями подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом; в результате уличных боев погибли около 100 человек. 21 февраля в результате переговоров Виктора **Януковича** и лидеров оппозиции было достигнуто соглашение об урегулировании кризиса; стороны договорились провести в стране досрочные президентские выборы. Подписан закон о возврате конституции 2004 г. 22 февраля парламент страны проголосовал за отставку Януковича с поста президента и освобождение из тюрьмы бывшего премьер-министра Юлии **Тимошенко**. Спикер Рады Александр **Турчинов** был назначен исполняющим обязанности президента страны. 21 марта новые власти в Киеве подписали политическую часть соглашения об ассоциации с Евросоюзом.

В конце февраля — марте обострилась ситуация в юго-восточных регионах Украины. В Крыму 26 февраля прошли митинги сторонников и противников новой власти в Украине; были захвачены административные здания. 27 февраля крымский парламент принял решение провести референдум о статусе автономии. 16 марта на полуострове прошел референдум о статусе республики, большинство жителей проголосовали за присоединение полуострова к России. 18 марта Президент России Владимир **Путин** подписал закон о принятии Крыма и Севастополя в состав России и об образовании новых субъектов федерации. Киев перекрыл подачу воды по Крымскому каналу.

США и Евросоюз в ответ на воссоединении Крыма с Россией ввели санкции против ряда российских официальных лиц и компаний; отменен саммит Россия–ЕС, намеченный на 3 июня, приостановлены переговоры по либерализации и отмене визового режима с Россией. Страны — члены *группы семи* приостановили подготовку к участию в саммите в Сочи. Совбез ООН провел ряд встреч по ситуации в Украине. 27 марта Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о территориальной целостности Украины.

29 марта в Бахчисарае на курултае крымско-татарского народа принято решение начать создание в Крыму национально-территориальной автономии.

В апреле в восточных регионах Украины продолжались митинги с требования проведения референдума о федерализации страны. Демонстранты взяли под контроль ряд административных зданий; власти в Киеве обвинили Москву в поддержке протестующих на востоке Украины и начали силовую операцию по подавлению протестов. 5 апреля Парламентская ассамблея НАТО прекратила сотрудничество с Москвой, а 10 апреля ПАСЕ до конца года лишила Россию права голоса и исключила из всех руководящих органов ассамблеи. США и Евросоюз пригрозили России новыми санкциями. 17 апреля в Женеве на переговорах России, США, ЕС и Украины был согласован план выхода из украинского кризиса, но митинги сторонников федерализации на востоке Украины продолжались. 24 апреля Россия начала военные учения вблизи границы с Украиной.

2 мая в Одессе в ходе столкновений противников и сторонников власти в Киеве и последовавшего пожара в Доме профсоюзов погибли 46 человек. Ожесточенные столкновения имели место также в Славянске, Мариуполе, Краматорске; есть жертвы. В мае в Донецкой и Луганской областях прошел референдум о самоопределении, однако киевские власти не признали его. США и Евросоюз расширил санкции в отношении России из-за ситуации на востоке Украины.

25 мая на Украине состоялись внеочередные президентские выборы; победу одержал Петр **Порошенко**.

Негативно на показатели индекса *iSi* влияла ситуация и в других странах постсоветского пространства. Так, 14 января на границе **Киргизии** и **Таджикистана** произошла перестрелка между пограничниками двух стран; ранены 7 человек.

В **Казахстане** в феврале имели место акции протеста недовольных произошедшей в стране девальвацией местной валюты.

США в начале марта начали вывоз техники со своей авиабазы в Киргизии.

В апреле в Казахстане и **Армении** правительство ушло в отставку.

 Андрей Кортунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Уровень безопасности в мире и, особенно, в нашем регионе снизился. Снижение связано с событиями на Украине и теми последствиями, которые эти события имели для отношений России и США, России и Европы. Помимо непосредственных последствий украинского кризиса, дестабилизации государств в центре Европы, военных столкновений жертвой кризиса оказалась инфраструктура военно-технического и военно-политического сотрудничества между Россией и Западом.

Лето 2014 г. будет сложным. Многое будет зависеть от того, как скоро стороны конфликта смогут начать процесс урегулирования кризиса на Украине. От того, какой курс возьмет новый президент страны Петр Порошенко, будет ли новый виток санкций против России со стороны Запада или не будет, зависит безопасность в мире и регионе в краткосрочной перспективе.

Серьезные события летом будут происходить в контексте вывода американских войск и союзников из Афганистана. Можно ожидать усиление давления движения *Талибан* на правительство Кабула, что, очевидно, станет серьезной потенциальной проблемой.

Президентские выборы в Сирии также повлияют на характер летних угроз и вызовов безопасности. По всей видимости, нынешний режим одержит на предстоящих выборах победу. Сохранение власти Башаром **Асадом** означает обострение противостояния в стране. Нельзя исключать, что сирийская оппозиция получит доступ к современным сетям вооружений, в частности к вооружению, которое можно использовать против авиации Дамаска. Поставки переносного зенитного ракетного комплекса сирийской оппозиции могут изменить ситуацию на месте.

Не исключено обострение ситуации летом в Приднестровье. Это то, что может создать дополнительные проблемы и для России и для стран Европы.

В **Таджикистане** в Горно-Бадахшанской автономной области в мае вспыхнули массовые беспорядки, спровоцированные убийством местных жителей сотрудниками милиции в ходе антинаркотической спецоперации.

29 мая Россия, Белоруссия, Казахстан подписали в Астане Договор о создании Евразийского экономического союза.

- **БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФРИКА.** Ситуация на Ближнем Востоке и странах Африки зимой-весной 2014 г. вновь оказывала неблагоприятное воздействие на состояние региональной и международной безопасности и вела к снижению показателей индекса *iSi*. В **Сирии** продолжилась гражданская война. Бои между армией и повстанцами в январе шли в Дамаске, Алеппо, Адре, Хомсе, а также на границе с Ливаном. В феврале боевики группировки *Джунд аль-Акса* напали на алавитское селение Маан под Хамой, убиты более 20 мирных жителей. Усилилось противостояние между враждующими группировками сирийских повстанцев.

В первой декаде января власти страны и Национальная коалиция оппозиции и революционных сил Сирии официально подтвердили свое уча-

стие в конференции *Женева-2*. 22 января в Швейцарии между сторонами конфликта и посредниками стартовал первый раунд переговоров по сирийскому урегулированию. В ходе 10-дневного обсуждения ситуации в Сирии добиться определенных результатов не удалось. 14 февраля в Женеве безрезультатно завершился второй раунд межсирийских переговоров. 22 февраля Совбез ООН принял резолюцию по доступу гуманитарной помощи в Сирию.

Весной 2014 г. бои между армией и оппозицией шли на южной и восточной окраинах Дамаска, в Латакии, в городе Табка на Евфрате и населенном пункте Калаат-эль-Хосн. 16 марта сирийские войска освободили город Ябруд и прорвали оборону боевиков в Заре и на западе страны.

В апреле в Сирии началась регистрация кандидатов для участия в президентских выборах. Действующий президент Башар **Асад** заявил о намерении участвовать в предстоящих выборах.

13 мая Лахдар **Брахими** покинул пост спецпредставителя ООН по Сирии.

Зимой 2014 г. относительно стабилизировалась ситуация вокруг ядерной программы **Ирана** после достигнутого в ноябре 2013 г. соглашения

Николай Злобин (США), президент Центра глобальных интересов — по телефону из Вашингтона: В США уровень безопасности остается прежним. Американцы провели довольно глубокий анализ угроз, перед которыми стоит сегодня страна, что является позитивным фактором для безопасности. Появилось лучшее понимание существующих опасностей. Эти опасности не увеличились, но политический истеблишмент глубже осознал характер их действия и структуру. США стали осознаннее относиться к тому, с чем имеют дело. В этом смысле уровень безопасности даже повысился, несмотря на то что уровень и острота угроз остались прежними.

Нам предстоит десятилетие плохих отношений между Россией и США и Россией и Западом в целом. В ближайшей перспективе нет никаких факторов, которые могли бы позитивно повлиять на эти отношения. По сути, ухудшения только начинаются, но их глубина, острота, размеры нам пока неизвестны. Нынешняя администрация США вряд ли будет заниматься улучшением американско-российских отношений, потому что им это совершенно не нужно. Следующая администрация в Вашингтоне уже попадет в обстановку испорченных отношений и, я думаю, у нее будет хороший шанс продолжать ухудшать эти отношения. Такие же действия, впрочем, будут наблюдаться и с российской стороны. Исходя из этого я ожидаю многолетие плохих отношений между сторонами.

Летом 2014 г. ничего фундаментального не произойдет. К счастью или к несчастью для Украины, она отказалась от статуса ядерной державы. Иначе конфликт развивался бы в этой стране совсем по иному сценарию. Если в ближайшие месяцы не произойдет прямого военного столкновения российских войск и войск НАТО на Украине или вокруг нее, то в Европе все будет более-менее спокойно. Если не обострятся японо-китайские отношения, а сейчас обострение пошло на спад, то и в Азии лето пройдет достаточно спокойно. Остальные регионы будут находиться в таком же тревожно-спокойном состоянии.

Евгений Бужинский (Россия), генерал-лейтенант запаса, старший вице-президент ПИР-Центра — по телефону из Москвы: Уровень безопасности в мире и в евроатлантическом регионе значительно ухудшается по причине и по мере углубления украинского кризиса. Украинский кризис оказывает прямое влияние на развитие отношения России с Западом и в первую очередь с США, в том числе в сфере безопасности. Думаю, что с учетом позиции, занятой новым президентом Украины Петром Порошенко по урегулированию ситуации в Луганской и Донецкой областях, ситуация будет только ухудшаться. Ясно, что взят курс на силовое подавление сопротивления юго-востока. Это, несомненно, приведет лишь к интенсификации кровопролития по мере использования вооруженными силами Украины и национальной гвардией все более тяжелых вооружений, включая боевую авиацию и реактивные системы залпового огня.

Позитивным событием стал визит президента России Владимира Путина в Китай, который придал мощный импульс развитию двусторонних отношений во всех без исключения областях, включая военное и военно-техническое сотрудничество.

Внушает определенный оптимизм развитие сирийского кризиса. Достижение определенных успехов правительственными войсками в их борьбе с вооруженной оппозицией, а также высокая вероятность успешного проведения предстоящих президентских выборов с участием Башара Асада позволяют надеяться на постепенное перерастание гражданской войны в рамки рутинной *контртеррористической операции* без угрозы силового изменения существующего государственного строя.

между *шестеркой* международных посредников и Тегераном. В феврале и апреле 2014 г. в Вене на переговорах Ирана с международными посредниками согласованы подходы к выработке всеобъемлющего соглашения по ядерной программе ИРИ. Но в мае на очередных переговорах стороны не смогли согласовать текст всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме. Между тем МАГАТЭ в очередном докладе отметило, что Иран ликвидировал половину запасов урана, обогащенного до 20%.

В **Египте** власти официально признали *Братьев мусульман* террористической организацией, что вызвало недовольство сторонников исламистов. Зимой-весной 2014 г. в стране не прекращались столкновения между органами правопорядка и исламистами. Наиболее ожесточенные столкновения между сторонниками и противниками исламистов вспыхнули 25 января в третью годовщину январской революции; имели место теракты. 14 января в стране прошел референдум по проекту новой конституции; большинство избирателей поддержали его. 24 февраля временное правительство страны ушло в отставку. 26–28 мая в Египте состоялись президентские выборы; победу одержал бывший министр обороны фельдмаршал Абдель Фаттах **ас-Сиси**.

В **Ираке** в начале января исламистские группировки захватили контроль над городами Фаллуджа и Рамади. Бои между силами безопасности и боевиками из группировки *Исламское государство Ирака и Леванта* не прекращались в течение зимы-весны 2014 г.; в апреле силовики провели в стране контртеррористическую операцию.

В **Турции** в январе имели место антиправительственные демонстрации из-за ужесточения контроля над Интернетом. 30 марта в стране состоялись муниципальные выборы; большинство голосов получила правящая *Партия справедливости и развития* во главе с Тайипом **Эрдоганом**.

Израиль–Арабский мир. 5 января Израиль отверг представленный ранее план США по обеспечению безопасности в Иорданской долине. В течение зимы ВВС Израиля атаковывали сектор Газа в ответ на обстрелы палестинских боевиков. 25 февраля в Иерусалиме произошли столкновения палестинцев с израильской полицией.

В Красном море 5 марта израильские войска перехватили судно с грузом ракет для боевиков сектора Газа.

15 марта Израиль обстрелял высоты Кфар-Шуба и Хилта на юге Ливана в ответ на вылазку на ливано-израильской границе сирийских боевиков, а 19 марта нанес удары по позициям сирийской армии в ответ на подрыв фугаса на Голанских высотах.

23 апреля палестинские движения ФАТХ и ХАМАС договорились сформировать правительства национального единства; в ответ Израиль приостановил переговоры с палестинцами.

В **Ливии** 19 января объявлено чрезвычайное положение из-за непрекращающихся межплеменных столкновений. В середине февраля в стране прошли манифестации с требованием роспуска временного парламента и проведения досрочных выборов. 14 марта Совет Безопасности ООН продлил на год мандат своей миссии в Ливии.

В апреле премьер-министр Ливии Абдулла **аль-Тинни** ушел в отставку, а 5 мая парламент Ливии избрал нового главу правительства — им стал бизнесмен Ахмед **Майтыг**. Тем не менее бои между военными и исламистскими формированиями продолжились. Сторонники оппозиционного генерала Халифа **Хафтара** подняли в середине мая мятеж против временного правительства. Власти пошли на уступки восставшим и приостановили работу парламента.

Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений, журналист — по телефону из Москвы: Уровень безопасности в мире снизился. Главная тому причина — это кризис вокруг Украины. Он будет иметь серьезные и далеко идущие последствия для глобальной безопасности, в том числе для международного режима ядерного нераспространения. В результате нынешнего украинского кризиса Будапештский меморандум 1994 г. — меморандум о безъядерном статусе Украины и гарантиях безопасности в связи с присоединением страны к Договору о нераспространении ядерного оружия, заключенный между Украиной, США, Россией и Великобританией — оказался попросту бумажкой, которая ничего не стоит, особенно для так называемых *пороговых* государств.

Важно отметить, что для решения той задачи, которую вроде как ставит перед собой Россия — не допустить вступления в НАТО стран постсоветского пространства, в отношении Украины решить будет весьма сложно. Чтобы не допустить этого фактически потребуются присоединить к себе большую часть страны или даже всю страну. Но даже при таком сценарии НАТО все равно окажется у границ России.

Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)* — по электронной почте из Ташкента: События в Украине и отделение Крыма от Украины стало сильным ударом по основам СНГ. Институты СНГ, в том числе Организация договора по коллективной безопасности (ОДКБ), оказались заметно нивелированы фактом их не востребо­ванности и дипломатического неучастия в украинском вопросе. Это поставило страны Центрально-Азиатского региона как бы один на один с Россией, без возможного апеллирования к многосторонним структурам в проблемных ситуациях, что не может негативно влиять на климат безопасности в регионе.

Позитивным моментом для безопасности Центральной Азии является отсутствие явного негатива. Все конфликтогенные вопросы в Центральной Азии переместились на латентный *ad-hoc* уровень. Видимо, наступает пресыщение напряженностью в региональных делах и приходит понимание необходимости и неизбежности поиска взаимоприемлемых решений региональных проблем.

В **Йемене** в конце января произошли столкновения между шиитами группировки *Аль-Хуси* и салафитами; шииты взяли под контроль город Хут и деревню Кхамри. 4 февраля шиитами и суннитами подписали соглашение о прекращении огня, но межплеменные столкновения в стране не прекратились. Весной в результате антитеррористической операции в стране уничтожено около 60 боевиков *Аль-Каиды*.

В **Центрально-Африканской республике** (ЦАР) продолжились столкновения между христианами и мусульманами повстанческой группировки *Селека*; 10 января президент страны Мишель **Джотодия** подал в отставку. 10 февраля Евросоюз принял решение о запуске своей военной миссии в ЦАР. В апреле в ЦАР военные из Чада расстреляли 30 мирных граждан; в стране имели место столкновения между мусульманами и христианами.

В **Южном Судане** зимой сторонники бывшего вице-президента Риеку **Машару Тени** предприняли попытку государственного переворота; совершено нападение на базу миссии ООН, погибли 3 миротворца. В январе начались прямые мирные переговоры между властью и повстанцами. В апреле сторонам удалось подписать соглашение по урегулированию межэтнического конфликта.

В **Нигерии** боевики *Боко Харам* в апреле совершили нападения на ряд населенных пунктов; похищены школьницы, убиты 60 человек.

В **Алжире** в феврале-марте вспыхнули манифестации против участия действующего президента Абдельазиза **Бутефлики** в предстоящих выборах. Тем не менее на выборах 17 апреля президент **Бутефлика** вновь одержал победу.

В **ЮАР** в мае вспыхнули беспорядки после состоявшихся в стране парламентских выборов.

Теракты зимой-весной 2014 г. совершены в Ираке, Пакистане, Афганистане, на Синайском полуострове, Египте, Ливии, Йемене, Сомали, Ливане, Сирии, Таиланде, Нигерии, Индии, Китае, Кении.

□ **ВОСТОЧНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ.** Зимой-весной 2014 г. напряженной сохранялась ситуация на **Корейском полуострове**. В КНДР на ядерном полигоне была зафиксирована повышенная активность. 12 февраля Северная и Южная Корея впервые за семь лет провели переговоры на высоком уровне. Но 22 марта Пхеньян провел масштабные испытания ракет малой дальности в сторону Японского моря. 31 марта в Желтом море произошла перестрелка между южнокорейскими и северокорейскими военными. В мае КНДР провела боевые стрельбы вблизи западной границы с Южной Кореей в Желтом море.

В **Таиланде** зимой-весной 2014 г. продолжились антиправительственные демонстрации. 2 февраля в стране прошли досрочные парламентские выборы; в ряде провинций голосование было прервано из-за блокады оппозицией избирательных участков. 21 марта Конституционный суд признал недействительными результаты состоявшихся в феврале парламентских выборов. Тем не менее 30 марта в стране прошли выборы в верхнюю палату парламента. 7 мая Конституционный суд отстранил Инглюк **Чинават** от должности премьер-министра. 22 мая в Таиланде совершен государственный переворот; власть в стране перешла к военным.

Зимой **Китай** заявил о создании опознавательной зоны ПВО над Восточно-Китайским морем; в ответ самолеты Японии и США вошли в зону идентификации ПВО, не поставив Пекин в известность.

На **Тайване** в марте вспыхнули манифестации против поддержки властями острова ратификации соглашения с Китаем о торговле услугами и экономическом сближении.

Во **Вьетнаме** вспыхнули антикитайские демонстрации с требованием вывести китайские нефтяные платформы из спорной акватории в Южно-Китайском море в районе Парасельских островов.

В **Бангладеш** 5 января прошли парламентские выборы; жители устроили погромы на избирательных участках.

В **Индии** в апреле-мае 2014 г. состоялись парламентские выборы; победу одержала националистическая *Бхаратия Джаната парти*. Лидер партии Нарендра **Моди** стал премьер-министром страны.

□ **АФГАНИСТАН–ПАКИСТАН.** В Исламабаде 6 февраля начались переговоры между правительством Наваза **Шарифа** и движением талибов Пакистана.

В Афганистане зимой-весной 2014 г. талибы совершили серию нападений на военные базы и объекты гражданской инфраструктуры. 28 февраля талибы проникли на территорию Туркменистана и совершили нападение на туркменских пограничников.

5 апреля в Афганистане состоялись президентские выборы. В них приняли участие восемь кандидатов; ни один из кандидатов не набрал абсолютного большинства. 14 июня в стране пройдет второй тур выборов. В нем примут участие экс-главы МИД Абдулло **Абдулло**, получивший в первом туре поддержку 45% граждан, а также бывший министр финансов Ашраф **Гани**, набравший 31,6% голосов.

В мае президент США Барак **Обама** заявил, что после завершения военной миссии в Афганистане к концу 2014 г. в стране останется 9800 американских военнослужащих. Планируется, что оставшийся контингент иностранных войск будет помогать тренировать армию Афганистана и содействовать в подготовке антитеррористических операций.

- **ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ.** Недовольство экономической политикой властей по-прежнему оставалось основной причиной социальных возмущений и недовольств и жителей стран Евросоюза. Так, антиправительственные акции протеста зимой-весной 2014 г. имели место в Болгарии, Италии, Греции, Испании, Франции, Великобритании.

В Брюсселе 21 января начались переговоры о вступлении Сербии в ЕС.

В Боснии и Герцеговине в феврале вспыхнули массовые акции протеста недовольных граждан экономическим положением в стране; в столкновениях с полицией ранены более 200 человек.

На Кипре 28 февраля правительство в полном составе ушло в отставку.

В США 16 февраля президент подписал законопроект о повышении потолка госдолга.

22–25 мая в государствах Евросоюза прошли выборы в Европарламент созыва 2014–2019. Центристские проевропейские партии получили устойчивое большинство, но ультраправые и евроскептические силы показали на выборах высокий результат.

- **ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА.** Зимой-весной 2014 г. неустойчивой сохранялась ситуация в некоторых государствах Латинской Америки. В **Венесуэле** в феврале вспыхнули антиправительственные демонстрации. Весной протесты недовольных экономической и политической политикой властей в стране продолжились; есть жертвы.

В **Бразилии** в феврале демонстрация крестьян с требованием проведения аграрной реформы переросла в масштабные столкновения с полицией.

- **СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.** На саммите по ядерной безопасности в Гааге 25 марта подписан документ по охране радиоактивных веществ.

6 мая 2014 года представители России, Великобритании, КНР, США, и Франции подписали на полях Третьего подготовительного комитета Обзорной конференции ДНЯО протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Генеральный секретарь ООН Пан **Ги Мун** приветствовал подписание протокола. В своем заявлении глава ООН подчеркнул, что пятерка ядерных государств взяла на себя обязательства уважать безъядерный статус Центральной Азии, а также не применять ядерное оружие в отношении стран региона и не прибегать к угрозам его применения.

- **ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ И ТЕХНОГЕННЫЕ АВАРИИ.** Пассажирский самолет, следовавший из Малайзии в Китай, 8 марта пропал с экранов радаров; на борту самолета находились 239 человек.

В Южной Корее в апреле в результате крушения парома погибли более 200 человек.

В Чили сильное землетрясение и цунами в апреле стали причиной гибели 5 человек.

В Афганистане в результате схода оползня в северо-восточной провинции Бадахшан погибли около 300 человек.

В Турции в мае на угольной шахте произошла авария, погибли около 300 человек; трагедия привела к массовым антиправительственным протестам.

Галия Ибрагимова

В 1949 г. капитан американских ВВС Эдвард А. Мерфи сформулировал закон, названный впоследствии его именем. В переводе на русский он выглядит примерно так: «Если какая-нибудь гадость может случиться, то она обязательно случится». Применительно к политике, как внутренней, так и международной, к этому закону можно добавить еще один: «Может произойти даже то, что, как все были уверены, никогда произойти не может». На открытие этого закона я никоим образом не претендую. Об этой закономерности писали Герман Кан, Николас Талеб и другие политологи и экономисты, убеждавшие своих коллег, впрочем, во многом безуспешно, в необходимости время от времени выходить за пределы стереотипных представлений об окружающем мире.

Украинский кризис, включая так называемую *гибридную войну* в Донбассе, и спровоцированное им острое противостояние России и Запада — типичные примеры реализации закона Мерфи в его наиболее пессимистичном варианте. Не далее как полгода тому назад они считались не только невозможными, но и невысказанными. Естественно, встает вопрос: какие еще неожиданности могут произойти в ближайшие годы? В большинстве своем прогнозы неутешительны. Журналисты, политологи и военные, например, всерьез рассматривают возможность повторения крымского сценария в Прибалтике, угрожающего столкновением российской армии с войсками стран — членов НАТО. Важно и другое. События в Украине и вокруг нее уже вызвали серьезные — склонные к банальностям политологи могли бы назвать их *тектоническими* — сдвиги в международных отношениях. Вопросы о том, насколько глубоки эти сдвиги и являются ли они необратимыми, остаются открытыми. Единственное, что можно сказать уверенно: если происходящие в последние месяцы перемены будут продолжаться, то глобальная система мировой политики перейдет в новое состояние, некоторые контуры которого сегодня намечались более или менее ясно.

РОССИЯ И ЗАПАД: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Главной движущей силой становления новых международных отношений является неожиданное для многих, быстро прогрессирующее противостояние России и Запада, напоминающее в общих чертах развитие событий в первые годы после окончания Второй мировой войны. Трудно, например, избавиться от впечатления, что украинский кризис играет сегодня ту же роль, которую сыграл берлинский кризис 1948 г. в превращении Германии в главный очаг военной конфронтации в Европе. Умножаются свидетельства того, что события в Украине и вокруг нее стали своеобразным триггером, инициировавшим преобразование латентных тенденций, постепенно накапливавшихся в мировой политике, в открытую форму и придавшим им особую остроту.

Так, хотя известная мюнхенская речь президента В.В. Путина, произнесенная в феврале 2007 г., считается началом поворота российской внешней политики к противостоянию с Западом, вплоть до марта 2014 г. в Москве все же старалась поддерживать несколько хаотичный баланс между сотрудничеством с США, НАТО и ведущими государствами Европы и конфронтацией с ними. И лишь в начале 2014 г. Москва сознательно взяла курс не просто на эскалацию напряженности, но на разрушение мирового порядка, возникшего в начале 1990-х гг. Один из близких к Кремлю российских комментаторов Федор Лукьянов не скрывал, что «сейчас впервые за все это время (после 1991 г. — Ю. Ф.) речь идет не о локальных, пусть и крупных, интересах, а о месте в мировой иерархии. Россия играет на повышение ставок и не собирается идти на “деэскалацию” в одностороннем порядке, поскольку не считает ценностью (и даже устойчивой реальностью) статус-кво, который сложился после “холодной войны”»¹. В конечном итоге «игра на повышение ставок» и стала первопричиной нынешнего кризиса.

В Вашингтоне и европейских столицах, в свою очередь, не могли не видеть нарастания антизападных, в первую очередь антиамериканских тенденций в российской дипломатической риторике и практических действиях на мировой арене. Однако проявления этих тенденций часто воспринимались либо как пропагандистские и политические декларации, ориентированные прежде всего на внутреннее потребление, либо как попытки давления на западных партнеров с целью получения тех или иных тактических выгод.

При этом до самого последнего времени в США и Европе предполагали, что становление России в качестве хотя и авторитарной, но политически стабильной и экономически успешной региональной державы, происходившее в 2000-е гг., соответствует интересам Запада. Россия, виделась силой, предотвращающей вместе с Китаем распространение исламского радикализма в Центральной Азии, сдерживающей его на Ближнем Востоке, содействующей в урегулировании иранского ядерного кризиса и решении других актуальных проблем. Интересам Запада отвечало провозглашенное перемещение центра тяжести российской политики на восток. Это отвлекало внимание Москвы от Европы, а в относительно долгосрочной перспективе Россия, как, не исключено, надеялись в западных столицах, могла превратиться в противовес Китаю, *оттягивая* ресурсы Пекина от экспансии в южном направлении. В Европе, наконец, некоторое распространение получил взгляд на Россию как на фактор, ограничивающий глобальную роль США, что увеличивало бы возможности маневра европейских государств на мировой арене.

Одновременно достаточно широкое распространение в европейском и американском академическом и политическом истеблишментах, не говоря уже о деловых кругах, ведущих бизнес в России, получил тезис о том, что в усиливавшемся кризисе отношений с Москвой виноват сам Запад, игнорировавший, как они считали, национальные интересы России, прежде всего в постсоветском пространстве. Фактически предлагалось признать страны бывшего СССР сферой российского влияния, подобно тому как в 1945 г. такой зоной были признаны государства Центрально-Восточной и, частично, Южной Европы. Правда, сторонники этой точки зрения не учитывали и не учитывают до сих пор, что ялтинско-потсдамские договоренности не предотвратили холодной войны и ядерного противостояния на европейском континенте.

Присоединение Крыма вызвало пересмотр ключевых установок Запада в отношении России. Часто это объясняют бескомпромиссной геостратегической борьбой за Украину. Такое представление, как минимум, упрощает реальную ситуацию. До ноября 2013 г. украинская проблематика находилась на периферии внешнеполитических и экономических интересов США, Европейского союза и большинства европейских государств, за исключением, пожалуй, стран Вышеградской группы, прежде всего Польши, а также Швеции. Ни Европейский союз, ни тем более США не рассматривали всерьез Украину как поле геополитической экспансии. Хотя в 2008 г. руководители стран Альянса заявили о том, что в будущем Украина станет членом НАТО, никакие сроки названы не были. Последнее означало, что в обозримом будущем данный вопрос рассматриваться не будет. Да и весной 2014 г., несмотря на острую ситуацию вокруг Украины, министры иностранных дел стран — членов НАТО ограничились неопределенной формулой об интенсификации сотрудничества с ней «в рамках особого партнерства» и «осуществлении неотложных и долгосрочных мер с целью укрепления способности Украины обеспечивать собственную безопасность»². Иными словами, о приеме Украины в НАТО речь, по крайней мере в настоящее время, не идет.

Хотя ЕС был готов подписать соглашение с Украиной об ассоциации, причем на довольно жестких условиях, подготовка этого соглашения и, в целом, сближение с Европой были инициированы Киевом, а не Брюсселем. Готовя данное соглашение, последний шел навстречу тогдашней украинской элите, поддержанной в этом вопросе относительным большинством населения страны. Предполагалось, что если Украина сможет его выполнить, то ее экономика и политические институты будут постепенно модернизироваться, а это стимулирует экономическое раз-

витие и в конечном итоге обеспечит там социальную стабильность. Однако идти на принципиальные уступки Украине и, тем более, брать на себя сколько-нибудь серьезные расходы, связанные с ее *европеизацией*, в Европе не собирались.

После начала революционных выступлений и вплоть до падения режима Януковича США и, особенно, ЕС стремились предотвратить силовое подавление протестов в Киеве и найти политическое решение конфликта. Продолжение противостояния между режимом Януковича и протестующими, скорее всего, привело бы к выходу из-под контроля ситуации в западных и центральных областях, либо перерастающему в гражданскую войну, хаос и гуманитарную катастрофу, либо завершающемуся установлением жестокой пророссийской диктатуры, фактическим превращением страны в российский протекторат. Ни тот, ни другой вариант европейские государства устроить не мог. Соглашение 21 февраля 2014 г., казалось, создавало реальную возможность стабилизировать ситуацию в Украине, а затем сменить правящую верхушку к концу 2014 г. в результате президентских выборов. Опросы общественного мнения показывали, что шансов на переизбраний у Януковича нет. В то же время Партия регионов могла рассчитывать сохранить весомые позиции в будущей системе власти. Бегство Януковича опрокинуло эти расчеты. В последовавшие за этим три недели, до 16 марта 2014 г., западные политические элиты надеялись, что дело ограничится, в самом крайнем случае, превращением Крыма в очередное непризнанное государство.

Присоединение Крыма к России, концентрация российских войск на украинских границах и *гибридная война* в Донбассе поставили Запад перед необходимостью решить три задачи, само появление которых еще осенью 2013 г. казалось абсолютно невыполнимым. Первая — предотвращение российско-украинской войны и оккупации Россией юго-восточных областей Украины. Для США и Европы неприемлемо появление российских войск на границе с Молдовой, что, как предполагают на Западе, чревато вторжением в эту страну и образованием опасного очага противостояния российских войск и вооруженных сил стран — членов НАТО в стратегически важном районе Юго-Восточной Европы. Вторая — не допустить дальнейшей дестабилизации в Украине, грозящей гражданской войны. Последствия этого могут быть на порядок более тяжелыми, чем последствия балканских войн 1990-х гг. И наконец третья — выработать долгосрочную стратегию отношений с Россией, учитывающую новые политические и стратегические реалии, сложившиеся в зоне *между Россией и ЕС*.

Ни в Вашингтоне, ни в европейских столицах не хотели и не хотят новой холодной войны, не говоря уже о военном конфликте с Россией, способном перерасти в ядерное столкновение. Это отвлекает внимание и ресурсы от проблем, считающихся сейчас наиболее приоритетными: нейтрализации растущего влияния Китая в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), о чем в первую очередь заботятся в Вашингтоне; экономических и финансовых трудностей в Европе, иранского ядерного кризиса и так далее.

Но это лишь одна сторона дела. Ни в США, ни в Европе не могут игнорировать того, что международный порядок, сложившийся после окончания холодной войны в восточной половине европейского континента, сломан. Ускоренными темпами происходит милитаризация Крыма. Там планируется разместить одну-две бригады ВДВ, две-три мотострелковых бригады и одну танковую, несколько бригад морской пехоты и бригаду береговой обороны; также будет значительно усилен Черноморский флот³. Еще важнее, что на полуострове будут развернуты дополнительные силы ударной авиации и полк бомбардировщиков Ту-22М3, которые создавались как средство ограниченной ядерной войны в Европе⁴. Это означает, что уже в обозримой перспективе баланс военных сил в Черноморском бассейне заметно изменится в пользу России.

Но главная озабоченность западных элит связана не столько с украинским кризисом, сколько с опасениями того, что, *во-первых*, политика Москвы на мировой арене приобретает иррациональный и непредсказуемый характер, а *во-вторых*,

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Состояние безопасности в мире резко снизилось. Неблагоприятным фактором для безопасности Ближнего Востока стала потеря доверия к США со стороны монархий Залива в связи с намерением администрации президента Барака Обамы за их счет наладить отношения с Ираном.

Победа на выборах в Египте Абделя Фаттаха **ас-Сиси** означает, что страна возвращается к естественной для нее с начала 1950-х гг. системе правления военных. Отношения с Саудовской Аравией у нового правительства Египта союзнические, с другими монархиями Залива (кроме Катар) и Израилем — партнерские, с Катаром — враждебные, с Турцией, Суданом, Ливией — напряженные. Отношения с США и Евросоюзом будут более дистанцированными, чем при Хосни **Мубараке**, с Россией — более тесными. Любые протестные выступления и попытки исламистов войти во власть будут подавляться силой — более жестко, чем при Мубараке.

Башар **Асад** будет переизбран на президентских выборах в Сирии. Внешняя интервенция после выборов не исключена, но обойдется ее организаторам достаточно дорого. Задача организации такой интервенции встанет перед Саудовской Аравией, Катаром и Турцией. Позиция Запада будет зависеть от возможных потерь. Военно-политическую поддержку Асаду окажет Иран, внешнеполитическую в ООН — Россия и Китай.

Иран и *шестерка* международных посредников на последних переговорах в Вене не смогли согласовать текст всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме. Соглашение может быть достигнуто, если подписывающие его стороны готовы закрыть глаза на то, что оно не будет выполняться, либо Запад пойдет на все условия Ирана. Иран никогда не откажется от своей ядерной программы. Надеяться на это бессмысленно и непрофессионально.

В Афганистане состоялись президентские выборы. Независимо от того, кто станет следующим главой страны коррупция, наркопроизводство, засилье талибов останутся на том же уровне, что были и при Хамиде Карзае. Вывод войск США из страны позволит талибам значительно укрепиться на пуштунских территориях под патронажем Пакистана.

В хазарейских регионах по-прежнему будет сильно влияние Ирана. На севере в приграничных районах — влияние Узбекистана и Туркменистана, среди узбеков и туркмен соответственно.

эпицентр нарастающего противостояния, которое может приобрести силовой характер, находится в Европе. Сама по себе судьба Крыма, Донбасса и двух-трех других территорий на юго-востоке Украины, за исключением Одесской и Николаевской областей, контролирующих подступы к Молдове и Румынии, не имеет большого значения для США и европейских государств. Важно другое. Присоединение Крыма, размышляют на Западе, чревато для России серьезными экономическими издержками, международной изоляцией, формальными и, главное, неформальными санкциями. Сведена к нулю перспектива присоединения Украины к Таможенному союзу и, в дальнейшем, к Евразийскому экономическому союзу. Более

того, из дружественного России государства Украина, в каких бы границах она в конечном итоге не осталась, превратилась в государство враждебное, ищущее защиты от российской угрозы в военном союзе с США или в членстве в НАТО. Эти негативные, с точки зрения ключевых экономических и стратегических интересов России, последствия присоединения Крыма никак не могут быть, по мнению западных политиков и аналитиков, компенсированы превращением этого полуострова в *непотопляемый авианосец*.

Не выглядит убедительным широко распространенное представление, что политика России в Украине обусловлена стремлением упрочить позитивный образ президента В. Путина в российском общественном мнении. Повышение его рейтинга в результате включения Крыма в состав России вряд ли могло быть изначальной целью этой акции.

Во-первых, несмотря на некоторое снижение рейтинга российского президента в 2013 г. политическое положение в России было вполне стабильным. Протестные выступления в Москве, подъем которых приходился на конец 2011 — осень 2012 г. практически сошли на нет. Демократическая оппозиция дезорганизована, а возникающие время от времени вспышки недовольства властями и беспорядки на этнической почве были локализованы.

Во-вторых, если бы в Москве рассчитывали мобилизовать общественное мнение в пользу президента Путина путем присоединения Крыма, имело бы смысл предпринять это в непосредственной близости к следующим президентским выборам в 2018 г. Помимо всего прочего подъем общественной поддержки власти путем тех или иных внешнеполитических акций, как показывает исторический опыт, обычно длится недолго и через некоторое время может смениться ростом недовольства.

Такие соображения подталкивают западные элиты к неутешительным выводам: политика России в Украине и на западном направлении в целом определяется либо субъективным фактором, то есть импульсивной и сугубо эмоциональной реакцией правящих кругов на те или иные события, происходящие на международной арене, либо представляет собой реализацию предельно идеологизированной внешнеполитической доктрины, получившей название *собрание русского мира*, то есть присоединения к России территорий, в населении которых

Нандан Унникришнан (Индия) — директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Нью-Дели: В Индии на парламентских выборах победу одержала националистическая *Бхаратия Джаната парти*. Позитивным стало то, что националисты получили абсолютное большинство мест в парламенте. Ожидается, что новое правительство будет стабильнее предыдущих. Правительства, находящиеся у власти последние десять лет, были в основном коалиционные. Часто даже вопросы международной политики решались не правительством в целом, а отдельными коалиционными партиями и партнерами. Например, в развитии отношений Индии с Бангладеш, со Шри-Ланкой большую роль играли определенные партии индийских штатов, которые были больше связаны с соседними странами.

Повестка нового премьера Нарендры **Моди** в делах внутренней политики обещает быть весьма насыщенной. Акцент на внутренние проблемы вовсе не означает, что международные вопросы будут вынесены на второй план. Скорее, внешняя политика Индии будет определяться тем, какие решения новое руководство страны примет по внутренним делам. Это прежде всего проблемы экономики и социальной сферы.

Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо: Переходный период и период неопределенности в выборный период в самой большой демократии мира — в Индии — будет определять состояние безопасности в Южной Азии. В странах региона уже имеют место спекуляции по поводу новой стратегической линии и политики безопасности *Бхаратия джаната парти*. Несмотря на то что партия более десяти лет назад уже была у власти, нынешнее руководство идеологически более четко ориентировано на националистический курс. Отсюда точно определить, на что будет сделан акцент во внешней и стратегической политике партии весьма непросто. Такое замешательство провоцирует разные толки о том, как будут складываться отношения между ядерными державами — Индией и Пакистаном.

Стремление международных акторов чаще обращаться к дипломатии по ситуации в Сирии и Иране, дипломатические усилия США вокруг израильско-палестинского конфликта — все это оказало позитивное влияние на глобальную безопасность. Вместе с тем трения между Израилем и миротворческой миссией Джона Керри вкупе с нерешительной позицией американцев в целом на переговорах по Сирии *Женева-2* оказали негативное влияние на безопасность.

имеется некоторая, непонятно какая, доля этнических русских, а в более длительной перспективе — восстановления Советского Союза. Следовательно, не могут не размышлять на Западе, украинские события могут быть повторены, в Молдове, Казахстане и Прибалтике, порождая в последнем случае вооруженный конфликт между Россией и НАТО. Особую остроту этим опасениям придает ядерный фактор. Россия начинает восприниматься не просто как очередная страна, бросившая вызов евроатлантической цивилизации, но как противник, способный инициировать ядерный конфликт.

Вместе с тем нынешней ситуации в отношениях России и Запада во многом отличается от положения дел в 1960–1980-х гг. После карибского и берлинского кризисов начала 1960-х гг. и Запад, и Восток исходили из того, что вооруженное противоборство между ними — примеры тому войны и конфликты во Вьетнаме, Афганистане, Африке и Центральной Америке — должно ограничиваться зоной *третьего мира*, тогда как в Европе необходимо делать все возможное, чтобы избежать эскалации напряженности, предотвращая тем самым третью мировую войну. Но сегодня очаг напряженности находится именно на европейском континенте, что усиливает озабоченность в правящих кругах стран Запада и стимулирует разработку мер, направленных на сдерживание и даже отбрасывание России, если пользоваться терминологией американских доктрин начала 1950-х гг.

Объявленные к настоящему моменту санкции США и ЕС часто трактуют как неэффективные. Действительно, так называемые персональные санкции никакого ощутимого эффекта на российскую экономику и политику не оказали. «Сами политики воспринимают попадание в санкционный список, — заметил недавно Сергей Алексашенко, — как высочайшую правительственную награду, а их ближайшие родственники, которые и на Западе живут (или ездят туда постоянно), и активами на Западе владеют, под санкции не попали»⁵. В ближайшие два-три года европейские государства вряд ли смогут заметно снизить зависимость от поставок российского газа. Останется высокой доля России на мировом рынке нефти. Более чувствительными могут оказаться непрямые или, как их иногда называют, неформальные санкции, в результате которых у российских компаний и банков уже воз-

никли серьезные трудности при получении кредитов в западных банках. По разным оценкам, в этом году российские предприятия и финансовые структуры должны выплатить иностранным кредиторам от 70 до 100 млрд долларов для погашения и обслуживания долга. Наконец обострение ситуации вокруг России подталкивает российских инвесторов вкладывать средства в зарубежные активы.

Однако главное в другом. Наиболее болезненным для России уже в ближайшие годы может оказаться изоляция от высокотехнологичного сектора мировой экономики. Во все более широких масштабах вводится запрет на поставки продукции военного и двойного назначения. Так, в марте 2014 г. США прекратили выдачу соответствующих лицензий, свертывают российско-американские проекты в области естественных наук, в том числе не имеющие прямого военного значения. В апреле 2014 г. немецкое правительство запретило продажу России спутников, оснащенных радарными с синтезированной апертурой, и заморозило другие контракты на поставку военного снаряжения. А становящийся все более реальным запрет на передачу промышленного оборудования, необходимого для производства современных и, особенно, перспективных вооружений, сорвет нынешнюю программу перевооружения российских вооруженных сил и обусловит их необратимое технологическое отставание не только от США и НАТО, но и от Китая.

Нельзя исключать, разумеется, что нынешнее противостояние Запада и России еще не приняло необратимого характера: для первого оно является вынужденным, для второй чревато тяжелыми последствиями. Но для того, чтобы остановить процессы, начавшиеся в отношениях Москвы с западными государствами, необходимо не просто вернуться к *status quo ante bellum*, но выработать надежные материальные гарантии того, что события начала 2014 г. не повторятся. Такими гарантиями могло бы стать, например, создание демилитаризованных зон вдоль границ России, охватывающих как пограничные российские области, так и соответствующие районы сопредельных государств. Однако для российской дипломатии такого рода меры пока вряд ли приемлемы.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая: Изменчивость и неопределенность характеризовали состояние безопасности весной 2014 г. В регионе Залива не произошло позитивного изменения ни по одному вопросу, угрожающему состоянию безопасности. Это характерно для ситуации в Сирии, внутренней ситуации в Египте, Ливии, Ливане, а также применимо к развитию отношений между Ираном и его арабскими соседями по региону Залива. Обострилась ситуация в Ираке и Йемене в связи с участвовавшими в этих странах бомбардировками, убийствами и насилием, которые происходят здесь ежедневно. На всех направлениях индикаторы указывают, что ситуация будет подвержена дальнейшей нестабильности, и не будет направлена в сторону потенциального разрешения кризисов.

Координация действий США, Саудовской Аравии и других стран по вопросам вооружения сирийской оппозиции в числе событий, способных усилить давление на правительство Башара Асада. Несмотря на усиление такого давления на сирийское правительство, предсказать окончание конфликта в стране весьма сложно.

Не думаю, что летом 2014 г. произойдут существенные изменения в сфере безопасности. Фактически изменения в сторону ухудшения ситуации на данном этапе развития международной ситуации более вероятны, чем возможное снижение напряженности.

КОНТУРЫ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После начала украинского кризиса, моментально переросшего в кризис международного порядка, охвативший значительную часть европейского континента, события на мировой арене развиваются настолько стремительно, что правящие элиты, не говоря уже об общественном мнении, просто не способны адекватно адаптироваться к происходящим переменам. Поэтому пока невозможно в сколько-нибудь полной мере оценить глобальные и даже региональные последствия событий в Украине и вокруг нее. И все же к лету 2014 г. некоторые контуры будущей мировой политической системы постепенно проявляются.

Формируется новая иерархия международных проблем. Наряду с украинским кризисом в число наиболее острых и важных из них вошли отношения России с США, НАТО и европейскими государствами. На второй план отошли проблемы Ближнего и Среднего Востока, который еще пару лет тому назад считался чуть ли не ключевым эпицентром мировой политики. Сегодня, например, уже мало кого волнует, как будут звать будущего диктатора Сирии или какая именно группировка террористов придет к власти в Палестинской автономии. В этом регионе сохраняет прежнее значение, по-видимому, только иранский ядерный кризис — его урегулирование, если оно произойдет, откроет возможность масштабных инвестиций в иранскую нефтедобывающую промышленность и, соответственно, крупномасштабного реформирования глобального нефтяного рынка, в том числе снижение нефтяных цен. Потеряли актуальность вопросы контроля над ядерными вооружениями, противоракетной обороны, космических вооружений и так далее. В нынешней напряженной обстановке переговоры по этим проблемам, даже если они начнутся, не приведут ни к какому результату.

Украинский кризис высветил растущее несоответствие институциональных механизмов обеспечения международной безопасности процессам, происходящим в мировой политике. В частности в очередной раз выявилась неэффективность ООН, устав которой нередко именуют *краеугольным камнем* и даже *фундаментом* прочного мира. Действительность, к сожалению, не имеет ничего общего с такого рода патетическими декларациями. Многократные обсуждения украинской проблематики на заседаниях Совета Безопасности оказались безрезультатными, а принятая 27 марта 2014 г. резолюция Генеральной Ассамблеи A/Res/68/262, посвященная территориальной целостности Украины, обязательной силы, как известно, не имеет. Столь же беспомощной оказалась Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Выработанная ОБСЕ *дорожная карта* урегулирования ситуации в Украине, включающая проведение президентских выборов 25 мая 2014 г. и параллельно с ними общенационального референдума по вопросу децентрализации, широкий национальный диалог и круглые столы в регионах, а также подтверждение приверженности мерам, согласованным в Женевском заявлении, сама по себе, вероятно, полезна. Но ОБСЕ не имеет в своем распоряжении механизмов, способных обеспечить выполнение принятых ею решений, которые в результате являются не более чем рекомендациями. Их выполнение зависит от того, в какой мере они соответствуют интересам вовлеченных в тот или иной конфликт государств.

Преодоление кризиса ООН и превращение ОБСЕ в сколько-нибудь эффективный механизм поддержания безопасности на европейском континенте требуют существенного обновления принципов их функционирования в соответствии с мировыми реалиями начала XXI в. Особое значение имел бы отказ от права вето пяти постоянных членов Совета безопасности и принципа консенсуса при принятии решений ОБСЕ, которые, по сути дела, парализуют их деятельность. Однако оснований ожидать этого нет. Несмотря на усиливающуюся глобализацию, государства, особенно крупные, никоим образом не заинтересованы в ограничении свободы своей внешнеполитической деятельности, что было бы неизбежным следствием повышения роли и значения международных институтов в мировой политике. Это предопределяет бесперспективность попыток реформирования ООН, включающих отказ от принципа единства постоянных членов Совета Безопасности или,

например, усиление полномочий Генеральной Ассамблеи в случае, если работа Совета Безопасности оказывается заблокированной.

События на Украине и вокруг нее вызвали также структурные перемены в системе международных отношений. Противостояние России и государств — членов НАТО резко повысило геостратегическое значение пространства, в котором сосредоточено их геополитическое взаимодействие и которое широкой полосой протянулось от Балтийского до Черного моря. В нем, в свою очередь, сформировались две зоны, причем каждая из них становится средоточием интересов и противоречий входящих в нее и окружающих государств. Первая включает Прибалтийские государства, Польшу, Белоруссию и прилегающие области России, вторая — Крым, юго-западные области Украины, Молдову, Румынию, частично Венгрию и Словакию, а также северо-западную часть Черного моря. В случае дальнейшего обострения напряженности между Россией и НАТО именно в этих двух зонах могут произойти столкновения их вооруженных сил. После разрушения Договора об обычных вооруженных силах в Европе отсутствуют какие-либо механизмы, регулирующие баланс военных потенциалов России и соседних с ней государств, причем войска западного и южного российских военных округов заведомо превосходят по численности и мощи силы Прибалтийских государств или Румынии. В итоге практически неизбежно размещение более или менее значимых контингентов вооруженных сил США и ряда других стран — членов НАТО в Прибалтике и Румынии, а также усиление их военно-морского присутствия в Черном море. Будут также отрабатываться механизмы быстрой переброски девяти американских, британских и немецких дивизий в Польшу и Прибалтийские государства в рамках оперативного плана *Eagle guardian*.

Украинский кризис вносит заметные корректировки в роль и место Китая в мировом стратегическом контексте. Внешне по украинской проблеме Китай занял подчеркнуто нейтральную и обтекаемую позицию, подчеркивая необходимость политического решения конфликта на Украине, отказа от применения силы и одновременно осуждения санкций, с чьей бы стороны они не применялись. В Москве китайскую позицию обычно интерпретировали, хотя и без особых на то оснований,

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: В Турции результаты муниципальных выборов продемонстрировали, что избиратели больше ценят достигнутые результаты экономического развития и реформы, ведущие к улучшению благосостояния нации. Автором этих реформ является *Партия справедливости и развития*. Даже обвинения партии и ближайшего окружения Тайипа Эрдогана в финансовых махинациях имели весьма ограниченное воздействие на электорат. В ходе предвыборной кампании сторонники богослова-оппозиционера Фетуллаха Гулена оказались слабее. Но это не означает, что брошенный власти вызов пройдет бесследно. Конфронтация между партией Эрдогана и сторонниками Гулена продолжит определять политику Турции.

Переговоры международных посредников с Ираном по ядерной программе страны — это позитивное событие для региона. Но Саудовская Аравия считает, что сближение США с Ираном представляет серьезную угрозу. Переговоры с Ираном могут стать спусковым механизмом для действий саудитов по срыву мирного процесса. Отсюда то, что кажется позитивным событием, при объективной оценке может привести в движение процессы, способствующие противоположному эффекту для региональной безопасности.

как поддержку России. «В доказательство, — писал по этому поводу российский военный эксперт Александр Храмчихин, — приводилась история о том, как представитель Китая в СБ ООН во время голосования по «крымской» резолюции воздержался, при этом улыбнулся. Так и осталось неясным, почему «воздержание» приравнивается к поддержке и почему мы должны умиляться улыбке китайского дипломата»⁶.

Такая оценка подтверждается документами, принятыми во время визита президента Путина в Китай 20–21 мая 2014 г. В Совместном заявлении руководителей России и Китая говорится что «стороны выражают серьезную озабоченность в связи с продолжающимся внутривосточным кризисом на Украине. ... Призывают к деэскалации конфликта в этой стране, проявлению сдержанности, поиску мирных политических путей решения имеющихся проблем. ... Призывают все регионы и общественно-политические группы Украины вступить в широкий национальный диалог, совместно разработать концепцию дальнейшего конституционного развития государства, предусматривающую полное соблюдение общепризнанных прав и свобод граждан»⁷. В другой части этого документа подчеркивается необходимость «противостоять вмешательству во внутренние дела других государств, отказаться от языка односторонних санкций, от организации, помощи, финансирования или поощрения деятельности, направленной на изменение конституционного строя другого государства или его вовлечение в какое-либо многостороннее объединение или союз»⁸. В этих формулах единственный намек на поддержку России можно найти в требовании отказа от односторонних санкций. Однако осуждение вмешательства во внутренние дела, финансирования и поощрения деятельности, направленной на изменение конституционного строя другого государства, скорее относится к поддержке со стороны Москвы террористических пророссийских группировок в Донбассе, а под изменение конституционного строя вполне попадает присоединение Крыма к России и требование федерализации Украины.

Нейтральную позицию Китая объясняют чаще всего сочетанием трех факторов. Первый — негативное отношение Пекина к любым нарушениям территориальной целостности и внешнему вмешательству во внутренние дела, имея в виду ситуацию в Синьцзяне и Тибете, где существуют этническая напряженность и сепаратистские движения. Второй — опасение, что поражение России в противостоянии с Западом означало бы удар по стратегическим интересам Китая. Третий — конфронтация с США и НАТО вынуждает Москву идти на крупные уступки Пекину по экономическим и стратегическим вопросам. В качестве примера часто приводят сотрудничество России с Китаем в производстве тяжелых вертолетов МИ-26, весьма важных для быстрой переброски десантных частей и соединений, а также допуск китайских компаний в ключевые российские проекты освоения углеводородных месторождений. Эти обстоятельства действительно имеют место, но главное, думается, в другом. Конфронтация России и Запада позволяет Китаю играть роль арбитра в отношениях между ними, укрепляя собственную роль в мировой политике. Кроме того, эта конфронтация отвлекает американские ресурсы от Азиатско-Тихоокеанского региона, а российские — от Дальнего Востока и Сибири, облегчая китайскую экспансию как в северном, так и в южном направлениях. Гораздо реже упоминается еще одно обстоятельство, которое на деле может оказаться достаточно важным. Некоторые украинские наблюдатели не исключают, что «США имеют стратегические договоренности с Китаем относительно долгосрочной судьбы Сибири и Дальнего Востока, и изоляция России на Западе — осмысленный ход, который заставит Россию стать зависимой от Китая»⁹. Иными словами, в результате украинского кризиса США могут содействовать Китаю в осуществлении его претензий на российские восточные территории. В этом есть своя логика: если китайская экспансия будет канализирована на север, давление Китая в южном направлении будет значительно ослаблено.

УКРАИНСКИЕ СЦЕНАРИИ

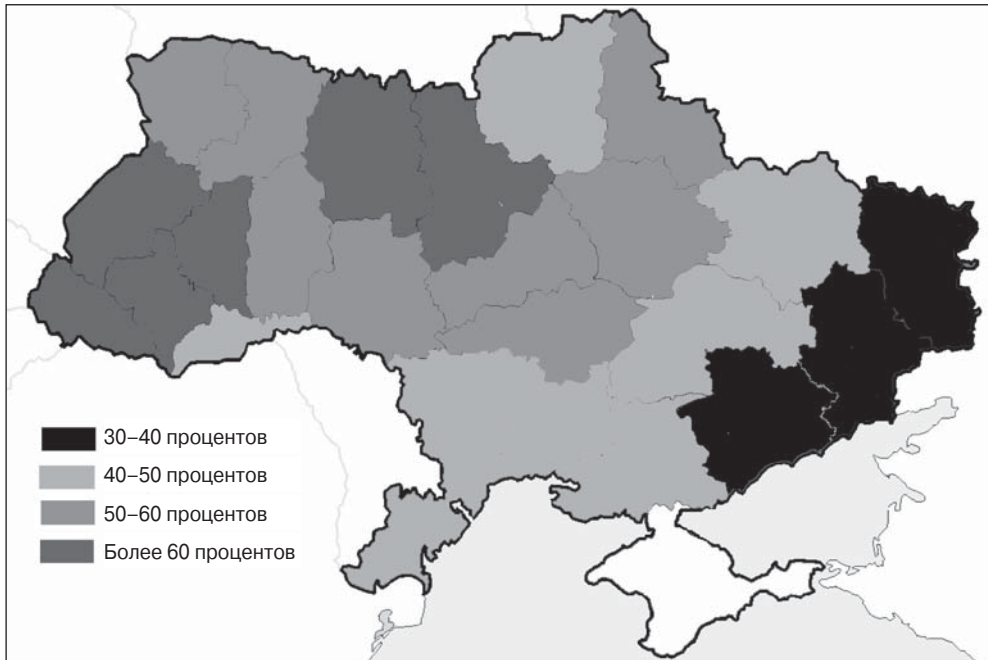
Убедительная победа Петра Порошенко, за которого в первом туре президентских выборов в Украине проголосовали 54% избирателей, свидетельствует о трех принципиально важных обстоятельствах.

Первое — расхождения между двумя культурными ареалами Украины: западными и центральными регионами, с одной стороны, и юго-востоком, с другой, оказались не столь значительными, как это многим виделось ранее. Новый украинский президент получил поддержку во всей стране, опередив всех соперников во всех областях Украины, в том числе в Донбассе, который является оплотом советско-традиционалистических и пророссийских сил. Показательно, что в остальных юго-восточных областях, где процесс выборов проходил без серьезных нарушений за Порошенко проголосовали от 40 до 50% избирателей.

Второе — подавляющее большинство голосов, в сумме около 80%, получили сторонники европейского выбора — Порошенко, Тимошенко, Ляшко и Гриценко, тогда как за политиков, обоснованно или нет ассоциирующихся в общественном мнении Украины с пророссийской ориентацией — Тигипко, Добкин и Симоненко, проголосовали менее 10% голосов. *Третье*, наконец, полный провал политических деятелей, имеющих репутацию националистов экстремистского толка: Тягнибока поддержали чуть более 1% избирателей, а лидера Правого сектора Яроша и того меньше. Это позволяет надеяться на постепенный выход страны из острейшего политического, а впоследствии экономического кризиса. Вместе с тем победа Порошенко — лишь первый и, не исключено, самый легкий шаг в этом направлении.

Список труднейших проблем, которые предстоит решить украинской власти и украинскому обществу, весьма внушительен. К наиболее важным и сложным относятся предотвращение дальнейшего падения экономики и ее стабилизация, урегули-

Рисунок 1. Процент голосов, полученных П. Порошенко 25 мая 2014 г. (по данным ЦИК Украины, подсчитано 92% бюллетеней)¹⁰

рование газового конфликта с Россией; укрепление бюрократического аппарата и его очищение от коррумпированных элементов, создание эффективных и лояльных новому руководству страны вооруженных сил и правоохранительных органов, обеспечение правопорядка и разоружение разного рода парамилитарных отрядов и группировок, децентрализация системы управления, под которой имеется в виду передача части полномочий нынешней центральной власти в на областной и городской уровни. Наконец найти ответ на вопрос о том, что делать с Донбасом, где исключительно сильны настроения то ли в пользу независимости, то ли в пользу объединения с Россией, где действуют террористические группировки и фактически отсутствует более или менее структурированная власть. Предстоит выработать и принять новую конституцию страны и провести парламентские выборы. К моменту написания этого обзора ответов на вопросы о том, как решать все эти проблемы, не было. Это предопределяет высокий уровень неопределенности относительно развития событий в Украине в ближайшие год-два. Тем не менее некоторые моменты относительно понятны.

Прежде всего на Украине будет принята новая конституция, предполагающая серьезное ограничение полномочий президента и, соответственно, усиление роли парламента. Согласно ставшему известным проекту нового основного закона страны (правда, этот документ официально не вынесен на официальное обсуждение) парламенту будет проще досрочно прекращать полномочия президента. Последний будет назначать весь состав Кабинета министров, в том числе министров иностранных дел и обороны, кандидатуры которых сегодня представляются президентом; а также принимать решения об использовании вооруженных сил. Правительство будет ответственно только перед парламентом и лишь подотчетно президенту. Органами исполнительной власти будут, как предлагается, исполкомы местных советов, главы которых избираются из числа депутатов. Вместо нынешних государственных администраций вводятся подчиненные президенту «государственные представительства», надзирающие за исполнением законов и координирующие деятельность территориальных органов исполнительной власти. Иными словами, у президента компенсируют на местах то, что у него отобрали в центре¹¹.

Это, однако, не означает, что в случае принятия такого рода конституции Порошенко превратится в церемониальную фигуру. В его распоряжении имеется сильная политическая партия — *Солидарность*, позиции которой в 2014 г. кардинально упрочились.

Таблица 1. Динамика рейтинга основных политических партий Украины, январь–май 2014 г. (% голосов, полученных партией, если бы выборы проходили в ближайшее воскресенье)¹²

Название партии	2014						
	31/I	3/II	13/II	5/III	26/III	6/IV	6/V
<i>Партия регионов</i>	21	19	22	9	10	6	3
<i>Батькивщина</i>	14	11	16	15	15	16	13
<i>УДАР</i>	16	15	17	15	11	12	8
<i>Солидарность</i>	6	5	7	13	15	11	22
<i>КПУ</i>	5	5	4	5	5	4	5
<i>Свобода</i>	4	4	4	4	3	5	4
<i>Правый сектор</i>	0	0	0	0	2	1	1
<i>Сильная Украина</i>	0	0	0	0	0	0	5

По данным опросов, проведенных в начале мая 2014 г., если бы парламентские выборы проводились в это время, *Солидарность* могла бы получить 90 мест в Верховной Раде. Однако сроки будущих парламентских выборов пока не определены и являются предметом острых споров в политических кругах Украины. Ключевую роль в этих спорах играет вопрос о политическом представительстве той части населения юго-восточных регионов, поскольку *Партия регионов* фактически распалась, а партия *Сильная Украина* во главе с Сергеем Тигипко, основная избирательная база которой находится на юго-востоке, пока не пользуется серьезной поддержкой населения этих регионов. В этой ситуации политические силы, находящиеся после краха режима Януковича на подъеме, заинтересованы в скорейших парламентских выборах, тогда как их соперники, претендующие на голоса избирателей юга и востока страны, стремятся максимально оттянуть их, рассчитывая со временем упрочить свои политические и электоральные позиции.

Принятие новой конституции и проведение парламентских выборов должно завершить реконструкцию политической системы в Украине. Но это, однако, не гарантирует, что силы, приходящие сегодня к власти в стране, смогут решить остальные политические и социальные проблемы. В итоге дальнейшее развитие событий в Украине может пойти как по относительно оптимистическому сценарию, напоминающему в общих чертах эволюцию посткоммунистической системы в Польше, так и по пессимистическому, завершающемуся распадом страны. Во многом фактором, определяющим по какому пути в ближайшие годы пойдет Украина, будет ситуация в Донецкой и Луганской областях.

Возможность политического урегулирования острого внутреннего конфликта в этих регионах невелика. Силовым путем можно разгромить террористические группировки, ядро которых составляют праворадикальные экстремисты и авантюристы, проникающие на территорию Украины из России, местный мелкий криминалитет и иные маргинальные элементы. Такого рода формирования могут быть подавлены силовым путем в случае оздоровления украинских вооруженных сил. Однако эти группировки пользуются значительной поддержкой достаточно широких люмпенизированных слоев, находящихся под влиянием ожесточенной российской пропаганды. Фактически отсутствуют влиятельные местные лидеры умеренного толка, имеющие авторитет в такого рода социальных средах. С учетом этого трудно надеяться на успех переговоров или диалога с этими регионами, способного привести к разумным компромиссным решениям. В этой связи получает распространение точка зрения, предполагающая, что для Украины было бы во многих отношениях выгодно пойти навстречу донецким и луганским сепаратистам и предоставить этим регионам возможность перейти в состав России. Развернутая и, как представляется, вполне рациональная аргументация в пользу такого решения проблемы принадлежит российскому экономисту Владиславу Иноземцеву.

Суть его размышлений в том, чтобы «объявить суверенитет Украины над Крымом и восточными областями страны утраченным. Установить границу между Украиной и новообразованными «народными республиками», временно запретив въезд граждан из этих регионов на Украину. Прекратить взимание там налогов и выплату пенсий, пособий и дотаций, эвакуировать те подразделения вооруженных сил и силовых структур, которые сохраняют верность Киеву»¹³. В результате:

- ❑ проблема *многонационального характера* страны исчезнет: доля русского населения сократится с 17,4% на начало 2014 г. до менее чем 11,5%. *Стремление к России и регионализация снимутся с повестки дня;*
- ❑ объем дотаций, выделяемых региональным бюджетам, сократится на 45%. Будут также высвобождены более 2,3 млрд долларов дотаций угольной отрасли, а объем потребляемого Украиной газа сократится на 9,8 млрд м³ в год, или почти на 20%;

- Украина станет намного более *проевропейской* страной — как ввиду большей национально-культурной монолитности, так и в связи с очевидной связкой в общественном мнении отделения восточных регионов с влиянием России на этот процесс.

«Крым и Донбасс, — подчеркивает автор этой концепции, — потеряны для Украины — это сегодня стоит признать как данность. Но неудачно проведенное сражение — еще не проигранная война. Брестский мир, заключенный большевиками в 1918 г., казался катастрофическим с точки зрения масштабов потерянных территорий — но через три года Красная армия уже подходила к Варшаве»¹⁴.

Размышления Владислава Иноземцева могут многим, как России, так и в Украине, показаться ненаучной фантастикой. Однако еще более фантастичными представлялись предвидения относительно распада СССР. Считались совершенно невозможными террористическая атака 9 сентября 2001 г. и многие другие события, ставшие поворотными моментами в истории прошлого и начале нынешнего века. И в свете этого главный урок украинского кризиса, пожалуй, состоит в необходимости не только учитывать в политическом планировании варианты, кажущиеся совершенно невозможными, говоря словами Германа Кана, «мыслить о немыслимом», но и конструировать столь же неожиданные и парадоксальные решения возникающих проблем и вызовов.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НОВЫЙ МИР: МЕСТО И ВРЕМЯ РОЖДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО. ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО

Некоторые говорят, что новый мир рождается на востоке Украины. Вряд ли это так. Там как раз завершается век XX. Заканчивается распад Советского Союза, хотя, конечно, украинские плодородные почвы привносят странную и пугающую специфику. Все-таки выясняется, что попытка искусственно сохранять на просторах постсоветского пространства комфортные, но искусственные реальности себя не оправдала. Скажем прямо: современная Украина была продуктом коллективного творчества и США, и Европы, и Германии, которая действовала отдельно от Европы, да и России именно потому, что это была относительно комфортная для всех реальность. И существовала — подчеркнем, существовала, но не развивалась — Украина преимущественно за счет прямого и косвенного внешнего финансирования. Законы истории не удалось обмануть и в этом случае.

Интересно, но промелькнувшая в СМИ и приписываемая в прошлом гэдээровской пионерке Ангеле Меркель фраза о том, что В. В. Путин живет в *другом мире*, не лишена смысла. Российский президент действительно живет в XXI веке, тогда как большинство лидеров крупнейших стран мира *зависли* между XX и XXI веками, так до конца и не осознав того, что из себя представляет новая эпоха. Исключение составляют США, которые придумали для себя собственный мир и пытаются там жить, совершенно не обращая внимание на то, что происходит вокруг них.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ НАКАНУНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Попробуем вкратце обозначить черты, которые характеризуют современную ситуацию в международных отношениях со стратегической точки зрения:

- Хельсинская система 1973 г., дополненная в Париже в 1990-м г. окончательно перестала существовать не только на уровне реальной политики, но даже как формальный политический инструмент. Справедливости ради надо сказать, что данная система уже давно находилась в политической коме, однако ее похороны открывают нашему взору колоссальный концептуальный геополитический вакуум в том, что касается принципов

взаимодействия государств в Европе и на ее окраинах. Вакуум, который еще очень не скоро будет заполнен. Уж точно не при нынешнем поколении политиков.

- Китай явно продемонстрировал неготовность к геополитическому соревнованию с США. Мудрые пекинские правители продолжают быть уверенными в том, что мимо них рано или поздно проплывет труп их врага и, кстати, они совершенно необязательно в этом ошибаются. Однако, думается, что лучшего момента оспорить геополитическую гегемонию США у них не будет в следующие лет пять, если не десять, несмотря на получение доступа к российскому газу. Так, что тем, кто надеялся на скорое восстановление геополитической биполярности, стоит расслабиться. Надолго.
- Экономическая взаимозависимость стала свершившимся фактом. Наши западные коллеги много писали об этом, но почему-то думали, что *взаимозависеть* будет кто-то другой. Ничего подобного: в современной мировой экономике даже экономические *гранды* не могут делать резких движений (например, санкций) без последствий для себя, причем весьма серьезных. На этом фоне возникает странный парадокс: в ряде случаев применить военную силу оказывается проще, нежели оказать действенное экономическое давление на нарушителей того или иного международного режима.
- Окончательный коллапс международных структур. Если бы не кровь, то можно было бы сказать, что мы наблюдаем кадры из дешевой американской комедии, в которой роль главного персонажа исполняет генеральный секретарь ООН, окончательно потерявший лицо на фоне событий на Украине. По степени политической неадекватности с Генеральным секретарем ООН может поспорить только генеральный секретарь НАТО, но там ситуация усугубляется еще и личностью этого несомненного титана западной демократии. Это печально, это предсказуемо, но это и неожиданно. А еще и опасно: боюсь показаться циничным, но межвоенная Европа была бы более стабильным местом без Лиги Наций, поскольку существование безликой и бессмысленной *площадки* порождало слишком много иллюзий и надежд. Однако то же самое можно сказать **и** о практически любой международной структуре, не исключая и те, которые еще несколько лет считались эталоном.
- Виртуальная реальность в политике, столкнувшись с реальностью объективной, дала сбой. Конечно, американская система промывания мозгов в очередной раз проявила себя блестяще. Замечательный пример — чем меньше американцев знало, где находится Крым, тем больше они были готовы его завоевывать. Ибо они привыкли, что в основном завоевание происходит в виртуальной реальности. Те же, кто представлял себе перспективы *завоевания* в реальности, были куда более аккуратны. Вообще виртуальная реальность усугубляет геополитическую безответственность. Хорошо, однако, уже то, что выяснилось, что виртуальная реальность управляет миром, только пока люди ей это позволяют. В момент, когда возникает реальная политика (а от себя добавим, и реальная экономика) виртуальная реальность в одночасье теряет свою эффективность. Самое интересное начнется, когда виртуальная реальность утратит свою эффективность не только в политике, но и в экономике.

В современной политике и экономике все запаздывает по сравнению с прогнозами. Так ли уж были верны предположения о том, что мировые процессы в современном мире существенно ускорились? Коммуникации, — да, стали значительно оперативнее, практически на уровне реального времени. Но собственно процессы развития мировой политики мировой экономики проходят в темпе в действительности, как минимум, сравнимом с тем, как процессы развивались в 1970-е

Мустафа Фетоури (Ливия), независимый аналитик и журналист — по электронной почте из Триполи: На Ближнем Востоке и в Северной Африке ситуация в сфере безопасности продолжила усугубляться: возникли новые угрозы, нестабильность усилилась. Во время как Тунис преодолевает препятствия и движется вперед к развитию, улучшает статьи новой конституции и утверждает новое правительство технократов, которое будет управлять финальной стадией демократического переходного периода, угрозы безопасности и суверенитету страны только усугубляются. В течение последних трех месяцев в западных и юго-западных регионах страны возросли насилие и теракты. Совершаются они джихадистами, преимущественно из группировки *Ансар шария*. Несмотря на то что правительство *Ан-Нахда* сдала власть, чтобы избежать общественного гнева, вряд ли это поможет партии заручиться большинством на следующих выборах. Следующее правительство станет, скорее всего, коалиционным.

Разочарование общественности действующим правительством продолжает оставаться проблемой для Ливии. Весной в стране имело место массовое гражданское неповиновение. Было блокирована работа правительственных учреждений, основных дорог вокруг наиболее крупных городов — Триполи и Бенгази. В Азавии разгневанные демонстранты заблокировали основные дороги, соединяющие Триполи с западными районами страны. На западе Ливии расположены основные нефтеперерабатывающие заводы, и действия демонстрантов привели к нехватке топлива. Это вылилось в проблемы с бензином и длинным очередям на бензозаправках в столицы и других крупных городах Ливии.

и 1980-е гг. И что самое интересно, на фоне отсутствия рывка в скорости происходящих процессов, на фоне существования многочисленных систем наблюдения, мониторинга и *прослушки*, выяснилось, что государства все еще обладают значительными возможностями многое делать тайно. Примером этого является операция российских войск в Крыму. Иными словами, степень реальной прозрачности международных процессов отнюдь не прямо пропорциональна количеству технических средств, которые внедряются для ее обеспечения.

Но ведь если мы посмотрим на эти особенности нового мира в комплексе, то с удивлением обнаружим весьма странное обстоятельство: политическая взаимозависимость практически исчезла, где-то уступив место полной политической деструкции, а где-то выродившись в отношения *метрополия–полупериферия*, как например, в отношениях США–Европа, о чем речь впереди. Ровно в то же время, как экономическая взаимозависимость достигла апогея, практически полностью исключив возможность проведения полностью суверенной внешнеэкономической линии, политическая взаимозависимость и ее институты форсированным темпом деградировали, превращаясь в даже не в традицию, а в ритуал. Например, принято периодически вспоминать об ОБСЕ, хотя все прекрасно понимают, что никакой реальной роли, отличной от роли НАТО, эта организация давно не играет. Принято ездить в Совет Европы и выслушивать поучения, следовать которым никто не собирается. И так далее. А зачем это *принято*, в сущности, никого не интересует.

Однако это — стратегия. Это то, что вызревает годами, а потом годами прорастает в практическую политику. Просто сейчас они проявились применительно к ситуации, которую уж никак нельзя было игнорировать. А каковы же процессы, которые связаны именно с последними 3–6 месяцами? Как они вписываются в те стратегические тенденции, которые мы бегло обрисовали.

ВТОРОЙ ЭКРАН СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Конечно, наиболее привлекательные с точки картинки в СМИ события происходят в АТР и на Украине. Происходящее в других регионах мира, конечно, не так феерично, но в действительности вызывает не меньшей интерес. Именно события на Украине воспринимаются как свидетельство возникновения новых тенденций в международных отношениях. Но так ли это? В конечном счете уровень кинематографа определяют не только блокбастеры, но и те фильмы, которые тихо идут по экранам клубов в домах творчества, а то и в колхозах, но которые потом вдруг становятся символами эпохи. Итак, что же осталось за кадром, пока мир смотрел по телеэкрану сражение на горе Карачун?

- Признаки перелома в гражданской войне в Сирии. До перелома еще далеко, да и США стали все более активно втягиваться в военную часть конфликта, однако существенно изменились настроения. А на фоне изменения настроений начался отток солдат джихада в более перспективные страны, например в Нигерию, Мали, а возможно и в Ливию с Алжиром. Эффект такого стратегического смещения фокуса пока окончательно не ясен. Но уже сейчас интересно, как отток исламистов с Восточного Средиземноморья в Северную и Западную Африку повлияет на военно-политическую ситуацию в этих чувствительных странах Европы, регионах.
- Конечно, результаты выборов в Европарламент и, хотя не триумфальная, но ощутимая победа ультраправых, а также неожиданные флуктуации в европейском общественном мнении должны были настроить политические элиты Европы на некую новую волну. Но, видимо, не в коня корм: похоже, что европейские правители глубоко уверены, что это лишь случайность, результат неудачного стечения обстоятельств и очевидных дефектов отдельных личностей. Хочется сказать: «Это вряд ли». В этот раз европейская политическая и пропагандистская машина, думается,

Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ (г. Бишкек, Киргизия) — по электронной почте из Будапешта: На региональном уровне для Европы главным событием периода стал кризис на Украине и изменение суверенитета Крыма. Несмотря на то что украинские события напрямую не затронули безопасность Европы в целом и Центральной и Восточной Европы в частности, важность и сложность ситуации для региона не вызывает сомнений. Очевидно, что слабая государственность и плохое управление страной — это наиболее актуальные проблемы не только для Украины, но и Сирии, а также для других стран от Боснии и Герцеговины до Турции.

Несмотря на то что, как кажется, Россия приобрела преимущества вследствие конфликта на Украине, не следует забывать, что и эта страна — ныне часть взаимозависимой международной системы. Россия не в состоянии сегодня водрузить на себя развитие собственной экономики без сотрудничества с зарубежными партнерами, как это было в период холодной войны. Запад также не заинтересован в продолжении противостоянии с Россией по целому ряду причин, включая экономическое взаимодействие. Урон российской экономике скорее будет нанесен не санкциями, а тем, что она достаточно интегрирована в мировую экономику, а усиление ее политического влияния в Крыму приведет к серьезным экономическим трудностям. Иначе говоря, сложности в российской экономике — это не прямое воздействие санкций, а скорее результат экономической интеграции.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте: На III Препкоме в апреле-мае 2014 г. ядерные государства упустили возможность укрепить режим ДНЯО. Стремление ядерных государств совершенствовать свои ядерные арсеналы и ощущаемое нежелание приступить к безоговорочному ядерному разоружению — нехороший знак для режима ядерного нераспространения в долгосрочной перспективе и для международного климата безопасности в краткосрочной перспективе.

Государства Латинской Америки и Карибского региона продолжают соблюдать свои обязательства, в том числе по режиму нераспространения. Мирное демократическое развитие — главная движущая сила региона, который остается одним из самых мирных в мире.

Что касается ситуации в Венесуэле, где продолжается противостояние власти и оппозиции, то латиноамериканские государства рассматривают этот кризис как внутреннее дело страны. Только сами венесуэльцы способны решить его. УНАСУР — союз южноамериканских наций — попытался помочь Венесуэле разрешить кризис посредством заключения соглашения с венесуэльским правительством, но достичь большого прогресса организации не удалось.

все же успешно задавят ростки инакомыслия. Однако первая трещина по европейскому фасаду уже прошла, прошла глубоко. Главное — все поняли новый тренд.

- Стагнация (впрочем, ожидаемая) американо-иранского переговорного процесса. Как и предполагалось, иранцы справедливо решили, что в современном мире США не являются единственными воротами, через которые можно интегрироваться в мировую экономику. Даже на общем фоне, не слишком благоприятном для американской администрации, заключение соглашения Ирана и России о сотрудничестве в сфере ТЭКа на маргинальные в общем-то для нефтегазовых экономик 10 млрд долларов было воспринято очень болезненно. Наверное, потому, что к собственно ТЭКу это соглашение имеет весьма опосредованное отношение. Дело в другом: иранское руководство откровенно и четко продемонстрировало своим западным партнерам, что не даст им использовать процесс диалога для оказания влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Иране. А собственно это, а не иранская ядерная программа, и было главной задачей диалога, по крайней мере, именно так ее явно мыслили в Вашингтоне.
- Почти официальное признание Америкой своего нового партнерства с талибами. Во всяком случае именно так можно и нужно интерпретировать заявления министра обороны США Чака Хейгла по, в сущности, далеко не стратегическому событию обмена то ли плененного, то ли дезертировавшего американского солдата на пятерых узников Гуантанамо. Вероятно, это и есть тот *асимметричный ответ*, который США применили против России и, похоже, Казахстана. Заодно можно увидеть в этом и сигнал о том, что в Узбекистане дела пошли так хорошо, что этого союзника американцам впору смело *списывать*. Но в глобальной политике нельзя повторяться, а США пытаются прокрутить одну и ту же комбинацию в третий раз.

- Резкое обострение китайско-вьетнамских противоречий, причем уже общим местом стало утверждение, вероятно, совершенно справедливое, что за нынешними действиями Ханоя стоят США. На Дальнем Востоке возникает новый геополитический расклад, окончательные параметры которого до конца не ясны, однако понятно, что американский *Боливар* не вынесет троих региональных союзников, так что, либо Японией, либо Южной Кореей придется жертвовать. Не Тайванем же...
- Переход напряженности на Корейском полуострове в более управляемое русло, что может свидетельствовать о начале процесса *торговли* об условиях и рамках новой временной стабилизации. Похоже, молодой северокорейский лидер решил, что большего ему уже у США и Южной Кореи *не отжать*, а задачи зачистки отцовской команды в целом уже решены. Можно начинать выстраивать свой имидж и создавать экономические рамки будущего царствования.
- Нарастание изоляции Саудовской Аравии. То, что начиналось как претензия на политическую гегемонию в арабском мире, начинает превращаться в весьма опасный гамбит, в котором за политической изоляцией и утратой доминирующих позиций среди нефтедобывающих монархий Аравии может последовать и изоляция военно-политическая. А там уже и до полного распада режима недалеко. Вы никогда не задумывались о том, что Саудовская Аравия — это Украина арабского мира? С точки зрения искусственности границ и внутренней структуры в частности. Мне кажется, эта аналогия далеко не беспочвенна.
- Нарастание межплеменной и межрелигиозной напряженности в Африке (наиболее видимыми признаками которой является ситуация в Нигерии, Судане, Мали и ЦАР) и это при 105, а то и 110 долларах за баррель нефти. Очевидно, что средств на *покупку стабильности* начинает не хватать, а взрывного потенциала все больше и больше. Интересно, что там начнется при 85 долларах?
- Признаки очередной (какой по счету?) войны за демократию и права человека в Ливии, которая, конечно, пока еще не грозит перекинуться

Сехларе Макгетланенг (Южно-Африканская Республика), глава исследовательской программы «Управление и демократия» института Африки ЮАР — по электронной почте из Претории: Франция продолжит свою политику в отношении Африки, и это станет главной тенденцией периода, определяющей развитие континента. Париж намерен проводить свои военные операции в государствах Западной Африки. Однако важно помнить, что главной целью французов является продвижение своих стратегических и тактических интересов на континенте в целом и в Западной Африке в частности. Африка — единственная часть мира, где Франция может свободно осуществлять свою власть и продвигать влияние.

Серьезные последствия отсутствия единого национального правительства в Демократической Республике Конго (ДРК) оказывают серьезное воздействие на безопасность в Африке. Это проблема вкупе с вопросами безопасности в восточной части страны обостряют проблему в предстоящий период. Вовлечение Руанды и Уганды во внутренние дела ДРК посредством оказания материальной поддержки повстанцам, сражающимся в национальной армии в восточной части страны, — другая не менее значимая проблема безопасности на континенте.

на Алжир, но уже сейчас создает серьезную нервозность у европейцев, еще вчера рассчитывавших на беспрепятственные поставки дешевых нефти и газа из Северной Африки по кратчайшему маршруту.

- Возвращение Египта к традиционному состоянию либерально-военной диктатуры. Вероятно, египетские военные будут теперь более *много-векторными* (свидетельством чему в том числе и активизация связей с Россией), однако в любом случае времена египетского лидерства в арабском мире прошли. Реинкарнации Насера явно не будет, а шанс предложить арабам либеральный исламизм с социальной риторикой (что могло реально стать новой общеарабской идеологией), был похоронен на площади Тахрир во время свержения М. Мурси.

Иначе говоря, в действительности масштабы глобальных военно-силовых процессов куда больше и серьезнее, нежели то, что мы наблюдаем на востоке Украины. А главное, процессы, идущие *вторым экраном* в мировых СМИ, имеют куда больший потенциал геополитического влияния (и в силовой сфере, и, особенно, в экономике), чем то, кто контролирует райсовет в городе Красный Лиман.

Причем, что интересно, за очень редким исключением, указанные выше процессы *второго экрана* в отличие от того, что заполняет *первый экран*, инициировались именно в последние полгода, а иногда и в последний квартал. То есть именно они, а не развал 50-миллионного государства, про которое все еще в 1991 г. знали, что оно искусственное, являются ключевыми продуктами новой геополитической реальности. Интересный парадокс, правда?

ИЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УГЛА НА ПРОСТОРЫ АТР

Говорить о сближении России и Китая стало уже почти банальностью, равно как такой же банальностью стало предостерегать от оного. На деле ситуация, кажется, существенно более сложна. Нас, конечно, не может не радовать, что российско-китайский газовый контракт почти убивает австралийские проекты в сфере сжиженного природного газа (СПГ): пустячок, а приятно бывает щелкнуть по носу стране, упивавшейся своей русофобией в ощущении полной безнаказанности. Но ведь не Австралия является главным конкурентом России на азиатском рынке углеводородов, а такие страны, как Иран и Катар, а в перспективе и Бангладеш. Так что, для того чтобы успешно конкурировать с ними надо, помимо восприятия действительности как бы *в пакете* (как дополнение, к другим проектам, но никак не основу сотрудничества), срочно повышать собственную ценовую конкурентоспособность, с которой у российской газовой отрасли в последнее десятилетие существенные проблемы.

Если говорить объективно, то, думается, с разворотом Газпрома на Восток в широком смысле слова, а не только на Китай, мы опоздали на 4–5 лет. Причины понятны: традиционная бюрократическая убежденность, что *на наш век хватит*, которая пересилила все рациональные аргументы и подсознательное стремление договориться хоть о чем с такими *социально близкими* (именно социально!) европейцами, которые почти обещали признание за российскими нуворишами *места под солнцем*. Которое, как правило, оказывалось в уютном Лондоне. Беда в том, что последствия этого опоздания так до конца и не ясны. И если 5 лет назад Газпром и российская газовая отрасль в целом могли бы претендовать на доминирование на региональном газовом рынке, то теперь речь идет максимум о том, чтобы занять там приличное место и поконкурировать на равных с альтернативными проектами, например, по сжиженному газу. Важно еще и то, что АТР как операционная площадка является куда более сложной, нежели в целом привычная нам Европа. За успех в АТР придется платить существенно дороже, чем за успех в Европе.

И дело тут не только и не столько в Газпроме (тем более что на региональном газовом рынке собирается играть и Роснефть). Давайте просто инвентаризируем те

черты, политические, экономические и культурные, того региона, куда мы теперь интегрируемся, понимая совершенную неизбежность этой интеграции:

- ❑ В АТР мы будем в основном иметь дело с большими и очень большими государствами, на которые размеры и ресурсы России не будут производить того же гипнотического эффекта, который Россия производит на Лихтенштейн.
- ❑ В АТР Россия столкнется с тем, что даже наши российские, весьма, надо сказать, специфические (в хорошем смысле, естественно!), представления о демократии будут выглядеть совершенной экзотикой, о которой в приличном обществе и говорить не стоит.
- ❑ АТР при всех достижениях последних десятилетий остается территорией экономической неопределенности, которая чревата возникновением таких потрясений, волны которых докатываются и до США, и до Европы.
- ❑ АТР, не исключая Китая, остается территорией политической неопределенности, последним, но никак не самым ярким проявлением которой стал военный переворот в Таиланде, когда военные поменяли не только две-три фигуры на шахматной доске, но и саму игру. Подобное может произойти практически в любой стране региона. Говорят, единственное исключение — КНДР, которую можно с полным правом назвать *скалой стабильности*, однако и в этом есть определенные сомнения.
- ❑ АТР остается территорией, где применение силы считается важным элементом внешней политики — его использования стараются избегать, но продемонстрировать готовность к войне считается *хорошим тоном*.
- ❑ АТР является территорией, где доминируют теневые, закулисные механизмы политического взаимодействия, а никак не публичные форумы. Желющие оспорить это утверждение могут попытаться разобраться в истории с малазийским *боингом*.
- ❑ АТР является регионом, где экономический рост в 1,5% в год вызывает сочувственную улыбку, а страны, в которых по тем или иным причинам случается такое несчастье, рассматриваются как *бедные родственники*.

Прочитав все вышесказанное, а также вспомнив все, что автор позабыл, зададим себе вопрос: а мы точно уверены, что готовы активно играть на этой площадке? Мы ведь привыкли к достаточно комфортному времяпрепровождению в нашем *дальневосточном углу*, где нас особо не тревожили. Хотя ветер Восточной Азии колюч, а Южной Азии — порывист и влажен, в целом АТР является регионом, где больше всего ценят тихую силу и уверенность, а не громкий пиар. Придется быть жестче, эффективнее, агрессивнее. Иными словами, чтобы чего-то добиться на Востоке надо стать другими. Если Россия сможет этого добиться, возникнет совершенно иное качество российской внешней политики. Если нет, серьезный экономический кризис и сопутствующая ему смена элит станет неминуема.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ЭНДШПИЛЬ

Много удивления вызвала у российских комментаторов позиция европейских стран, которые по-разному: кто стыдливо, как Италия, а кто гордо и агрессивно, как Германия, поддержали Вашингтон в противостоянии с Россией. Такого единомыслия, кажется, никто не ожидал. А зря: тенденции усиления политической монополярности западного мира нарастали все последнее десятилетие.

Ситуация, между тем, была предсказуема. В России как-то привыкли мерять Европу, прежде всего европейскую политику, мерками 1980-х — начала 1990-х гг. Годов, когда Европейское тогда еще сообщество было на гребне экономического подъема, поглощая перспективные рынки Восточной Европы, а во главе ключевых стран

стояли политические гиганты. Философы и экономисты мечтали о *европейском веке* и о европейской гегемонии в мировой торговле. Сейчас этого уже давно нет, а главное, вероятно, уже никогда не будет. Но происходящее в евроатлантических отношениях началось не вчера и не позавчера. Мы присутствуем в эндшпиле процесса, которые относятся к уже забытым ныне 1970-м гг., когда впервые со времен Второй мировой войны Европа начала подумывать, что у нее тоже может быть самостоятельная международная роль. И надо сказать, определенные основания для этого поначалу были.

Не время и не место говорить о тех *ступенях вниз*, которые пришлось пройти Европе к утрате своих геополитических амбиций. Укажем лишь на один важный компонент: опыт Европы последних 30 лет наглядно показал, что экономических возможностей и выстроенных вокруг них технологий влияния совершенно не достаточно, для того чтобы обеспечить реальное глобальное. Тем более влияние глобальное. Тем более влияние в кризисных ситуациях.

Что до Европы, то местные элиты, явственно деградировавшие за последние 20 лет (средняя по способностям и потенциалу Ангела Меркель действительно выглядит на общем фоне политическим гигантом не только как представитель своей страны, но и в личном плане), продолжали находиться в святой уверенности, что экономика рано или поздно сама по себе перерастет в политическое влияние. Чем-то европейские политики конца 1990-х — начала *нулевых* напоминают нынешнее китайское руководство, а в более далекой перспективе — *кремлевских старцев* 1980-х, живших по принципу *лишь бы не было войны*.

Да, конечно, немецкая задумка с организацией *Майдана 2.0* вокруг Соглашения об ассоциации с ЕС, которое никто не читал, естественно, и никто не собирался подписывать, была красивой. Вопрос был, конечно, не в Соглашении об ассоциации с ЕС. И уж тем более не в украинском рынке, платежеспособность которого минимальна. Вопрос был в контроле над транзитной территорией и, если получится, над значительными в действительности украинскими запасами углеводородов. Причем весь этот проект должна была оплатить, как обычно, Москва. Согласитесь, грамотная и где-то даже изящная операция. Но разработанные с немецкой тщательностью планы. США изящно и красиво доказали свое превосходство в манипулятивных технологиях, что, к слову, большой урок и для нас: никогда нельзя играть с США на их поле. В результате США (хотя и наших, российских, заслуг умалять не стоит) подарили Европе еще одну прожорливую *черную дыру*, в которую придется вкладывать, как минимум, 12–14 млрд евро в год только для того, чтобы дестабилизация распространялась помедленнее. Для современной Европы это очень значительные деньги. Какой уж теперь *захват украинского рынка*.

Но ведь дело не только в Украине. Украина стала своего рода *последним гвоздем в крышку гроба* европейских амбиций. Дело даже не в последствиях кризиса 2008 г., от которых Европа так и не смогла оправиться.

Можно много говорить об экономике, но нас в данном случае интересует военно-политическая сторона вопроса. В конечном счете, как доказывает опыт последних десяти лет, претендовать на самостоятельный голос в современном мире можно лишь в том случае, когда обладаешь самостоятельными военно-политическими возможностями. Не обязательно — силой. Это может быть инфраструктура, военная промышленность, технологии. Но эти возможности обязаны быть. Так вот, последние 5–10 лет мы наблюдали отказ европейцев от создания собственной инфраструктуры проецирования военной силы. Но беда в том, что начинают деградировать и базовые военные возможности европейцев: сравним то, как амбициозно начиналась для европейцев операция в Афганистане, когда они практически оспаривали у США первенство, и как почти позорно она для них закончилась. Это было почти бегство. США хотя бы достойно сохраняют видимость ухода победителями. А ведь даже в начале нулевых только и разговоров было о *European defense identity*. Вообще если бы не периодический активизм Франции в Африке и традиционное

польское бряцанье оружием, впрочем, далеко не беспочвенное, можно было бы усомниться в наличии у стран ЕС ощутимого военного потенциала.

Но самый главный источник, который и обусловил утрату Европой своей роли и сохранение США контроля над пространством *европейского Средиземья*, заключался, думается, в следующем: США, несмотря на все намеки и давление европейцев, сумели сохранить контроль над инфраструктурой кризисного силового управления.

Рискну предположить, что утрата Европой потенциала глобального политического влияния началась тогда, когда европейцы решили пожертвовать слабенькой, неразвитой, рудиментарной, если хотите, системой военно-силового управления, которая существовала в рамках Западно-европейского союза (ЗЕС). Помните такую структуру? Она официально прекратила свое существование в 2011 г., и именно эту дату стоит считать *точкой отказа* ЕС от глобальной роли. Реальная деятельность ЗЕС начала сходить *на нет* еще с середины 1990-х гг., а кому организация попала в начале 2000-х гг. Логика европейцев проста: они надеялись на то, что отказ от собственной оборонной инфраструктуры позволит им получить большее влияние в НАТО. Расчет теперь поражает своей наивностью, однако в конце 1990-х гг., вероятно, в нем были определенные резоны, в том числе связанные с упованием на экономическое могущество ЕС.

Но это был уже второй звоночек в завершении претензий Европы на глобальную гегемонию. А первым было поглощение американской корпорацией MasterCard европейской Europa в 2002 г. Конечно, мы охотно верим, что это были равноправное партнерство и триумф глобализации, однако этот эпизод четко свидетельствовал о капитуляции европейцев в ключевом для глобальной экономики секторе.

А третьим *звоночком*, возвестившим отказ Европы от глобальных амбиций, которые почти никто в России не заметил, стала окончательная стагнация европейской системы навигации Galileo. Конечно, об отказе от системы еще никто не объявлял: *потеря лица* может оказаться слишком существенной даже для европейских политиков, но сроки введения системы в срок уже сдвинуты с 2013–2014-го на 2020 г. И это, вероятно, еще не предел.

Иными словами, за последние годы Европа много говорила о своем грядущем экономическом могуществе, но шаг за шагом отказывалась от всех критических элементов этого могущества.

Если говорить совсем цинично, *Майдан 2.0* запоздал на 10 лет. В 2004 г. данный сценарий, скорее всего, имел существенно большие шансы на успех. США завязли в Ираке, Россия только выбиралась из *кавказской ловушки*, а Европа находилась на пике финансового могущества. Вероятно, тогда не хватило политической воли и готовности рисковать, как рискует всем, в том числе и в личном плане, Ангела Меркель.

А сейчас у ЕС на Украине просто нет НИ ОДНОГО рычага кризисного реагирования, который не контролируется США. Даже финансового.

И это сейчас. Через 5–6 лет, когда США действительно развернут в регионе полноценную систему ПРО, под контролем европейцев не останется НИ ОДНОГО инструмента стратегического управления. Включая и то, что европейская система управления воздушным движением окажется де-факто под контролем США. А если США смогут навязать Европе свой сценарий реструктурирования рынка энергоносителей, то ситуация для ЕС станет фатальной.

Что интересно, в новых евроатлантических условиях совершенно неважно, будет ли существовать Евросоюз, или, согласно пророчествам астрологов, упадет. Для США, пожалуй, выгодным было бы сохранение единого ЕС, для того чтобы окончательно предотвратить ренационализацию оборонной политики какого-либо государства, хотя это в условиях деградации экономики и ослабления элит крайне маловероятно. В любом случае столица Европы прочно и надолго

переехала в Вашингтон, Федеральный округ Колумбия. И это хорошо: по крайней мере нам не придется иметь дело с обезумевшей от выработки общеевропейского стандарта огурца евробюрократией.

НЕОЖИДАННАЯ РОССИЯ

Вряд ли кто-то станет оспаривать то обстоятельство, что Россия всех удивила. И не только и не столько воссоединением с Крымом, сколько общим качеством политики, да и экономики. По сути, удивление от удачно проведенных Олимпийских игр не меньше, если не больше, чем от почти хирургической операции в Крыму. Не менее серьезным было удивление наших западных друзей от крайне вдумчивого, по-другому не скажешь, поведения Москвы в ходе кризиса на Восточной Украине. И уж совсем в шоковое состояние наших друзей привело отношение общественного мнения к происходящему. Нет, не поддержка президента со стороны общественного мнения. К этому наши западные партнеры в целом были готовы. Удивило их то, что в среде российской политической элиты в сущности не появилось *перебежчиков* и не возникло никакой реальной оппозиции проводимому курсу. Во всяком случае в оппозиционных кругах не появилось новых серьезных лиц. А те, кто *возвысил свой голос*, давно и хорошо известны и в России, и, особенно и в основном, за ее пределами, да и, по правде сказать, не слишком они были убедительны.

Но так ли уж неожиданными стали события последнего времени. Взглянем на ситуацию чуть более пристально:

- Сокращение экспортной зависимости от стран ЕС, а если совсем упрощать, — переориентация российского экспорта классических углеводородов с рынка европейских стран на иные, пусть менее прибыльные, региональные рынки. Но вообще-то о том, что России пора пересмотреть свое восторженное отношение к украинскому газовому рынку, говорилось уже много лет, по крайней мере, с момента анонсирования пресловутого *Третьего энергопакета* ЕС, согласно которому Газпрому все равно пришлось бы сокращать свое присутствие на европейском рынке, как бы мы не протестовали.
- Импортозащита, а на деле — управляемая балансировка импортных потоков за счет частичной девальвации рубля и административных мер. Однако необходимость хотя бы частичного введения элементов управляемости импорта была предметом экспертного обсуждения лет десять, как минимум, не говоря уже о тематике продовольственной безопасности. А главное, Россия уже года 3–4 готова к тому, чтобы проводить политику управления импортом без серьезных социальных последствий и с пользой для развития собственной экономики.
- Национализация финансового обращения. Но, вспомним, в какой истерике и с каким надрывом еще 7–8 лет назад либералы боролись против самой идеи национальной платежной системы? Какая истерика возникла при одном только упоминании необходимости введения даже самых минимальных элементов валютного и экспортного контроля? То есть и эта необходимость возникла не вчера, и не в декабре 2013 г. Она назревала годами, только сдерживалась за счет доминирования в российской элите определенных сил, позиции которых сейчас, скажем так, ослабли. И даже вполне разумное и откровенно антикоррупционное предложение начать более жестко контролировать расходы госкомпаний было провалено. И только изменение политической атмосферы в стране позволило к нему вернуться¹⁵. В целом же вопрос о коренной перестройке российских финансов актуален еще с 2008 г., и только гигантская и, в сущности, зловещая тень А. Л. Кудрина мешала руководству страны разглядеть некоторые важные детали. Теперь, вероятно, света стало больше.

- Инвентаризация лиц с двойным гражданством и офшорных чиновников. Конечно, для некоторых граждан, окончательно интегрированных в мировую экономику, это стало неожиданностью, но вообще-то необходимость этих мер обсуждается по крайней мере с 2003 г. В данном случае ситуация еще более простая: людей неоднократно предупреждали, но граждане посчитали, что *на их век хватит*.
- Ренационализация военно-промышленного комплекса (ВПК). Уже лет 5–6, как минимум, было очевидно, что российский ВПК и, особенно, авиакосмическая отрасль исчерпали тот запас прочности, который у них был по окончании советской эпохи. Уже 4–5 лет назад было ясно, что наша космическая отрасль испытывает глубочайшие системные проблемы. А уже 7–8 лет назад (после первого *Майдана*) стало понятно, что производство вооружения и военной техники необходимо срочной концентрировать на территории России. Правда, с тех пор было сделано до обидного мало, однако же, признаемся себе, что и по данному направлению решение зрело давно. Равно как давно зрело решение по глубокой зачистке российского ВПК от несостоятельных *крепких хозяйственников* и *эффективных менеджеров*, которые отличались только на ниве сдачи в аренду помещений и торговли металлоломом. У автора есть глубокое подозрение, что именно успешность развития российского ВПК, а не судьба газового рынка определит успех нынешнего разворота России. А в конечном счете подведет итог — положительный или нет — сегодняшнему раунду противостояния с США и возглавляемой ими коалиции.
- Создание специализированного расчетного инструмента в рамках БРИКС. Не факт, что эта идея именно сейчас найдет свою окончательную реализацию, однако безусловный факт, что эта идея находится в *повестке дня* российской политики еще с 2008 г. и еще более очевидный факт, что именно российские власти сделали в свое время максимум, чтобы затормозить реализацию этого проекта.

К слову говоря, активное сближение с Китаем в действительности играет в процессе разворота важную, но все же вспомогательную роль. Стратегические договоренности с КНР дают возможность осуществить этот разворот в относительно комфортных геополитических условиях, не ломая на первых порах структуру российской промышленности. Это очень важно, в том числе и с точки зрения сохранения региональной стабильности, но это еще не сам поворот. Сам поворот только начался.

Правительство России оттягивало стратегический поворот, сколько могло. Изменения в российской политике не просто назрели. Они перезрели и, совершенно очевидно, или эти изменения будут осуществлены правительством (в широком смысле, естественно), или они будут осуществлены против правительства. Опять же в широком понимании терминов *правительство* и *против*.

В действительности, если изменения в российской политике и были неожиданными, то в основном для самих россиян, которые откровенно сомневались, что наша сибаритствующая по мировым столицам власть в принципе способна хоть на какие-то изменения. Оказалось, что способна. Остается только, перефразируя подзабытого немецкого экономиста Карла Маркса сказать: «Нет таких подвигов, на которые не способен капитал ради 200% прибыли».

ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

Надеюсь, мы все солидарны во мнении, что мир в том виде, как он существовал в ноябре и даже в декабре 2013 г., исчез и вряд ли когда-либо восстановится. Мы еще не до конца готовы признать, что вместе с этим миром исчезло многое, что составляло основу нашего комфорта и стабильности. Что нам всем — и в общественном плане, и в личном — придется учиться жить по-новому. Приведу малень-

кий пример: в последние лет десять основополагающей идеей для многих в мире стало накопить на пенсию. Ибо жизнь для неработающего стала представляться временем релаксации и наращивания позитивных ощущений. Теперь, если даже самый незначительный финансовый кризис станет реальностью, выяснится, что эта надежда была глубокоим миражом. Вы не задумывались, что все пресловутые корпоративные, накопительные и прочие пенсии есть процесс инвестирования, преимущественно... *в пустоту*? Это справедливо даже для России, где экономика демонстрирует хотя бы минимальную связь с реальностью. И так со всей финансовой сферой, которая, повторяюсь, почти целиком оказалась во власти виртуальной реальности.

Кстати, неприятная история с пенсиями, возможно, дает нам намек на то, каким будет новый мир: это не мир прошлого, ибо прежние парадигмы вредны. Это не мир будущего, ибо мы уже не можем прогнозировать, что будет завтра или послезавтра. Это, нравится нам или нет, мир настоящего.

Рискнем предположить, что в современном мире наступает *эра проектов*. Проектов разных: тактических, стратегических, местных, интеграционных, а кое-где и дезинтеграционных. Но именно проектов — ограниченных по времени, с четко понятным результатом. Иными словами, все значимые внешнеполитические действия в новом мире должны завершаться хоть каким-то результатом.

Можно высказать и еще более жесткое предположение: лучшие стартовые позиции в новом мире получит тот, кто сможет создать новую *инфраструктуру взаимодействия*. Прежде всего экономического, но и военно-политического.

Нет, конечно, возникший 29 мая 2014 г. Евразийский экономический союз — это еще не глобальная альтернатива и, тем более, не альтернатива США, что бы ни говорили политические лидеры. Чтобы стать альтернативой США, нужно сплотить вокруг себя коалицию, объединенную хоть какой-то идеологической платформой, пусть даже эта платформа будет сплошной бутафорией. Вряд ли на это стоит рассчитывать даже в отдаленной перспективе. Коалицию, которая будет преследовать понятные политические цели и обладать достаточными инструментами, чтобы этих целей добиваться. Не могу найти ничего лучше, чтобы процитировать максимуму российского политолога Александра Князева: «ЕАЭС будет чего-то стоить, когда сможет себя защитить»¹⁶. Это жестокая правда современного мира, об основных параметрах которого мы рассуждали в начале нашего обзора: время чисто экономических объединений проходит, в будущем они смогут играть лишь вспомогательную роль.

Но ЕАЭС пока еще не является альтернативой и в экономическом плане: настоящие экономические альтернативы никогда возникают вокруг просто свободной торговли. Для экономической альтернативы нужна серьезная инфраструктурная база. Рискну высказать предположение: кризис Европейского союза (если хотите, кризис расширения Европейского союза) был связан прежде всего с тем, что расширение шло вокруг именно рынков, а не инфраструктуры.

Главный же недостаток Евразийского экономического союза, который все же свидетельствует о том, что это продукт предыдущей эпохи, заключается в полном отсутствии в нем какой-либо проектности. Это обычный процессный орган, который может работать хорошо или плохо, который может приносить пользу или вред, но который не создаст новую геополитическую ситуацию при всем желании — если таковое обнаружится — его участников.

Тем не менее это уже серьезный намек на альтернативу. Если процесс на фоне общего разворота России на Юг и Восток продолжится, возникновение соответствующей инфраструктуры (например, упомянутого выше коридора *Север–Юг*) станет просто вопросом времени. А когда появится эта инфраструктура, выяснится, что вокруг ЕАЭС возникла целая группа сочувствующих, которая в той или иной степени будет заинтересована в интеграции в возникающую систему. В том числе и потому, что, если не произойдет никаких космических сдвигов в Европе и США,

¹³ Иноземцев Владислав. Донецко-луганский референдум дает Украине шанс стать процветающей европейской страной. *RBCdaily*. 2014, 12 мая, <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949991416228> (последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Госкомпании будут ограничены в выборе банков». *Ведомости*, 2014, 30 мая, <http://www.vedomosti.ru/politics/news/27164411/banki-po-naznacheniyu>(последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

¹⁶ Князев Александр. ЕАЭС будет чего-то стоить, когда сможет себя защитить. *ИА Regnum*, 2014, 30 мая, <http://www.regnum.ru/news/polit/1808496.html> (последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

¹⁷ По вопросу о возможных сценариях начала кризиса, о его, если хотите, *завязке*, См.: Быков Павел. Откуда придет гроза. *Эксперт*, 2014, 19 мая, <http://expert.ru/expert/2014/21/otkuda-prividet-groza/>(последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

Guoyou Song and Wen Jin Yuan. China's Free Trade Agreement Strategies. James Reilly. China's Unilateral Sanctions. Andrew Scobell and Andrew J. Nathan. China's Overstretched Military. *The Washington Quarterly* No. 35 (4), Fall 2012: 105–148.

В условиях растущей роли Китая в международных отношениях особую актуальность приобретает тема разработки его новых экономических и политических стратегий. Пекин намеревается играть важную роль на международной арене и утвердить свой статус великой державы не только в регионе, но и на мировом пространстве. Каким образом Китай готов выстраивать свою стратегию в данном направлении — об этом серия статей, опубликованных в осеннем выпуске журнала *The Washington Quarterly*.

Каждая из статей посвящена отдельным аспектам внешней политики страны: экономическая составляющая в рамках создания региональной зоны свободной торговли в противовес Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), экономические санкции как рычаг политического влияния и роль Народно-освободительной армии Китая в продвижении национальных интересов.

Говоря об истинных причинах успеха ТТП, которое включает такие страны, как Бруней, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, Австралия, Малайзия, Перу, США, Канада, Мексика и Вьетнам, китайские исследователи называют участие в нем именно США, целью которых является сдерживание экономического роста Китая. Успешность данного проекта доказывается интересом со стороны такой крупной экономики, как Япония, которая выразила желание участвовать в переговорах по присоединению к данному экономическому объединению в Тихом океане.

Прогнозы для Китая представляются авторам довольно плачевными: начиная от переориентации региональных потребителей с закупки товара у более эффективного поставщика на менее эффективный источник поставок из страны — участницы торгово-экономической организации ТТП, что грозит уменьшением китайского экспорта в США, до изменения геополитического статуса Китая в долгосрочной перспективе. О том, чем еще грозит стране и как реагирует Китай на растущее присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях выхода из мирового кризиса, расширения рынков сбыта и увеличения экспорта, пишут Гуо Сонг и Вэн Чжун Юань в своей статье «Стратегии Китая по созданию зоны свободной торговли».

Е
И
К
Н
Ж
И
Н
О
К

В статье «Односторонние санкции Китая» Джеймса Рейли рассматривается роль Китая как постоянного члена Совета Безопасности ООН в вопросе наложения вето на принятие решений по применению экономических санкций и одновременное использование им таких санкций в одностороннем порядке. Отличительной чертой Китая в данном вопросе является то, что такого рода санкции применяются пекинским руководством довольно часто и в ответ на широкий круг действий неугодных Китаю: от поставок оружия на Тайвань и встреч с далай-ламой до освящения повсеместных нарушений прав человека в Поднебесной. Кроме того, они часто носят неформальный характер, выражающийся в виде предупреждений, угроз, сопровождающихся дипломатическим давлением. Автор рассуждает, насколько оправданно их применение с моральной, правовой и практической точки зрения и как это соотносится с репутацией ответственного члена мирового экономического сообщества.

Статья, написанная профессором политологии Колумбийского университета Эндрю Натаном совместно с политологом корпорации РЭНД Эндрю Скобеллом, фокусируется на развитии армии Китая. Главные вопросы о том, насколько хорошо она справляется с возложенными на нее задачами в сфере защиты государственных границ, сохранения территориальной целостности страны и одновременно обеспечения безопасности режима коммунистической партии, защиты национальных интересов, в том числе и за пределами Китая, и сохранения мира на земле. Авторы обращают особое внимание на такую задачу, как ядерное сдерживание, которая стала острее с приобретением ядерного оружия Индией, Северной Кореей и Пакистаном. Статья содержит краткий анализ развития армейской и оборонной составляющих политик соседствующих государств региона и реакции Пекина на эти действия.

В целом, в статьях представлено множество примеров, показывающих насколько эффективны новые стратегии Китая в реализации его новых планов на региональное и мировое господство, которое открыто демонстрируется пекинским руководством. Успешность же используемых Китаем стратегий покажет время. 🐼

Ирина Малюченко

Симония А. А. Мьянма: переход к рыночной экономике (1988–2011)/ Отв. ред. С. А. Былинjak. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 224 с.

Настоящее и будущее *поставторитарных* обществ, вызовы на пути построения свободного общества, проблемы незавершенного создания нации, наследие колониального прошлого в государственных институтах — все эти темы, казалось бы, являются излюбленными для современной политической науки. И тем не менее именно этим интересен труд А. А. Симонии, на страницах которого эти почти уже традиционные вопросы исследуются на нетрадиционном примере — на примере Мьянмы/Бирмы.

Данная книга важна для российского интеллектуального пространства, потому что в отличие от западного сообщества, охваченного *мьянмоманией* вот уже в течение нескольких лет, российская публика, за исключением профессионалов и лекционных драгоценностей, мало осведомлена об этой азиатской стране. И это *обидно*, если принять во внимание достаточно интенсивные связи, имевшиеся между нашими странами в прошлом.

Прежде всего автор обращается к целому комплексу вопросов политического и социального развития страны после установления в ней нового военного режима и смены курса социалистической ориентации на капитализм, не сводя свой анализ

к сугубо экономическому измерению. Таким образом, данное издание может быть адресовано самому широкому кругу специалистов — от экономистов до историков и социологов, занимающихся изучением политических элит. Отдельное спасибо хотелось бы сказать автору за хоть и краткое, но весьма содержательное введение — с терпеливостью, достойной подражания, А. А. Симония посвящает читателя в специфику бирманских имен и знакомит с историей Мьянмы, колониальной и периода независимости, той историей, которая является ключом к понимаю актуальных процессов.

Условно, книгу можно разделить на две части. В первых трех главах излагается история бирманской государственности последних двух десятилетий, хронологически, с особым вниманием исследуются те или иные экономические меры, предпринимаемые правительством, и их политические последствия. Оставшиеся четыре главы рассказывают о специфике рыночной экономики Мьянмы, о финансовой и торговой реформе, а также об особенностях развития бирманской нефтегазовой отрасли.

Центральным концептом, изучению основных черт которого посвящен труд Симонии, является клановый или *военно-олигархический капитализм*, который, по мнению автора, был построен в постсоциалистической Мьянме, что само по себе скорее подтверждает некое историческое правило, а не исключение из него. Именно вооруженные силы как самый мощный институт постколониальных государств стояли у начал коммерческой деятельности во многих странах *третьего мира*. А. А. Симония показывает тесную связь между крупным бирманским бизнесом и военной верхушкой.

Проведенная ударными темпами приватизация последних лет не обернулась для военных потерей контроля над важнейшими отраслями экономики страны: даже если активы и были переданы в частные руки, эти «руки» связаны с политическим руководством целой системой родственных и клановых связей. И в этом смысле, утверждает автор, проведенные реформы не смогли покончить с главным — с контролем военных над экономикой страны.

Тем не менее, несмотря на все положительные стороны исследования, к работе есть ряд замечаний. Так, например, местами при чтении создается ощущение чрезмерной погруженности в детали — не хватает более пространных обобщений изложенного в конце каждой главы. Рассуждая о значении углеводородов для экономики Мьянмы, автор обнаруживает себя как сторонник популярной концепции *проклятия природных ресурсов*, высказывая опасения по поводу роста зависимости Мьянмы от *нефте- и газодолларов* и перспектив построения свободного открытого демократического общества. На наш взгляд, сама по себе концепция *ресурсного проклятия* является упрощенческой и даже политически опасной, слишком уж обреченно выглядит будущее огромного количества стран, если верить в нее до конца.

А. А. Симония называет главной причиной перехода к *процветающей демократии*, начатого в 2010 г., опасения старшего генерала Тана Шве относительно собственной судьбы. Будучи человеком весьма преклонного возраста, он, по мнению автора, боялся быть свергнутым новым поколением военных и тем самым повторить судьбу своего предшественника, пожелав уйти в отставку с почетом. Возможно, это лишь традиционный спор о движущих силах истории, но нам кажется, решение о повороте к *подлинной демократии* не могло не быть подготовлено целым рядом объективных обстоятельств, как сугубо экономического, так и внутри- и внешнеполитического характера.

И наконец в завершение: знакомясь с трудом А. А. Симонии, очень трудно удержаться от проведения параллелей между российским и бирманским опытом перехода к рынку. И хотя эти параллели весьма условны, а некоторые бирманские

Е И
Б К
Н Н
Ж И
И В
Н О
К Н

реалии не применимы для России, российскому читателю очень многое, происходящее в Мьянме сейчас, может показаться ближе и интуитивно понятнее, чем кому бы то ни было.

Ольга Скороходова

Ежегодник СИПРИ–2012: вооружения, разоружения и международная безопасность/Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 770 с.

С первого взгляда очередной ежегодник Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), переведенный ИМЭМО РАН, с трудом можно отнести к изданиям, на которые целесообразно писать отзыв — настолько всемирно признанным авторитетом в международной научной среде, так или иначе связанной с анализом военной проблематики, он обладает. Тем не менее выход очередного русского издания ежегодника является поводом для того, чтобы постараться понять, как взгляд мирового экспертного сообщества на проблематику международной безопасности изменился к 2013 г.

Одной из традиций сборника является преобладание содержания: всестороннее рассмотрение проблематики уровней вооружения по странам, оценка перспектив ядерного разоружения в общемировом масштабе, обзор изменения смыслового содержания ряда теоретических концептов, таких как *конфликт* и *миротворческая операция* и многое другое.

Следующей традиционной чертой является то, что первые главы каждого сборника на протяжении многих лет посвящены наиболее важным, по мнению ученых СИПРИ, проблемам предыдущего года. Например, в издании за 2010 г. первая статья сборника под заголовком *Безъядерный мир: фантазия или необходимость?* была посвящена перспективам безъядерного мира, тогда как в издании за 2011 г. первые главы ежегодника рассматривают проблему коррупции в сфере торговли оружием. В данном же издании, за 2012 г., заглавной темой стала *новая геополитика интервенции*: в статье с этим названием предпринимается попытка проанализировать геополитические последствия событий в Ливии, а также дается оценка *Арабской весне* и ее военно-политической составляющей.

Первая часть сборника традиционно посвящена анализу крупных вооруженных конфликтов, перспективам их предотвращения и успешности миротворческих операций в конфликтных зонах. Вторая часть обращается к проблематике военных расходов и уровней вооружений. Третья часть анализирует проблемы сокращения и ограничения распространения обычных и ядерных вооружений, нераспространения оружия массового уничтожения.

Вклад сборника СИПРИ в задачу концептуализации новых явлений в сфере мира и конфликтов трудно переоценить: издание предлагает систематизацию огромного пласта информации по всем аспектам современного состояния международной безопасности и мирового конфликтогенного потенциала, содержит комплексную оценку состояния рынка оружия и уровня военных расходов по странам, а также политики разоружения и нераспространения.

Подробнее рассматривая содержание сборника 2012 г., следует отметить следующее. Часть *Безопасность и конфликты* включает раздел *Вооруженный конфликт*, который можно условно разделить на практический анализ и теоретическое измерение. В первую очередь внимание исследователя могут привлечь детальный анализ событий *Арабской весны* в страновом аспекте и в аспектах внешней поддержки и участия третьих сторон в процессе смены режимов, а также материал, касающийся конфликтов в странах Африканского Рога.

Теоретическое измерение темы включает статьи, посвященные осмыслению самих понятий *вооруженный конфликт*, *организованное насилие*, *одностороннее насилие*, *негосударственный конфликт*. Также он содержит комментарий по глобальному индексу миролюбия, вот уже шесть лет высчитываемому Институтом экономики и мира (ИЭМ) по 23 показателям.

Раздел *Миротворческие операции и регулирование конфликтов* содержит данные по глобальным и региональным тенденциям в сфере операций по строительству мира, а также обзор сравнительно новых миротворческих начинаний в Южном Судане, Ливии и Сирии.

Часть *Военные расходы и вооружения* интересна представлением динамики расходов на военные нужды в общемировом масштабе, включая информацию по различным системам отчетности о военных расходах, страновой анализ отраслей по оказанию военных услуг, топ-100 крупнейших военных компаний, подсчет объемов поставок оружия в общемировом масштабе и, конечно, подробную оценку ядерных потенциалов по всем странам *ядерного клуба*.

Часть *Нераспространение, контроль над вооружениями, разоружение* всестороннее рассматривает аспекты деятельности государств по ограничению и нераспространению оружия массового уничтожения. Здесь особое значение придается российско-американскому контролю над ядерными вооружениями, ядерным программам Ирана и Северной Кореи, а также рискам ядерного распространения в связи с ситуацией в Сирии. Еще два раздела посвящены проблематике химического и бактериологического оружия и режимам контроля над обычными вооружениями.

Юлия Сеславинская

Study on the human rights implications of the usage of drones and unmanned robots in warfare by Dr. Niels Melzer for the European Parliament's Directorate-General for External Policies (DROI). May 2013.

В мае 2013 г. по запросу подкомитета по правам человека Европейского парламента был подготовлен доклад, посвященный вопросам защиты прав человека в условиях все более активного применения различного рода роботов. В фокусе внимания авторов не только текущая ситуация, но и возможные значительные изменения, которые произойдут в будущем с учетом заинтересованности государств в использовании подобных технологий.

Обеспокоенность вызывает вопрос соответствия применения подобных роботов стандартам международного гуманитарного права и защиты прав человека. Как отмечают авторы доклада, в обозримом будущем речь будет идти не только о роботах, управляемых дистанционно, но и о фактически автономных системах. Последнее повлечет за собой фундаментальные изменения в ведении вооруженных конфликтов, а это в свою очередь требует оценки применимости в новых условиях норм *права войны* — международного гуманитарного права.

Вполне закономерно, что авторы доклада вышли далеко за пределы стандартов гуманитарного права и большое внимание уделили защите прав человека. С одной стороны, сфера потенциального применения автономных роботов гораздо шире. В классическое понятие вооруженных конфликтов плохо укладываются операции по принуждению к миру, удары по местам расположения предполагаемых террористов и иные формы использования силы. При этом все они требуют правового регулирования.

Е
И
Ы
К
Н
±
Ж
И
В
Н
О
К
Н

С другой стороны, для европейцев уже традиционным стало рассмотрение острых вопросов через призму защиты прав человека. Используя судебную практику и многолетний опыт толкования правовых норм в ЕСПЧ, авторы оценивают возможные правовые последствия применения автономных роботов с точки зрения защиты фундаментальных прав человека (включая право на жизнь). Один из основных выводов: применение боевых систем подобного рода должно оставаться под контролем человека.

Авторы исследования формулируют в докладе и несколько практических рекомендаций для Европейского союза. Традиционно отмечается, что ЕС необходимо еще раз подтвердить свою приверженность принципу верховенства права в отношении разработки и применения роботов и автономных боевых систем различного типа. Кроме того, ЕС необходимо активно способствовать началу широкого международного диалога для выработки общих понятий и позиций по проблеме.

Результатом подобного диалога, по мнению авторов доклада, должна стать выработка такой общей позиции, на основе которой возможно принятие международного соглашения обязывающего или не обязывающего характера с целью ограничения развития, распространения и использования данных технологий. 🐾

Любовь Загорулько

SUMMARY

F R O M   T H E   E D I T O R

7 **Preparing for a multistakeholder cold war** — *Vladimir Orlov*

2014 has brought not only the cold winds, but it has brought the new cold war, a multistakeholder one, writes *Security Index* Editor-in-Chief. What will this mean for global security? *First*, the existing security treaties will be questioned, some of them will die soon, some will die hard, and some most essential, like NPT, may even survive but without any chance of strengthening. *Secondly*, new multilateral treaties dealing with new global threats and phenomena like cyber-ad outer space arms race will be very unlikely under current shaky and tense environment. *Thirdly*, neither UN nor informal coalitions and “clubs” of nations will be capable of dealing of adequately addressing this global security agenda. *Finally*, the impression of last decades that hard power is reducing its role compared to soft power proved not only wishful thinking, not simply wrong — but dangerously misleading.

Key words: *regional conflicts, CSTO, NATO, drones, cyber weapons.*

L E T T E R S   T O   T H E   E D I T O R

11 **PIR Center Is 20 Years Old** — *Sergey Ivanov, Sergey Shoygu, Sergey Lavrov, Aleksandr Sinayskiy, Anatoliy Tokunov, Andrey Kolesnikov, Irina Novikova, Mikhail Ulyanov, Vladimir Voronkov, Viktor Sumsky, Andrey Yarnykh*

I N T E R V I E W

23 **We need to avoid a situation whereby militants and terrorists from the outside have grassroot support within CSTO states** — *Nikolay Bordyuzha*

What are the objectives of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in providing security for its members? What are its development priorities? What has changed in the organization’s governance structure in recent years? CSTO Secretary-General Nikolay Bordyuzha answers these and other questions.

Key words: *CSTO, Afghanistan, terrorism, drugs trafficking, Central Asian security.*

27 **Strategic deterrence is a core element of Russian national security** — *Sergey Ryabkov*

In the foreseeable future, nuclear weapons will remain an extremely important factor in the prevention of nuclear armed conflicts and conflicts involving the use of conventional weapons that could, under certain circumstances, degenerate into nuclear conflicts. The *Security Index* journal has interviewed Sergey Ryabkov, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation

Key words: *NPT, missile defense, Syria, Iran, nuclear deterrence.*

A N A L Y S I S

35 **Foreign policy as an instrument of Russia's modernization** — *Dmitry Polikanov*

Russia prefers a path of limited modernization; its primary goals include development of the Far East, faster economic growth, and greater productivity. The extent of the transformations should be adequate to support the growing social burden, but Moscow is reluctant to pursue deep and meaningful reforms in the economic and social sphere, let alone political reforms, says Dmitry Polikanov, PIR Center Vice President.

Key words: *Russian foreign policy, modernization, economic development*

47 **Myanmar-mania and lessons for Russia** — *Olga Skorokhodova*

Myanmar has gone through major political and economic changes over the past few years. Its government opened up its economy in order to attract foreign investors. The decision has triggered a veritable investment boom. The author analyses early results of the work of Myanmar's *open* economy, studies past trade and economic relations between Moscow and Naypyidaw, highlights potential areas for closer Russian-Myanmar economic cooperation, and assesses the risks Russian business is likely to face in the country.

Key words: *Myanmar, ASEAN, arms trade, trade and economic cooperation.*

63 **Non-strategic nuclear weapons: in pursuit of status or security?** — *Alexander Kolbin*

Experts have been energetically discussing the NSNW problem over the past two decades. Russia's understandable reluctance to reduce its arsenal of such weapons is increasingly being portrayed by the West as Moscow's unwillingness to help strengthen a climate of trust in the Euro-Atlantic region, where Russia's "substantial NSNW arsenals" are alleged by a number of Western experts to be one of the factors of instability.

Key words: *NSNW, nuclear disarmament, Russia-NATO relations.*

D O S S I E R

81 **Ideas for a comprehensive settlement of the situation with Iran's nuclear program**

The Russian-U.S. high-level working group for a settlement of the situation with the Iranian nuclear program, which was set up by PIR Center and Near East South Asia (NESA) Center, continues to put forward proposals for maintaining a positive dynamics in the negotiations between Iran and the Group of Six international mediators. The working group aims to make a contribution to the signing of a comprehensive agreement on the Iranian nuclear program.

Key words: *Iranian nuclear program, sanctions, relations between Iran and the international community, comprehensive settlement.*

R O U N D T A B L E

87 **Afghanistan in and after 2014: an equation with five unknowns** — *Kirill Barskiy, Evgeny Buzhinsky, Hekmat Karzai, Albert Khorev, Vadim Kozyulin, Vladimir Orlov, Tatiana Parkhalina, Robert Pszczel, Elena Suponina, Vygaudas Ušackas, Viktor Vasilyev, Nicholas Williams, Dmitry Zaporozhets*

The factor of 2014 in Afghanistan is an *equation with five unknowns*. They include the capability of the Afghan security forces, the factor of the Taliban, the factor of Hamid Karzai, the response of the Americans and the West, and possible ethnic-political confrontations. How will the security situation in Afghanistan unfold after 2014? What is the role of external players in the Afghan settlement and the country's development? And are the Afghans capable of running their own country? Russian and foreign experts answer these and other questions at a round table hosted by PIR Center.

Key words: *Afghanistan, terrorism, drugs trafficking, Afghan security forces, Resolute Support mission, economic development.*

105 **Who said that NATO is leaving Afghanistan?** — Viktor Korgun

By continuing to insist that it wants NATO troops to defeat the terrorists, Moscow has created a dilemma for NATO. If the West believes that it has accomplished its mission in Afghanistan, it should report before the UN Security Council, which issued the mandate for that mission. If, however, the mission has not been accomplished, then the pullout of NATO troops is premature, and they must stay in Afghanistan to finish the job.

Key words: *Russia-NATO relations, Afghanistan, transit, drugs trafficking, terrorism, economic assistance.*

109 **Priorities in UAV development: from military to economic** — Evgeny Buzhinsky

Unmanned aerial vehicles (UAVs, or drones) have come to be seen as one of the key instruments of increasing the fighting ability of various military units and formations. In the future wars and military conflicts of the 21st century, all the significant military powers will prioritize the development and use of relatively cheap UAVs.

Key words: *UAV, unmanned aviation, Prompt Global Strike, fighter aircraft, flying robots, unmanned helicopter.*

119 **Would the United States give away the keys to the Internet?** — Oleg Demidov

Development and coordination of global policies on Internet governance should focus on broader social-economic and other aspects, as well as security on the Internet, without linking them solely to securing critical DNS infrastructure.

Key words: *Internet corporation, Internet governance, stakeholders, U.S. policy.*

R E V I E W O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

123 **iSi Index in January-May 2014. Cold Reality 2.0** — Evgeny Buzhinsky, Dayan Jayatileka, Sergio Duarte, Pal Dunay, Nikolay Zlobin, Galiya Ibragimova, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Sehlare Makgetlaneng, Abdulaziz Sager, Evgeny Satanovsky, Farhod Tolipov, Nandan Unnikrishnan, Mustafa Fetouri, Konstantin von Eggert

The iSi International Security Index was buoyed in the winter of 2014 by progress at the Iranian talks, the OPCW operation to destroy chemical weapons in Syria, and the start of peace talks between the parties to the Syrian conflict and international mediators. In late winter and early spring, however, there was an upsurge in tensions in southeastern Ukraine; the United States and the EU imposed sanctions on several Russian officials and companies after Crimea and Sebastopol became Russian provinces. Instability continued unabated in the Middle East, the Korean peninsula, and in Latin America. The iSi Index fell to reflect all these events and trends.

133 **A liberal's take: Murphy's Law in global politics** — Yuri Fedorov

The Western elites are concerned not so much with the Ukrainian crisis but with fears that, first, Moscow's policies on the international arena are becoming irrational and unpredictable, and second, the epicenter of the growing confrontation, which could well involve the use force, is in Europe.

Key words: *new system of international relations, Ukrainian crisis, Russian-Western relations*

146 **A conservative's take: A new word: place and time of birth unknown. For now** — Dmitry Evstafiev

Political interdependence has all but disappeared. In some areas it has given way to utter political destruction. In others it has degenerated to an *Empire — Semiperiphery* type of relations. While economic interdependence has reached new heights, making it almost completely impossible to pursue a fully sovereign foreign economic policy, political

interdependence and its institutions have been rapidly degrading and turning into some kind of pointless tradition or even ritual.

Key words: *post-Modernism, global politics, Far East, Euro-Atlantic security, Eurasian Economic Union*

N E W B O O K S

- 161 *Lyubov Zagorulko, Irina Malyuchenko, Yuliya Sestlavinskaya, Olga Skorokhodova* — interns and graduates of PIR Center education programs offer reviews of new books in the PIR Center Library.

167 S U M M A R Y

171 A B O U T T H E A U T H O R S

177 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D A N D
I T S W O R K I N G G R O U P S

182 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

183 S E C U R I T Y C O N U N D R U M S

Answers to the crossword in the No 1, 2014 issue

185 E N D . Q U O T E .

On the strength and weakness

Барский Кирилл Михайлович — специальный представитель Президента Российской Федерации по делам Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Кандидат исторических наук. В 1989 г. окончил МГИМО по специальности «международные отношения», после чего поступил на работу в МИД СССР. В течение многих лет был ведущим переводчиком на советско-китайских и российско-китайских переговорах на высшем уровне. Работал в центральном аппарате МИД и в загранучреждениях: сначала в посольстве СССР, а затем посольстве России в КНР, в постоянном представительстве России при ООН в Нью-Йорке. С 2004 по 2008 г. — советник-посланник посольства России в Индонезии. С 2007 по 2011 г. — заместитель директора Департамента азиатского и тихоокеанского сотрудничества МИД России. В июле 2011 г. назначен Национальным координатором РФ в ШОС. С сентября 2011 г. — специальный представитель президента РФ по делам ШОС. Автор многочисленных публикаций по проблематике Азиатско-Тихоокеанского региона, ШОС, российско-китайским отношениям, истории, культуре и внешней политике КНР. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса.

Бордюжа Николай Николаевич — генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с апреля 2003 г. Окончил Пермское высшее командно-инженерное училище Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) в 1972 г., Высшие курсы военной контрразведки КГБ СССР в 1976 г., факультет повышения квалификации руководящего состава и специалистов КГБ, Высшие курсы при Военной академии Генерального штаба в 1995 г. С 1972 г. проходил службу в РВСН в должностях начальника расчета, старшего оператора. С 1976 г. занимал различные должности в структуре КГБ СССР. В 1991–1992 гг. — первый заместитель начальника Управления по работе с личным составом Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ). С 1992 по 1998 г. — на руководящих должностях в Федеральной пограничной службе РФ. С сентября 1998 г. — секретарь Совета безопасности России; декабрь 1998 г. — март 1999 г. — руководитель администрации Президента РФ с сохранением поста секретаря Совета безопасности России; апрель–май 1999 г. — председатель Государственного таможенного комитета РФ; июль–декабрь 1999 г. — посол по особым поручениям МИД РФ; декабрь 1999 г. — апрель 2003 г. — Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Королевстве Дании. Член Совета по внешней и оборонной политике. Имеет воинское звание генерал-полковника. Награжден государственными наградами.

Бужинский Евгений Петрович — старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса, канд. воен. наук. В вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил

службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. С 2009 г. член Совета по устойчивому партнерству с Россией, член Международной экспертной группы с 2010 г. Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Васильев Виктор Львович — Полномочный Представитель Российской Федерации при ОДКБ. В 1989–1993 гг. работал в Москве в Министерстве иностранных дел СССР (России). В 1993–1997 и 2000–2004 гг. занимал различные посты в Постоянном представительстве России при международных организациях в Нью-Йорке, получил ранг старшего советника по политическим вопросам (со специализацией на Совете Безопасности). С 2004 по 2007 г. работал в качестве заместителя директора Департамента международных организаций МИД России. Участвовал в работе нескольких советских и российских делегаций на Обзорных конференциях ДНЯО 1995, 2000 и 2005 гг., сессии Комиссии ООН по разоружению и т.п. В 2005–2006 гг. являлся правительственным экспертом Группы правительственных экспертов по всем аспектам верификации. Ныне является правительственным экспертом Группы правительственных экспертов по проблеме милитаризации космического пространства.

Демидов Олег Викторович — директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом» ПИР-Центра. Аспирант факультета политологии МГИМО (У) МИД России. Окончил факультет государственного управления МГУ имени Ломоносова. В 2011–2012 гг. — координатор проектов Центра политических и международных исследований. С 2012 г. — эксперт Комиссии по информационной безопасности и киберпреступности Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК). Выпускник Зимней школы–2011 Центра международной и региональной политики (CIRP), выпускник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности. Участник Рабочей группы по кибербезопасности АТССБ в 2011 г., участник международного проекта «Новый концерт держав в XXI веке» Франкфуртского института по изучению проблем мира и конфликтов (PRIF) (2011–2014 гг.). Автор ряда статей и исследований по вопросам информационной безопасности, глобального управлению интернетом, развития БРИКС в журнале *Индекс Безопасности* и ряде других изданий. Является секретарем Рабочей группы ПИР-Центра при Экспертно-Консультативном Совете по международной информационной безопасности и глобальному управлению Интернетом с 2012 г. В 2012–2013 гг. — координатор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом». Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org

Запорожец Дмитрий Викторович — заместитель начальника Первого (международно-договорного) управления — начальник направления Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. Полковник. В 1990 г. окончил Серпуховское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск, в 1997 г. — Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. С 1990 г. — на различных должностях в Службе специального контроля Министерства обороны Российской Федерации. С 1998 г. — в Главном управлении международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации.

Карзай Хекмат Халил — основатель и директор Центра по изучению конфликтов и мира. Окончил бакалавриат Университета Штата Мэриленд и магистратуру Института обороны и стратегических исследований Технологического университета Наньян, Сингапур. Работал научным сотрудником в Международном центре по исследованию политического насилия и терроризма. В 2002 г. работал начальником политического отдела посольства Афганистана в Вашингтоне, США. С 2004 по 2005 г. — международный научный сотрудник в Школе дипломатической службы

им. Эдмунда Уолша при Джорджтаунском университете. Читал лекции в Гарварде и Университете Тафтса по вопросам безопасности и государственного строительства. В настоящее время является приглашенным старшим научным сотрудником в Институте Восток–Запад в Брюсселе и старшим научным сотрудником в Университете совместных специальных операций при командовании специальных операций в Тампе, штат Флорида. Автор многочисленных статей, посвященных Афганистану, вопросам безопасности, проблемам национального примирения, которые были переведены на многие языки. Выступает на *BBC World Service TV, CNN, CNN International, Al Jazeera* и др. Адрес электронной почты: director@caps.af

Козюлин Вадим Борисович — старший научный сотрудник ПИР-Центра, канд. полит. н., профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал сначала в системе МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские новости*, был представителем *РГП Казспецэкспорт* в России. В 2000–2002 гг. обучался во Всероссийской академии внешней торговли по программе «Менеджмент в сфере военно-технического сотрудничества». Тесно сотрудничает с компаниями — спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Защитил диссертацию «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную безопасность в Центрально-Азиатском регионе». Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Колбин Александр Сергеевич — военный аналитик. Окончил Томский государственный университет по специальности «международные отношения». Участник международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. В 2008–2010 гг. — участник Международных летних школ по нераспространению, организованных Томским государственным университетом, Одесским национальным университетом им. И.И. Мечникова, Монтерейским центром по изучению проблем нераспространения им. Дж. Мартина, Шведским управлением по радиационной безопасности. Выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности 2010 г. В 2010–2013 гг. работал в ПИР-Центре — сначала в качестве стажера-исследователя, затем как помощник президента ПИР-Центра, а с 2012 г. как координатор программы ПИР-Центра «Россия и ядерное нераспространение». В апреле-июле 2012 г. работал в Стокгольмском международном институте исследования проблем мира (SIPRI) в качестве приглашенного исследователя. Сфера научных интересов — ядерная политика России и вопросы ядерного разоружения в Евразии, проблематика ПРО, СНВ, нестратегического ядерного оружия. Адрес электронной почты: alex.s.kolbin@gmail.com

Коргун Виктор Григорьевич — заведующий сектором Афганистана Института востоковедения РАН. Кандидат исторических наук. В 1957 г. окончил с золотой медалью Кавказское Краснознаменное Суворовское офицерское училище в г. Орджоникидзе (сейчас — Владикавказ). В том же году поступил в Киевское Высшее радиотехническое училище войск ПВО. С 1959 по 1961 г. служил в армии в войсках ПВО. В 1961 г. поступил в Институт восточных языков при МГУ на отделение персидского языка и литературы. 1966 г. — сотрудник посольства СССР в Афганистане. В 1968–1971 гг. — преподаватель Военного института иностранных языков Министерства обороны СССР. В 1983–1988 гг. — ученый секретарь Советско-афганской комиссии историков, член группы экспертов по проблемам Ближнего и Среднего Востока (Дартмутская конференция). В 1990 г. — преподаватель политической истории России и Афганистана Университета штата Небраска (США). В 2001–2005 гг. — профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. С 2001 по 2005 г. — профессор кафедры страноведения Военного университета иностранных языков Министерства обороны Российской Федерации. С 2009 по 2014 г. — профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. Автор более 200 публикаций.

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат политических наук. Является основателем (в 1994 г.) и президентом ПИР-Центра. Помимо руководства ПИР-Центром в Москве с 2006 г. возглавляет его Европейское отделение в Женеве — *Centre russe d'études politiques*. Является членом Совета ПИР-Центра. С 1994 г. — главный редактор журнала *Индекс Безопасности* (до 2007 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*). Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Основатель (в 1993 г.), ныне член Международного клуба Триалог. Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО (2010 г., сессии Подготовительного комитета 2012–2014 гг.). Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). С 2014 г. — заведующий Центром глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ. Член Экспертного совета по противодействию коррупции при Управлении Президента РФ по вопросам противодействия коррупции. Занимается активной научной, просветительской, преподавательской и консультационной деятельностью в России и за рубежом. Выступает с лекциями в Москве, Женеве, Бишкеке. Преподает в МГИМО МИД РФ. Под его общей редакцией был издан учебник «Ядерное нераспространение» (второе издание — 2003 г.; третье издание, расширенное и дополненное, готовится к выходу в 2014 г.). Автор (соавтор) более десяти книг и монографий, около 300 научных работ и публицистических статей. В последнее время статьи В.А. Орлова, помимо издаваемого ПИР-Центром журнала *Индекс Безопасности*, выходили в журналах *Международная Жизнь*, *Россия в Глобальной Политике*, *The Washington Quarterly*, *Seguridad Internacional*, его колонки и комментарии регулярно публикуются в газете *Коммерсантъ*. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Пархалина Татьяна Глебовна — руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, заместитель директора по научной работе ИНИОН РАН. Кандидат исторических наук. В 1973 г. окончила МГИМО МИД СССР, в 1974 г. — Дипломатическую академию МИД СССР. Президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Член совета по международному сотрудничеству Российской ассоциации политической науки. Член правления Ассоциации европейской исследований. Главный редактор научного журнала *Актуальные проблемы Европы*, главный редактор журнала *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, член редакционной коллегии журнала *Россия и современный мир*. Адрес электронной почты: parkhalina@inion.ru

Поликанов Дмитрий Валерьевич — вице-президент ПИР-Центра, председатель Международного клуба *Триалог*. Кандидат политических наук, доцент. С отличием окончил МГИМО (У) МИД России в 1998 г., в 1999 г. защитил диссертацию. Имеет звание профессора Европейской академии информатизации и доцента Российской академии наук. В 2003–2006 гг. — директор по международным и общественным связям Всероссийского центра изучения общественного мнения. В 2006–2007 гг. — директор по исследованиям рынка и общественного мнения *The PBN Company*. С 2012 г. — директор Бюро стратегических коммуникаций. Автор более 100 публикаций по вопросам международной и европейской безопасности, российской внешней и внутренней политике. Член Международного института стратегических исследований, Международной социологической ассоциации, Научного совета ВЦИОМ. Адрес электронной почты: polikanov@pircenter.org

Пшель Роберт — директор Информационного бюро НАТО в Москве. В 1984 г. окончил бакалавриат Лондонской школы экономики, в 1987 г. — магистратуру в Варшавском университете по специальности «международные отношения». В 1987–1990 гг. — журналист в газете SM (Варшава). В 1990–1993 гг. — эксперт в департаменте европейских институтов Министерства иностранных дел Поль-

ши. В 1993–1997 гг. — первый секретарь посольства Польши, офис связи с НАТО и ЗЕС (Брюссель). В 1997–1999 гг. — советник по политическим вопросам в миссии Польши при НАТО, официальный представитель миссии (Брюссель). С декабря 1999 г. — по декабрь 2010 г. — представитель по работе с прессой, а позднее старший представитель по работе с прессой и ответственный за проекты в области общественной дипломатии, имеющие отношение к Польше в Секции прессы и средств массовой информации Управления общественной дипломатии штаб-квартиры НАТО.

Рябков Сергей Алексеевич — заместитель министра иностранных дел России. В 1982 г. окончил МГИМО МИД СССР. В системе МИД с 1982 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате и за рубежом. В 1995–1999 гг. — начальник отдела ОБСЕ Департамента общеевропейского сотрудничества. 1999–2001 гг. — старший советник посольства России в США. В 2002–2005 гг. — советник-посланник посольства России в США. В 2005–2008 гг. — директор ДОС. С августа 2008 г. — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, почета и дружбы. Член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Скорородова Ольга Николаевна — аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Родилась в 1988 г. В 2011 г. окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 2012–2013 гг. — приглашенный аспирант Центра региональных исследований МакМиллана Йельского университета (США). Выпускница Международной Летней Школы по глобальной безопасности ПИР-Центра 2013 г. и стажер ПИР-Центра с октября по декабрь 2013 г. Автор нескольких публикаций по вопросам энергетической политики. Сфера научных интересов: история холодной войны, энергетика как фактор мировой политики, проблемы безопасности в регионе Большого Ближнего Востока, направления и перспективы активизации торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации со странами Юго-Восточной Азии в 1970–1980-е гг. Адрес электронной почты: olga.n.skorokhodova@gmail.com

Супонина Елена Владимировна — руководитель Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований. Канд. философ. наук (тема диссертации — «Религиозно-философская доктрина друзей»). Сначала корреспондент, затем обозреватель в журнале *Новое время* (1996–1998 гг.); специальный корреспондент, позже обозреватель в газете *Время новостей* (1998–2002 гг.) и политический обозреватель газеты *Московские новости* (2011 г.); заведующий Международным отделом газеты *Время новостей* (2002–2011 гг.). Автор интервью со многими международными лидерами (в том числе лидерами арабских стран и Израиля), президентами, главами правительств, министрами иностранных дел и министрами нефтяной и энергетической промышленности, главами спецслужб и политических партий различных стран мира. Является экспертом Российского совета по международным делам (РСМД). Руководитель научных обзоров в журнале *Проблемы национальной стратегии* РИСИ.

Уильямс Николас — глава отдела Афганистан Управления НАТО по операциям. Занимал ряд политических и общественных должностей в Лондоне. С 1997 по 1999 г. — заместитель главы Департамента по борьбе с терроризмом Министерства обороны Великобритании. Работал в Министерстве обороны Франции, где отвечал за развитие отношений НАТО–ЕС и франко-британского военного сотрудничества. Более двух лет работал в Международных силах содействия безопасности в Афганистане, сначала в качестве политического советника силам безопасности, базирующихся на юге страны в Кандагаре, позднее заместителя старшего гражданского представителя НАТО в Кабуле. Работал в конфликтных и постконфликтных зонах, таких как Ирак и Балканские страны. Является опытным специалистом в области безопасности и урегулирования конфликтов.

Ушацкас Вигаудас — глава представительства Европейского союза в Российской Федерации, бывший специальный представитель Европейского союза и глава представительства ЕС в Афганистане. После получения степени в области права в Вильнюсском университете и завершения второго высшего образования в области политических наук в Дании и Норвегии в 1991 г. работал в МИД Литвы. С 1992 по 1996 г. — советник в Литовской миссии при ЕС и НАТО; с 1996 по 1999 г. — политический директор Министерства иностранных дел Литвы. В 1999–2001 г. — заместитель министра иностранных дел Литвы и главный переговорщик присоединения Литвы к Европейскому союзу. В 2001–2006 гг. был послом Литвы в США и Мексике, в 2006–2008 гг. — послом Литвы при дворе королевы Великобритании. В 2008–2010 гг. являлся министром иностранных дел Литвы. В течение своей карьеры посол Ушацкас удостоен многочисленных государственных наград Литвы, Эстонии, Франции, Грузии, Греции, Норвегии, Польши, Испании и Украины.

Хорев Альберт Павлович — и.о. начальника отдела Афганистана Второго департамента Азии МИД России. Член Президиума Совета молодых дипломатов МИД России. Выпускник Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова. В системе МИД России с 2002 года. В 2004–2008 гг. — сотрудник Посольства России в Афганистане. В 2009–2011 гг. — сотрудник Второго департамента Азии МИД России. С 2011 г. — и.о. нач. отдела Афганистана Второго департамента Азии МИД России.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 14 апреля 2014 г.)

Айнхорн Роберт, старший научный сотрудник, Брукингский институт, Вашингтон, США (с 2007 г.)

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия (с 2010 г.)

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия (с 2000 г.)

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия (с 2007 г.)

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия (с 1999 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия (с 2002 г.)

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., Постоянный представитель, Представительство России при международных организациях в Вене, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Воронцов Александр Валентинович, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2013 г.)

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., проф., ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия (с 2011 г.)

- Дворкин** Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2003 г.)
- Джонсон** Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)
- Дханапала** Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка (с 2004 г.)
- Елеукенов** Дастан Шериазданович, д.ф.-м.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Республики Казахстан в Королевстве Швеция, Стокгольм, Швеция (с 1994 г.)
- Есин** Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант Командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Женевский центр политики безопасности**, Женева, Швейцария (с 2005 г.)
- Институт стратегической стабильности**, Москва, Россия (с 2005 г.)
- Кибароглу** Мустафа, декан, факультет международных отношений, Университет Окан, Стамбул, Турция (с 2013 г.)
- Кириченко** Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Кожокин** Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Кортунов** Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2003 г.)
- Краснов** Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия (с 2003 г.)
- Лаверов** Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Ладыгин** Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Лебедев** Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия (с 2000 г.)
- Лукьянов** Федор Александрович, председатель Президиума, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Москва, Россия (с 2010 г.)
- Лысенко** Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2004 г.)
- Льюис** Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)
- Маргелов** Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Международная жизнь**, журнал, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ**, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Мурогов** Виктор Михайлович, д.т.н., проф., Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия (с 2009 г.)

Мурсанков Сергей Геннадьевич, Москва, Россия (с 2010 г.)

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия (с 1997 г.)

Мясников Евгений Владимирович, к. ф.-м. н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2011 г.)

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия (с 1994 г.)

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, заместитель начальника отдела, Центр оборонных исследований, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Рауф Тарик, руководитель, Global Nuclear Solutions, Inc., Вена, Австрия (с 2013 г.)

Решетников Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия (с 2010 г.)

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия (с 2002 г.)

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2000 г.)

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2004 г.)

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., помощник Заместителя Председателя Правительства РФ, Москва, Россия (с 2000 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2004 г.)

Сумский Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия (с 2010 г.)

Толорая Георгий Давидович, д.э.н., исполнительный директор, Российский национальный исследовательский комитет БРИКС, Москва, Россия (с 2013 г.)

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия (с 2002 г.)

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2010 г.)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия (с 2001 г.)

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2001 г.)

Федоров Валерий Валериевич, к.п.н. генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия (с 2011 г.)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, заместитель директора, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия (с 2009 г.)

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР (с 2007 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2002 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОМУ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНОМ СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 14 апреля 2014 г.)

Абен Даурен, старший научный сотрудник, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Алма-Ата, Казахстан (с 2012 г.)

Берлс Роберт, старший советник, Программа по безопасности ядерных материалов, Фонд NTI, Вашингтон, США (с 2012 г.)

Бужинский Евгений Петрович, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2012 г.)

Ковчегин Дмитрий Алексеевич, независимый исследователь, Москва, Россия (с 2012 г.)

Кучинов Владимир Петрович, советник генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Убеев Алексей Вадимович, главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2012 г.)

Чебан Александр Яковлевич, аспирант кафедры международных отношений Одесского Национального университета имени И.И. Мечникова (с 2012 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОМУ
УПРАВЛЕНИЮ ИНТЕРНЕТОМ ПРИ ЭКСПЕРТНО-
КОНСУЛЬТАТИВНОМ СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 14 апреля 2014 г.)

Волчинская Елена Константиновна, программный директор, Некоммерческое партнерство — Национальный форум информационной безопасности *Инфофорум*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Демидов Олег Викторович, ответственный секретарь группы, директор программы ПИР-Центра, научный сотрудник ПИР-Центра, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зинина Ульяна Викторовна, советник по развитию законодательства и регулированию *Microsoft Russia*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зиновьева Елена Сергеевна, старший преподаватель, кафедра мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Каберник Виталий Владимирович, начальник отдела, Управление инновационного развития, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Касенова Мадина Балташевна, профессор, Кафедра международного частного права, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия (с 2013 г.)

Левава Ирина Юрьевна, руководитель отдела стратегических разработок, Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), Москва, Россия (с 2012 г.)

Лукацкий Алексей Викторович, бизнес-консультант по информационной безопасности, Cisco, Москва, Россия (с 2012 г.)

Пискунова Наталья Александровна, руководитель проекта, Международный форум по ядерному страхованию, Москва, Россия (с 2013 г.)

Романов Андрей Георгиевич, заместитель директора, Координационный центр национального домена сети Интернет, Москва, Россия (с 2013 г.)

Сачков Илья Константинович, CEO, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тодоров Леонид Львович, заместитель Директора по работе с государственными органами, Координационный центр национального домена сети интернет, Москва, Россия (с 2012 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2012 г.)

Черненко Елена Владимировна, обозреватель отдела внешней политики, Издательский дом *Коммерсантъ* Москва, Россия (с 2012 г.)

Якушев Михаил Владимирович, председатель группы, директор, служба информационной безопасности, PayPal, Москва, Россия (с 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 14 апреля 2014 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, Посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, Посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Белу-Оризонте, Бразилия (с 2012 г.)

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Злобин Николай Васильевич, президент, Центр глобальных интересов, Вашингтон, США (с 2014 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2012 г.)

Санаи Мехди, доктор политологии, чрезвычайный и полномочный посол, посольство Исламской Республики Иран в Российской Федерации (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

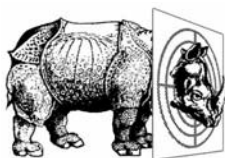
Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Фетоури Мустафа, независимый исследователь, Триполи, Ливия (с 2013 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2006 г.)

О СИЛЕ И СЛАБОСТИ

Еще году в одна тысяча девятисотом один изобретательный педант подсчитал, что Российская империя на протяжении веков ежедневно увеличивалась на 90 квадратных километров... Россия всегда оставалась для своих соседей внушающим страх безрассудным колоссом. И все же нет прямой преемственности между Петром Первым, Екатериной Второй, Сталиным и Брежневым. Связь прерывалась, русский империализм как в прошлом, так и сейчас подвержен колебаниям. (...) Русская внешняя политика, на всем протяжении России — от Дальнего Востока до Балтийского моря — строится на базе одной и той же имперской традиции, одновременно следуя различным ситуационным потребностям, насыщенная традицией и свободная до произвола.

Герхард Маиер, роман *Бородин*, 1982

Noch im Jahre neunzehnhundert ein findiger Pedant berechnete, dass das Russische Reich sich während der Jahrhunderte täglich auf 90 Quadratkilometer erweiterte... Russland blieb immer für seine Nachbarn ein furchteinflößender unvernünftiger Koloss. Und doch gibt es keine direkte Erblichkeit unter Peter I., Katharina II., Stalin und Breschnew. Die Verbindung brach ab, der russische Imperialismus sowohl früher, als auch heutzutage ist zum Schwanken geneigt. (...) Russische Außenpolitik wird an allen Orten Russlands — vom Fernen Osten bis zur Ostsee — auf der Basis der gleichen Reichstradition gebaut, gleichzeitig auf verschiedene momentane Bedürfnisse nachfolgend, mit Traditionen gesättigt und für Willkür frei.

Gerhard Maier, Roman *Borodino*, 1982

Мы говорим, что дальше нам не прорваться, и все-таки прорываемся, а потом любой сосед мирится с нашими завоеваниями.

Вестник Европы, 1870